ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

III

1935

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

ЗАПИСКИ

ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

III

1935

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР · ЛЕНИНГРАД

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Декабрь 1934 г.

Непременный секретарь академик *В. Волгин*

Редактор издания академик А. Н. Самойлович

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Ученый корректор Е. М. Мастыко

Сдано в набор 17 июля 1934 г. — Подписано к печати 10 декабря 1934 г.

214 стр.

Формат бум. 72 × 110 см. — $13^3/_8$ печ. л. — 42475 тип. зн. — Тираж 1175.

Ленгорлит № 33286. — АНИ № 361. — Заказ № 111

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

МАТЕРИАЛЫ И ОБЗОРЫ

БИБЛИОГРАФИЯ

ХРОНИКА

SOMMAIRE

ARTICLES

MATÉRIAUX ET APERÇUS

BIBLIOGRAPHIE

CHRONIQUE

В. М. АЛЕКСЕЕВ

Принципы переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык

Мне прежде всего хотелось бы отметить, — и это уже на основании опыта, — особую важность предпринятой работы по выяснению принципов перевода, или, вернее, переводов сочинений В. И. Ленина на китайский язык. Дело ведь идет не об очередном переводе эфемерных литературных произведений, и даже не о переводе произведений образцовых, подверженном манерам и манерностям переводчиков, зависящем от знаний, умений и особого искусства переводчика. Здесь именно переводчик должен сознавать, что он имеет своею непосредственной задачей перевести такие тексты, на которые будут ссылаться как на подлинник. Поэтому, в ряду переводов с русского языка на китайский эти переводы сочинений В. И. Ленина стоят и должны стоять как-то особо.

В самом деле, не место в них неумению, незнанию и всем происходящим отсюда анекдотам, курьезам, несообразностям, отмеченным, между прочим, в русской же печати? Кто-то должен взять ответственность за полноту и точность перевода, за его адекватность подлиннику, играющему столь исключительную руководящую роль. Ясно, что этот кто-то должен прежде всего быть убежденным ленинцем, говорить на ленинском языке (ибо такой определенно существует и семантически, и стилистически, и даже морфологически). Мало того, он должен основательно справиться со своею индивидуальностью, всегда приводящей переводчика к уклонам и увлечениям, которые искажают подлинник; свои литературные вкусы и стилистические навыки, приобретенные им в своем родном языке (ибо в таких случаях перевод не туземца, а иностранца заранее обречен на тщету и гибель), и очень, может быть, пригодные для передачи всех прочих литературных произведений, он должен покинуть, ища лишь полного отражения произведений В. И. Ленина. В переводах на китайский язык рели-

гиозных книг всякого рода переводчики старались соблюсти и дух и букву, но соблюли и то и другое лишь ценою гибели смысла, происшедшей из-за упрямого анахронизма и анатомизма. В сочинениях В. И. Ленина, даже далеких по дате от современности, отражена ярко и красочно самая острая современность, волнующая весь мир, и для ее воспроизведения не нужно прибегать к миссионерской практике, при которой текст в переводе остается непонятным, до вмешательства усердных разъяснений поучающего. Наконец, если даже вообще отбросить какое-либо методическое сопоставление подобных переводов, нужно заявить, что и по методу перевода политических трактатов современности сочинения В. И. Ленина стоят особо, как уже вошедшие в документальную литературу.

Ясно, что трудно было бы одному человеку обойти все эти опасные места, и очень хорошо, что издатели[1] «Избранных сочинений Ленина» на китайском языке («Ленин сюань цзи») прибегли к коллективному труду, и во всяком случае — к коллективной редакции уже сделанных переводов.[2] Однако, поскольку объективный перевод выигрывает в коллективной операции, поскольку трудна критика его, чаще всего идущая по одному из путей, уже рассмотренных в коллективе переводчиков, но забракованных, постольку критика эта может быть только излишним повторением уже раз продуманного.

Поэтому я пока полагал бы, что заняться критикою этих переводов должен бы также коллектив критиков и, прежде всего, критиков-китайцев, чувствующих получившееся лучше, чем мы, китаисты, не растущие из стихии их языка. Кроме того, надо бы подвергнуть критике не только переводы некоторых статей (как пока мог сделать я), — и не только в «избранных сочинениях», но и полный китайский переводческий опус, который, вероятно, уже существует. Наконец, надо бы опереться на существующую уже, вероятно, критическую литературу об этих переводах, и во всяком случае считаться с ней, чтобы не повторять уже сказанного.[3]

Все это, как не исполненное, заставляет меня признать мою статью несовершенной и лишь начинающей дело большой важности, дело сотрудничества по распространению сочинений В. И. Ленина среди китайских читателей.

1. Центральное Издательство Народов СССР. 1931.

2. Например, вышедший в изданиях Университета Трудящихся Китая им. Сун Ят-сэна перевод статьи «Н. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции, перевод с русского Е. Пролетариева (Ленин чжу. Лянгэ цэлио. Бу Шицзи и) 1927». Этот перевод сделан наспех и издан весьма небрежно, как и прочие в той же серии.

3. Такой критики ищут сами переводчики, как о том будет сказано дальше.

На свою скромную долю я беру пока лишь указание некоторых особенностей коллективного китайского перевода и завершение речи об основных его принципах, уже набросанных.

Надо сразу же сказать, что переводчики стояли на высоте своей задачи, которую они понимают во всей полноте.

Так, в предисловии к т. V они заявляют (стр. 8: *изай фаньи*...) «При переводе и его редактуре наше внимание было сосредоточено на исключительно правильном и точном представлении оригинала, и далее—на популярном изложении, а равно и терминологическом единстве. Тем не менее, мы всецело признаем, что в переводах нам было трудно избежать некоторых технических несовершенств, на которые искреннейше просим читателей и критиков нам указать». И действительно, всюду заметно искреннее желание подойти к тексту с наибольшим вниманием и осторожностью; вся сумма мысли и ее оттенков передается самым заботливым образом, и даже тогда, когда китайская конструкция может передать русскую лишь с большими тур-де-форсами. Надо сразу же признать, что в этом переводе, или переводах, впервые изжиты курьезы и тяжелые недоразумения, которыми пестрела до сих пор китайская переводная литература с русского, а также и с псевдо-русского оригинала (обыкновенно, с его английской версии), так что и с этой стороны надо безусловно отметить шаг вперед.

Однако, недосмотры от времени до времени замечаются, и может быть некоторые из моих замечаний, идущих навстречу пожеланиям переводчиков (только что упомянутым), покажутся им справедливыми.

В смысле интегральности оригинала, являющейся для переводчика едва ли не первым и основным требованием, китайские переводчики стоят вообще вне упрека. Если и встречаются некоторые вставки (напр. т. V, на стр. 36, 4-я строка снизу: лишние знаки *кэи*; строка 13-ая сверху, там же: лишние знаки *и чань*; на стр. 37, 6-я строка, где вставлен целый пояснительный период, и т. д.), то единственно в целях большей ясности, как бы ни понимал ее критик перевода.

С другой стороны, пропуски, в которых обыкновенно столь часто виновны переводчики, встречаются так же редко (т. V, стр. 57, 5-я строка: пропущено русское: якобы; и др.) — все от того же большого внимания к оригиналу.

Если считать, что эти два основных требования к переводчику соблюдены, то вообще об остальных можно упомянуть лишь бегло. Можно не согласиться, например, чтобы «указка» была верно передана через *мулу* — слово, не имеющее одиозного оттенка (47,4); «добрый» (иронически) через

циньайды (любимый); «начетчик» — через *босюецзя* (ученый; 47,1);[1] «боятся *за* сознательность» — через *хайпа цзыцзи юла цзиоу* (боятся сознательност*и*) (47,3); «выкрутасы» — через *юйчунь* (грубая юродивость) (43,19); «болотное общество» — через «попавшее в глубокие бездны» — *сянь юй шэньюань* (47,15); «будет» через «не будет» — *буши* (41,4); «лжесвидетель» — через «амулет на теле», *ху шень фу* (37,20); «*даже* свои» — через *хай цзыцзиды* (*и* свои: 36,6); «попытки» — через *циту* (надежды) (35,12 и 13); «разъясняли» (вообще и безлично) через «*мы* разъясняли» (35,2); и т. д., и т. д.

Если от этих неправильностей перейдем к неточностям, то, может быть, нижеследующие указания будут небесполезны для редакторов второго издания: «Акимовщина» вряд ли будет *Акимофу пай* (акимовцы, 54,11); «предательский» вряд ли то же, что *чумай* (продающий, 57,6); «половинчатость» лишь описана в выражении *бу чэ ди* (не до дна, 53,11); «ярко сквозят» не значит *илю* (остаются, остатние, 52,17); «головокружительный» недостаточно передать через *цзичжуань чжисяды* (вихрем прямо вниз, 51,8); «самобытный» не совсем то же, что *гулиды* (независимый, 50,26); «чур меня» можно бы передать точнее, чем *цзюво* (спаси меня: 47,9); «властители» вряд ли будет *чжужэньвэн* (владельцы); «церковь», как учреждение, слишком поверхностно передана через *цзяотан* (здание, 45,12); «полухозяйчики» тоже лишь отписка в виде *банью чаньчжэ* (полусобственники, 45,18); «тирада» (иронически) потерялась в *цюйхуа* (серьезная речь, 43,8); «отстаивавший» не отличено от «отстоявший» (40,25); «благоговейно» недостаточно передано через *гунцзинды* (почтительно, 40,5); «разжевать» не то, что *юн цзяньданьды лицзы лай шомин* (простыми примерами объяснить); «размалевывать» недостаточно ярко передано через *синжун* (изобразить, 37,11); «зря» недостаточно сильно в *у вэйды* (без смысла, 36,14); «не дает себе» в переводе пересказано в виде «не имеет» (36,9); «иметь дело с ...» (в своих же рядах) вряд ли то же, что *пэндао* (встретиться, наткнуться, 35,11); «таким же» передано неточно через «этими» (там же); не передано множественное число (35,13); и т. д.

[1] Н. А. Невский, компетентности которого я вполне доверяюсь, в этом и других случаях находит, что выражения, необычные в китайской речи, могут быть японизмами, совершенно обычными для речи японской Возможно поэтому, что при переводе китайские переводчики пользовались, кроме русского, еще и японскими переводами, и во всяком случае русско-японским словарем, к которому изучающие русский язык китайцы прибегают охотнее, чем к словарям русско-китайским, доселе всегда неполным, несовременным и вообще слишком несовершенным.

Все эти неточности, собранные на нескольких страницах, как видно, не из тех, что набрасывают на перевод тень, и приведены мною лишь для полноты картины.

Переходя теперь к самому стилю перевода, укажу прежде всего на то, что избранный переводчиками упрощенный и полуразговорный байхуа, конечно, более всего подходит к живому и полуразговорному стилю оригинала, сообщая длинным периодам нужную эластичность и выразительность. Однако, в первых переводах (например у т. Пролетариева) обилие частицы «ды» было даже излишним, и в коллективной редакции оно упразднено, что, конечно, к лучшему.[1] Благодаря этой эластичности, фраза у переводчиков не строится рабски по оригиналу, а старается его выразить своими более надежными средствами, хотя все-таки периоды, сильно скрашенные в оригинале живым, острым, терпким, живописным и оригинальным языком, здесь переданы утомительно и вяло, что объясняется, конечно, явною и понятною неадэкватностью переводчиков сильному оригиналу, точная передача которого заслонила собою слишком многое, в том числе и легкую читаемость перевода.

В частности, в погоне за китайскою конструкцией, переводчик иногда форсирует логические построения оригинала, разобщая связанные мысли (фраза «... что они не понимают задач партии, как передового отряда класса, *как* его руководителя и организатора» (см. Соч. VII, 1931, стр. 183) передана так: «... они не понимают задач партии; не понимают, *что* партия является передовым отрядом класса, *что* она есть его ...» и т. д. (см. V, 35, 5). Ленинская игра слов ему обычно не удается (Соч., VII, 191, фраза: «Но он не забудет также, что у этой массы есть «кроме прошлого будущее, кроме пред*рассудков рассудок*» ...» выразилась так: «что кроме прошлого, еще есть будущее, кроме *пяньцзянь* (предрассудков) еще *личжи* (рассудок) (V, 45, 26); литературный намек исчезает (Соч., VII, 192): «... да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры!» — ... «не позволяй злу (бедствию) революционной демократии нападать на нас» — и точно также без оговорок, которые, впрочем, существенны лишь для ригористов. Впрочем, иногда в переводе отпадает даже то существенное, что подтверждается как важное для понимания в «Сочинениях» (напр. VII, 192, где ссылка на примечание: «Он не захотел делать «Сизифову работу» (прим. 96) бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским глупостям» — «он не захотел делать бесконечных поправок к Мартыновским и Мартовским из глупых глупым доводам» (V,

[1] Но, все же, осталось, как например, во фразе: Ши чжэньэ юньдун цзи ци гэньбэнь*ды* хай чжуя*оды* муд*иды* дайбяо (V, 37, 7).

48, 1) — и таким образом, отсюда исчез двойной намек. Буквальность перевода чаще всего топит едкую ленинскую иронию: «умный Мартынов» передано через *цунминды Ма(р)динофу*; «почтеннейший Мартынов» — через *цзуй цзуньгуйды М.* — в обоих случаях валюта слов пропала; и так далее. Полагаю, что от ответственных переводчиков, кроме официальной точности, надо бы потребовать еще находчивости и мастерства, особенно, если помнить, что они переводят оратора, действовавшего на слушателя своим языком не менее, чем своею мыслью.

Во всяком случае, надо считать, что принцип перевода, требующий пропорциональных отражений элементов оригинала, в этих переводах едва ли соблюден как следует, ибо ленинский полуразговорный стиль основан все-таки на крепкой литературной фразе, чего нельзя сказать про китайский стиль перевода, которому не хватает именно этой установки.

Неологизация китайского стиля в переводах идет иногда слишком далеко и вероятно отходит от популярного (*тунсу*) изложения, поставленного переводчиками в девиз. Так, «политическое крещение» в дословном переводе: *чженчжи сили*, вероятно бессильно (V, 53, 2); «хвостизм», в виде *иба чжуи* также вряд ли будет учтен наравне с русским; оговорки в скобках, имевшие значение для современников Ленина, знавших, например, французский язык («. . . совершенно ошибочно автор говорит tout court — в скобках: «просто на просто», вероятно, вставка редактуры — о «воле всей буржуазии» в китайской версии выглядит только уродливо и ни к чему: «итак, наш автор Tout Court (т. е. просто на просто) говорит . . . (41, 9); точно так же латинская школьная побасенка, бывшая в ходу у нашего поколения в дореволюционной России, выглядит в китайском тексте, предназначаемом для не знающих латинского языка, излишне причудливо: « . . . Не удивительно, что он стал испытывать в нем все чаще taedium vitae, тошноту жизни» — «не удивительно, что он в этом обществе Tal (опечатка) dium Vitae ежедневно все больше чувствовал горечь жизни . . .» и т. д. Вообще же нужно сказать, что коллективная редактура выбросила довольно частые русские вставки отдельных переводчиков,[1] оставив только те из них, что были в тексте В. И. (см. предисл. к т. V, стр. 8). Но и эта трансплантация сделана, как видим, достаточно неуклюже.

Обратное этому и совершенно естественное для китайца, заботящегося о яркости и убедительности китайского переводного текста, который говорит

[1] У т. Пролетариева повсюду вставлены русские и иностранные имена и выражения: Эдуард Бернштейн, предпосылки социализма, эпизодический, Neue Zeit, Союз Русского Народа, Союз Михаила Архангела и т. д.

о далеких от массового читателя русских событиях, стремление к китаизации точно так же часто переходит меру. Так, «лозунг, ... непонятный для рабочих масс» — слишком китаизирован в виде *мо мин ци мяо*, да и ирония не нужна (34,2); «филистеры» не будут китайские «рядовые и грубые» (46,26); «арена» не всегда *утай* (сцена китайского театра); «выяснить себе» слишком грубо передано через *нунцинчу*; «сапоги в смятку» передано непристойно через *гоупи бутун*; «земно поклониться» преувеличено в *синсян даочжу* (молиться с возженными курениями, 44,11); «обрушивается на ...» тоже слишком сильно передано через *бу си изя и пинминды гунцзи* (не жалеет дойти до драки на смерть с ...); «путаница» не так страшна, как *худу* (глупость); «пустозвон» не так неприлично и жестоко, как *нюпи дацзя*; выражение «неспособность понимать, что к чему» не эквивалент китайскому *ицяо бутун* (сквозное непонимание, 40,20) и т. д. Здесь опять на очереди вопросы такта.

Остается сделать еще несколько замечаний о внешности переводов, транскрипции и пунктуации. Здесь также наблюдаем некоторое отсутствие масштаба (правда, не часто): то переводятся термины, полупринятые уже в Китае в транскрипции (из перевода Пролетариева изгнано *дэмокэласи* и заменено через *миньчжу чжуи*), то вдруг транскрибируется «логика» через *лоцзи* (5,5). «Большевик» также неизменно транскрибируется (*бурсавэйкэ*). То же и в пунктуации, то строгой (в отношении, например, собственных имен), то забывчивой.

К т. V приложен весьма странный указатель, имеющий в виду китайца, знающего английский язык и живущего в Китае (Чжун-Си чжуань мынь мин цы соинь: Китайско-Западный указатель специальных терминов). С одной стороны, его как будто составляли знающие русский язык, с другой же, это сомнительно (Raboch*e* Mysl*e*, Raboch*e* *I*elo — перевод: Worker's Deeds, — Karau*ro*v, So*n* Otechestva, Be*i*nstein, Osvoboj*g*enie). Русские собственные имена к тому же англизированы (Per*m*, Warsaw, Prague, Nicolas) причем не без неграмотных субститутов (Two Dictatorshi*p*).

Сознаюсь, что уже один этот указатель вводит меня в сомнение насчет исключительно русского оригинала переводов вообще.

Однако, исполнение переводов надо считать вполне благополучным, и я буду рад, если это признают и другие, имевшие возможности, о которых я упоминал в начале статьи, как о не имевшихся у меня лично. В этом переводе соединились все условия хорошего исполнения знающими и понимающими дело людьми, умеющими к тому же говорить языком, близким

к языку оригинала. Отсутствие эквивалентов для наиболее характерных мест ленинского языка как будто указывает на какую-то третью среду, их смягчившую или обезличившую, и этой средою мог быть, например, английский перевод, обращение к которому, я, впрочем, поставил бы в реприманд после других.

Вряд ли эти переводы составят естественным порядком (т. е. без должной подготовки) массовое чтение.

Убийственные длинноты перевода и прочие отмеченные мною недостатки этому, вероятно, будут сильно мешать, тем более, что китайский перевод оказался почему-то гораздо скупее на примечания, нежели русский текст. Китайцу же дилетанту текст останется мало доступным вообще.

Тем не менее, огромное дело сделано, и оно будет говорить и жить самостоятельно. Как бы ни были громоздки эти переводы, они вводят в китайский литературный обиход новый, ленинский язык, и не трудно предвидеть, что он, этот язык, освобождая, как и у нас, современную мысль от оков старой литературной традиции, даст выход в жизнь многому новому, идущему в грандиозную классовую борьбу.

Н. Н. ПОППЕ

Проблемы бурят-монгольского литературоведения

I

В то время, как исследование бурят-монгольского языка за последнее время сделало большие успехи, в результате которых бурят-монгольское языкознание, выделившееся в самостоятельную отрасль, прочно стало на ноги, изучение бурят-монгольской литературы до настоящего момента, как можно смело утверждать, еще даже не начиналось.

Изучение литератур монгольских народностей, т. е. халха-монголов, монголов Внутренней Монголии и т. д., занимает в монголоведении вообще весьма скромное место. До настоящего времени мы не имеем ни одного литературоведного исследования в точном смысле этого слова, ибо то немногое, чем мы располагаем, представляет собой отчасти филологические работы, критические издания текстов с переводами и филологическими комментариями и отчасти общие обзоры отдельных видов литературных произведений. Следует особо отметить два момента, которые на наш взгляд являются весьма серьезными недочетами тех незначительных монголоведных попыток приблизиться к литературоведению, которые до сих пор делались.

Первый недочет — это не совсем правильное понимание предмета литературоведения. В самом деле, что является предметом литературоведения? Является ли каждое произведение, написанное на данном языке, предметом литературоведных изысканий? Если да, то предметом литературоведных исследований мы должны были бы признать и канцелярскую отписку, и правительственное постановление, и сказку, и песню, не делая никакой разницы между содержанием таких произведений и полностью игнорируя внешнюю форму таковых. Едва ли есть надобность в том, чтобы доказывать, что далеко не каждое произведение, написанное на монгольском языке, является предметом монгольского (в широком смысле слова) литературоведения, и что таковым является лишь такое произведение, которое входит

в разряд художественной литературы. Между тем, если мы возьмем хорошо известные «Лекции по истории монгольской литературы» А. М. Позднеева, или пользующийся большой популярностью» «Очерк монгольской литературы» Б. Лауфера, мы увидим, что авторы названных сочинений не делают никакой разницы между посланием Ильхана Аргуна Филиппу Красивому, каменописным памятником Чингисхана, Данджуром, с одной стороны, и рассказами Волшебного мертвеца, подвигами Гесер Хана, сказанием о Викрамадитья и т. д. — с другой стороны, хотя в число названных сперва памятников входят дипломатическая переписка, эпиграфика и энциклопедические сочинения, а в разряд названных последними входят сплошь произведения художественной литературы. Таким образом первый недочет прежних литературоведных попыток монголистов заключается в неразличении истории литературы и истории письменности, в подмене литературы письменностью в широком смысле этого слова и в непонимании задач литературоведения как науки, имеющей своим объектом лишь художественные произведения. Справедливость все же требует отметить, что этой ошибки не делал в свое время Б. Я. Владимирцов, лишь попутно коснувшийся в своей статье «Монгольская литература» (сборник «Литература Востока», вып. II. Петербург, 1920) произведений, не входящих в разряд художественных. Нам кажется, что после всего сказанного является довольно ясной необходимость разграничения понятий литературоведение и история письменности. Объектом литературоведения должны быть безусловно только художественные произведения, только художественная литература в целом, а философская, медицинская литература, сборники законов и т. д., должны быть предметом истории монгольской науки, правоведения и т. д.

Второй недостаток — общий всем прежним работам в интересующей нас области, это стремление рассматривать литературы всех монгольских народностей как единую литературу, как одну литературу.

Говоря о тех или иных произведениях, авторы прежних работ не делали разницы между литературными произведениями, созданными среди внутренних монголов, халха-монголов, бурят или калмыков. Сумма произведений всех этих народностей представляла собою монгольскую литературу. Для некоторых периодов такой подход, может быть, был не так уже неправилен, напр., для периода XIII—XIV ст., когда существовала монгольская империя, в которую входила значительная часть монгольских народностей. В отношении всех же последующих периодов такой подход нас совершено не удовлетворяет. И чем ближе к современности, тем все менее и менее он нас будет удовлетворять. В самом деле, что может иметь общего

в идеологическом отношении современная бурят-монгольская художественная литература с литературой внутренних монголов? С одной стороны, мы имеем социалистическую советскую республику, успешно завершающую коллективизацию сельского хозяйства и достигшую больших успехов также на других участках социалистического строительства, а с другой стороны, мы имеем феодальную страну, колонию китайского торгово-ростовщического капитала и японского империализма. Ясно, что эти две литературы имеют идеологически мало общего. Что имеют общего, с другой стороны, современная калмыцкая и бурятская литература? Калмыки и буряты входят в состав СССР и обе народности одинаково успешно осуществляют у себя построение социализма, но нельзя забывать того, что, строя социалистическую по содержанию культуру и имея в этом отношении много общего, они строят национальные по форме культуры. Ясно, что национальные формы их социалистической по содержанию культуры неминуемо должны сказаться и на художественной литературе. Таким образом говорить об единой монгольской литературе в наш период не приходится. Не приходится о ней говорить и в отношении периода XVII—XVIII ст., когда начала проникать письменность к бурятам, когда появилась ойратская письменность и т. д. Повторяем, особенно ярко бросается в глаза невозможность говорить об единой монгольской литературе теперь, когда буряты и калмыки перешли на латинский алфавит и на литературные языки на основе их разговорных живых языков. Правда, следует в защиту прежних авторов заметить, что отчасти их вводило в заблуждение то обстоятельство, что вся дореволюционная литература большей части монгольских народностей была написана на общемонгольском письменном языке. Очевидно общность языка этой литературы повлияла на то, что литература бурят и прочих монгольских народностей стала восприниматься как нечто единое целое. При тогдашнем состоянии наших знаний это обстоятельство являлось до известной степени извиняющим обстоятельством, но нужно все же отметить, что языковое единство, единство языка письменности монгольских народностей является и в прошлом весьма относительным. Уже древнейшие произведения бурятской литературы обнаруживают в своем языке следы сильного влияния со стороны живого разговорного бурятского языка. И такие же следы влияния разговорного языка мы обнаруживаем в литературных произведениях, появившихся в разных местах Внутренней Монголии и т. п. Единого письменно-монгольского языка давно уже нет и его место уже давно заняли областные местные письменные языки. Так особый местный письменный язык существовал у бурят, халха-монголов, у хара-

чин и туметов и т. д. В частности, хорошо известное произведение «Подвиги Гесер хана» выдает очень сильно свое южно-монгольское происхождение, вернее южно-монгольское происхождение перевода этого произведения с тибетского языка. Пока мы говорили только о языковой стороне. Следует, однако, особенно отметить и подчеркнуть, что своеобразие бурятской литературы отнюдь не в одном лишь языке, но главным образом в конкретных весьма специфических особенностях идеологического содержания произведений этой литературы. Укажем здесь на один весьма специфический вид литературных произведений, а именно на так называемую шаманскую литературу, о которой придется говорить подробно дальше. Этот вид произведений, правда, не чужд литературе даже внутренних монголов, но у бурят он носит свои весьма резко выраженные черты. Таким образом, хотя язык является весьма характерным признаком бурятских литературных произведений, внутреннее содержание для нас является еще более существенным признаком.

После сказанного, как будто, становится довольно ясным, что монгольскую литературу мы не можем считать единой и, наоборот, должны говорить о литературах внутренних монголов, халха-монголов, бурят и т. д., как весьма сильно отличающихся друг от друга и обладающих своими очень резкими специфическими чертами. Необходимо, конечно, иметь в виду также взаимные связи этих литератур, отчасти унаследованные от прошлого, отчасти устанавливающиеся теперь.

Прежде чем перейти непосредственно к основной теме, необходимо еще коротко остановиться на одном вопросе, играющем для нас немаловажную роль, а именно на вопросе об отношении переводной литературы к оригинальной. Дело в том, что часто приходится слышать, будто литературы монгольских народностей очень бедны, что в них преобладают произведения переводные, что своих оригинальных произведений очень мало. Отчасти это, в отношении прошлых периодов, справедливо. Действительно, значительная часть старых литературных произведений, имеющихся на письменном монгольском языке, является переводной, неоригинальной. Подлинники этих произведений в большинстве случаев либо тибетские, либо санскритские, либо китайские. Но в связи с этим возникает вопрос: можно ли такие переводные, неоригинальные произведения считать предметом монгольского литературоведения? На наш взгляд, не только можно, но и должно. Дело в том, что в литературе любого народа имеются такие произведения, значение которых давно выросло за пределы национальных рамок и которые стали достоянием мировой литературы. Шекспир, Толстой, Гёте, Гейне

имеют не локальное, не узконациональное значение, но принадлежат человечеству в целом. Конечно, мы правы, когда Толстого изучаем в плане истории русской литературы, но переводы произведений Толстого на другие языки с полным правом могут считаться объектом данного литературоведения, поскольку каждое произведение мировой литературы, ставшее интернациональным, имеет в каждой стране свою судьбу, вызывая там местные литературные явления, национальные отклики и влияя на данные национальные литературы. С этой точки зрения мы вправе включить в круг вопросов, подлежащих разрешению со стороны бурятского литературоведения, также переводные произведения, если они действительно вошли в бурятский литературный обиход, аклиматизировались там и сумели вызвать в данной национальной среде местные литературные явления, представляющие собою некое окружение для данного переводного произведения. Это все тем более так, что практика изучения таких произведений показала, что большинство переводов художественных произведений на монгольский язык является не просто переводами, но переработками, своего рода особыми версиями. Такова, напр., Гесериада, в основе которой лежат хорошо известные по изданию Шмидта эпизоды, представляющие собою целый цикл эпических произведений, проникших даже в бесписьменную среду и породивших там ряд произведений устного творчества, другими словами проникших в фольклор: вспомним западно-бурятский цикл Geseri jyhen halaa «Девять ветвей Гесера». Наконец, упомянем еще одно обстоятельство. Изучая монгольский перевод того или иного тибетского или китайского произведения, мы вправе прежде всего поставить вопрос, с какой целью этот перевод был сделан и для кого, чей социальный заказ выполнял переводчик. Ведь если это произведение появилось на монгольском языке, то, очевидно, существовали какие-то предпосылки для этого. Никому не нужного, никому ничего не говорящего произведения не станут ведь переводить. Очевидно какой-то класс, какая-то социальная прослойка были заинтересованы в появлении такого перевода. А разве этот вопрос безразличен для бурятского литературоведения?

II

Итак, существует бурятская литература.

Изучая ее историю, мы в качестве объекта своих исследований должны иметь бурятскую художественную литературу, со включением также той переводной, которая вошла в историю бурятской литературы.

Как известно, бурят-монголы недавно перешли на латинский алфавит и на новый литературный язык на основе живого разговорного языка. На этом новом литературном языке уже имеется богатая литература, в том числе и художественная. До перехода на латинский алфавит и на новый литературный язык часть бурят-монголов, а именно все восточные буряты, пользовались, как сказано было выше, монгольским алфавитом и письменным монгольским языком. Таким образом на протяжении своей истории буряты пользовались двумя письменностями и двумя литературными языками, которые теперь еще до известной степени сосуществуют, правда, не находясь на одинаковых правах. В связи с этим укажем, что многие отрицают за старой письменностью какое бы то ни было право считаться бурятской и ссылаются при этом на несоответствие языка старой письменности живому разговорному языку. Иногда приходится слышать, что до латинизации буряты вообще не имели своей национальной письменности, а следовательно, и литературы. Нам кажется, что так ставить вопрос нельзя. Прежде всего укажем, что в особенности при феодализме мы обычно и как правило наблюдаем, что пишут на литературных языках, имеющих весьма слабую связь с живым разговорным. Такое положение сплошь да рядом сохраняется и при капитализме. Вспомним средневековую Европу с латинским языком в качестве литературного в очень многих странах. Укажем на Германию, где литературный язык стоит и стоял довольно далеко от живых наречий населения отдельных областей Германии. В общем мы в большинстве случаев в капиталистических и докапиталистических странах наблюдаем глубокие расхождения между литературным языком и разговорной речью. Между тем едва ли придет кому-нибудь мысль отрицать существование в Германии своего немецкого литературного языка и немецкой литературы, ибо то, что наблюдается в этом отношении в Германии и аналогичных странах, есть одно из проявлений существующей там классово-национальной культуры, т. е. буржуазной по содержанию и национальной по форме культуры. Нет ничего особенного и выходящего из ряда в Бурят-Монголии, когда мы наблюдаем, что язык там существовавшей письменности стоял очень далеко от разговорной речи. Это первое. А во-вторых напомним еще раз, что язык монгольской письменности в Бурятии был не совсем тот же самый письменный монгольский язык, что, напр., в Халхе или во Внутренней Монголии, ибо он отличался местными особенностями, бурятизмами в лексике, синтаксисе и орфографии. Таким образом, изучая историю бурятской литературы, мы, с одной стороны, будем иметь в виду произведения, написанные на пись-

менно-монгольском языке, отличающемся все же своими специфическими местными бурятскими особенностями, а с другой стороны — такие произведения, которые написаны на новом литературном языке, внешняя форма которого в основном совпадает с внешней формой разговорного языка.

Далее следует заметить, что изучая художественную литературу писанную, т. е. литературу на том или ином языке, дошедшую до нас — будь то в виде печатного произведения или рукописи, мы не можем отмежеваться от устного народного творчества, фольклора. Отмежеваться от него мы не можем по следующим соображениям. Прежде всего известным является то обстоятельство, что литературные произведения часто проникают в массы и распространяются среди них устным путем, вызывая иногда варианты, иногда сохраняя свой первоначальный характер в изумительно нетронутом и неискаженном виде. В качестве примера этого приведем ряд народных бурятских революционных песен, являющихся вовсе не фольклором, не анонимным и коллективным творчеством, но произведениями совершенно определенных поэтов. Такова, напр., широко распространенная среди селенгинских бурят песня Ƶabkalanta iderçyyd, часто слышанная там пишущим эти строки и записанная им, как народная песня, между тем как она является сочинением Bata Bazariin (см. Buriaad mongaliin kubiskaliin duu. Eblyylegçed P. Berlinski, G. Naacav. Верхнеудинск, 1930 г., стр. 8). Нам кажется естественным тот интерес, с которым литературовед прослеживает пути проникновения литературного произведения в массы и его дальнейшую судьбу. Добавим, что такое литературное произведение, проникнув в народную массу, часто даже в бесписьменную среду, подолгу сохраняется в ней почти в неизменном виде, но сплошь да рядом обрастает новыми эпизодами, изменяется и постепенно становится до неузнаваемости непохожим на свой прообраз. В качестве примера такой трансформации первоначального образа укажем западно-бурятскую Гесериаду: от первоначальной книжной версии кое-что еще сохранилось, но в основном это уже типичный бурятский улигер — рифмованная героическая былина, в которой еще наличествуют отдельные эпизоды книжной версии. И мы можем смело утверждать, что без изучения книжной монгольской версии Гесериады и ее тибетского прототипа, мы не в состоянии до конца разобраться в бурятской Гесериаде. С другой стороны, всякому, кто изучает книжные версии Гесериады, не устные, будет весьма интересно проследить все трансформации, которым первоначальная редакция подверглась, попав в бесписьменную среду. Таким образом для нас становится совершенно очевидным, что полностью отрывать литературу от фольклора мы в таких условиях не можем,

как не можем по этим же причинам и другим, уже выше указанным, делать какую-то разницу между художественной литературой на языке старой монгольской письменности и таковой на новом литературном языке на основе живой речи. Как мы увидим дальше, любой вид фольклора теснейшим образом связан с соответствующим видом письменной литературы и не понятен без изучения последней, как, наоборот, любой вид письменной литературы часто совершенно не понятен вне связи с соответствующим видом устного народного творчества.

III

Самым замечательным в области устного народного творчества бурят является улигер — богатырская былина, героическая эпопея. Когда и при каких условиях сложился этот героический эпос, мы в настоящее время не знаем. Первое, что бросается в глаза при изучении таких улигеров, это значительная взаимная близость их несмотря на сравнительно большое разнообразие основных сюжетов. Второе, что следует отметить, это известная близость тематики, а также внешней художественной формы к таковым героических эпических произведений ойратов, а также халха-монголов. Таким образом перед нами встают две проблемы — сравнительное изучение бурятских улигеров и такое же сравнительное изучение их, с одной стороны, и героических былин других монгольских народностей — с другой стороны. Что общего имеют между собою бурятские былины? И прежде всего, что представляет собою бурятский героический эпос? Бурятский героический эпос, сохранившийся лучше всего среди западных бурят, уже почти исчез на востоке Бурятии. Интересно отметить, что и на западе былины сохранились далеко не везде в одинаковой степени. Наиболее богатыми былинами являются буряты племени булгат. Значительно меньше имеют их эхриты. Из отдельных районов, изобилующих ныне былинами, упомянем Унгу и Бохан. На территории б. Аларского ведомства (Олзо-Хига) мы констатируем сильное разложение героического эпоса, уже утратившего свою внешнюю стихотворную форму и превратившегося в прозаическое произведение. На востоке Бурятии особенно богатым былинами районом является Хилокский район. Лет 20—30 тому назад былины были распространены и в Аге, главным образом в Хара Шибире, но теперь их там уже не знают. Изучение географии былин и выявление причин сохранения или исчезновения их в отдельных районах еще не начато, между тем как это является чрезвычайно важным вопросом.

Типичная бурятская былина представляет собою внешне обязательно стихотворное произведение и размеры ее достигают обычно десяти и даже двадцати тысяч стихов. Для стиха самым характерным является аллитерация, причем аллитерируют не только начальные слоги каждой строки, но наблюдается также аллитерация внутри строк. До сих пор еще не решен вопрос о размере, так как количество слогов в строке и количество чередующихся ударных и неударных слогов не всегда одинаковое.

По своему содержанию былины распадаются на ряд циклов, среди которых особняком стоит цикл былин, составляющих Гесериаду, о которой необходимо будет поговорить подробнее несколько дальше в иной связи. В центре каждого цикла стоит одна какая-нибудь былина, вокруг которой группируются близкие по сюжету былины, представляющие собою как бы разные версии ее, как, напр., былина Altan ṣagai у аларских бурят, сюжет которой входит в былину Jeremei bogdo kaan. Несмотря на ряд специфических черт, былины различных циклов имеют много общего. Так, весьма типичным является содержание упомянутой былины Jeremei bogdo kaan, сводящееся к следующему: у хана по имени Еремей богдо рождается малютка сын. В это время старший сын этого хана Идер Шулун Мэргэн находится в отъезде. Вскоре после рождения малютки хана разоряет мифическое чудовище Мангатхай, забирающее хана и ханшу вместе с подданными в плен и уходящее со всем их имуществом. Малютка был наспех спрятан родителями в подземельи, куда его уложили в железную колыбель и где поставили около него бочку с молоком. Перед уходом родители оставляют письмо на имя старшего сына. Тот возвращается, видит письмо, открывает подземелье и обнаруживает там ребенка. Он берет на себя попечение о нем. Ребенок растет быстро, не по дням, а по часам. Когда братья играют, младший всегда оказывается более смышленным. Однажды он устраивает тайлган (жертвоприношение) верховному божеству Эсэгэ Малану и получает от него чудесного коня, полное вооружение и чудодейственную воду, которой он умывается, от чего становится исполином-богатырем. Когда он возвращается домой, брат его не узнает и лишь после долгих разговоров признает в нем своего брата. Вслед за тем младший брат — Галта Могой Мэргэн отправляется на выручку родителей. После долгих странствований и преодоления многих препятствий он достигает их, убивает Мангатхая и привозит родителей домой. За этим следует второй эпизод — сватовство старшего сына, оканчивающееся его гибелью. Младший едет на выручку брата, оживляет его живой водой и привозит его домой, вынудив отца его избранной выдать за брата дочь. Следует третий

эпизод — сватовство младшего сына. В результате интриги служанки избранная им красавица улетает на небо, а царь, отец ее, спасенный Галта Могой Мэргэном от своего врага и обещавший своему избавителю свою дочь, поставлен в очень трудное положение, из которого его выводит интригантка-служанка, предлагающая выдать ее за героя под видом ханской дочери. Свадьба совершается. Галта Могой Мэргэн удивляется нецарским поступкам своей жены, открывает постепенно обман и встречается с истинной дочерью хана. Играет вторичную свадьбу, после которой он возвращается к себе на родину.

Нас завел бы слишком далеко пересказ других былин, а потому мы ограничимся лишь этим конспектом.

При изучении былинного творчества первым делом поражает обилие различных напластований в былине. Там герой занимается главным образом охотой и отчасти является скотоводом. С другой стороны, около его дворца высится двадцатипятиглавый собор, буддийский дацан, расстилается базар с многочисленными лавками, где проворно торгуют приказчики. С одной стороны, герой пользуется луком и стрелами, но, с другой стороны, он одевается в жилетку и живет в доме с крыльцом, как зажиточный сибирский крестьянин. Мы не ошибемся, если отнесем сохранившиеся наиболее древние элементы бурятского эпоса к периоду разложения родового строя и нарождения феодализма. Что герой былины не вождь племени, а феодал, может быть феодал в становлении, показывают его чиновники, подданные и рать. Кроме того, он владеет частной собственностью в виде стад и дворца. Но во многом он еще сохранил черты вождя племени и еще недалеко ушел от родового строя, что понятно, ибо у бурят родовые пережитки вообще очень сильны. С другой стороны, лавки, базар, приказчики, соборы и т. д. элементы еще более новые и являются влиянием капиталистических элементов дореволюционной сибирской деревни. Можно, собственно говоря, даже не намечать подлежащих решению вопросов, до того выпукло выступают они сами на этом мало разработанном фоне.

Особый цикл представляет собой Гесериада. От былин остальных циклов ее отличает то, что главным героем ее является Гесер, совершающий ряд подвигов, характерных для книжной версии. Так, напр., обстоятельства, при которых родился и рос Гесер в записанной и изданной Ц. Ж. Жамцарано былине Geser bogdo, совпадают изредка до довольно мелких подробностей с тем, что мы читаем в монгольском тексте, изданном ксилографическим способом в Пекине при Кан-Си. В связи с этим считаем

нужным заметить, что отдельные сказания о Гесере широко распространены по всей Центральной Азии. Так, напр., Г. Н. Потанин записал ряд таких сказаний не только среди разных монгольских народностей, но также среди тюрков, а опубликованные Francke части тибетской версии Гесериады и принадлежащие Институту Востоковедения Академии Наук тибетские рукописи, содержащие две различные версии Гесериады, свидетельствуют о том, что Гесериада, в основном, имеет тибетское происхождение. Это особенно подтверждается недавно открытой монгольской версией Geser Ling, рукопись которой с недавних пор принадлежит Институту Востоковедения Академии Наук СССР. Эта версия является переработкой тибетской версии, перевод которой издан A. David-Neel и ламой Yongden (La vie surhumaine de Guésar de Ling, le héros thibétain racontée par les bardes de son pays. Paris, 1931). Подвиги Гесера настолько резко отличаются от обычных подвигов героев улигеров, что эпизоды Гесериады без всякого труда выделяются из прочей массы эпических произведений. Монгольских книжных версий Гесера много. Помимо изданных в свое время акад. Шмидтом первых семи глав по пекинскому ксилографу, существуют еще широко распространенные в рукописях восьмая и девятая главы и менее распространенные, тоже рукописные—десятая по пятнадцатую главу. Интересно отметить, что восьмая и девятая главы особенно часто встречаются в рукописях у бурят и у ойратов северо-западной Монголии, а десятая и следующие главы в Халхе. В Бурятии можно нередко встретить очень хорошие старые рукописи на синей бумаге с водяными знаками, восходящие к началу XIX ст., содержащие восьмую и девятую главы Гесера. Эти рукописи имели прежде, повидимому, большое хождение, и ставшая очень популярной Гесериада распространилась по всей Бурятии вплоть до крайнего запада, где распространялась устным путем за незнакомством западных бурят с монгольской письменностью. Повидимому, среди бурят другие главы, кроме первых девяти, не были распространены: недаром и западно-бурятские рапсоды знают лишь существование Geseri jyhen halaa, т. е. «Девять ветвей Гесера», и не слыхали о том, чтобы этих halaa могло быть больше. Другое доказательство это то, что найденные до сих пор в Бурятии рукописи содержат в себе только первые девять глав. Бурятские устные версии Гесериады необходимо изучать как составную часть всей центрально-азиатской литературы о Гесере как книжной, так и устной, выявить специфические особенности бурятской Гесериады, выявить общее с книжной версией и версиями других народов, а также выяснить связи Гесериады с прочими циклами бурятских же эпических произведений.

IV

В письменной, книжной литературе бурят мы не находим произведений, которые внешне напоминали бы улигер. Правда, у окинских бурят Г. Д. Санжеевым была найдена рукопись эпического произведения Kaan Karankuu, представляющего собою версию одноименной былины, распространенной в рукописях на ойратском письменном языке среди ойратов северо-западной Монголии. Эта, привезенная Г. Д. Санжеевым, рукопись содержит типичную былину, но рукопись эта не бурятского происхождения, но халха-монгольского: слишком ясно выдает это и орфография и язык. Таким образом эта находка является исключением.

Зато бурятская книжная литература богата сказаниями или преданиями, восходящими, повидимому, к большой древности, в которых историческая правда причудливо переплетается со сказаниями, фантастическими элементами.

Прежде всего упомянем хорошо известную «Историю шаманки Асуй-хан» (см. Н. Н. Поппе. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института Востоковедения. Зап. Инст. Востоковед. I, стр. 195, ср. А. Позднеев. Образцы народной литературы монгольских племен. СПб., 1880, стр. 264), являющуюся родословной бурят и представляющую собой легенду о происхождении родоначальников бурят — Булгата, Хорёдоя и Эхрита. Эта легенда вошла во многие бурятские исторические хроники, которые, как мы увидим дальше, изобилуют эпическим, легендарным материалом.

Другое эпическое произведение, дошедшее до нас в старых бурятских рукописях начала прошлого столетия, это предание о Бубей Бейле и Бальджин Хатун (см. Позднеевскую Монгольскую хрестоматию, стр. 47 и сл.), в котором сохранилось много весьма древних элементов, как, напр., сведения о битвах бурят одиннадцати родов с тунгусами. Произведение это, в течение долгого времени передававшееся устным путем, восходит, по всей вероятности, к начальному периоду проникновения к бурятам феодализма, когда хори-буряты стали данниками одного героя этого произведения Дай хонтайджи. Изучение этого предания является одной из насущнейших задач особенно теперь, когда нас живо интересует вопрос о пережитках в экономике бурят как феодальных, так и родовых, наряду с неизжитыми окончательно капиталистическими элементами ее, так как подобного рода произведения являются, помимо всего прочего, ценными историческими документами, в которых многое основано на исторической правде.

В названном только что сказании о Бубей Бейле и Бальджин Хатун упоминается про одного хорошо известного в песенной поэзии героя —

Шилдей Занги, о котором существует ряд песен эпического характера, каковые распространены как среди агинских, так и селенгинских бурят. Этот Шилдей Занги, согласно преданию, в первой половине XVIII ст. погиб за самовольный переход границы, будучи казнен русскими (Позднеев, цит. соч., стр. 202). И вот здесь мы наблюдаем соприкосновение книжных исторических преданий с песенной поэзией бурят-монголов, что совершенно понятно, ибо предание и песня суть лишь разные формы, в которых содержание как в смысле излагаемых фактов, так и в смысле идеологическом одно и то же.

Как сказано, многие из преданий вошли в бурятские исторические сочинения. Вторая половина XIX века, как это можно смело утверждать на основании дошедших до нас литературных произведений, является периодом несомненного национального подъема в феодальных кругах Бурятии, среди ее нойоната и высшего ламства. Чем он вызван, нам пока неизвестно, но дело обстоит повидимому так. Этот период ознаменовался в частности и в особенности мощным литературным подъемом и дал ряд блестящих для своего времени писателей в исторической области. Ломбо Церенов, Тугультур Тобоев, Вандан Юмсунов, Хобитуев — вот далеко неполный перечень бурятских историков-хронистов, среди которых, пожалуй, наиболее крупной фигурой является Вандан Юмсунов. Эти авторы сумели сочетать громадную начитанность с элементами критического подхода к предмету, поскольку мы находим у них ссылки на ряд документов степных дум, о которых они сообщают такие подробности, как даже номер и дату. И Вандан Юмсунов и все прочие своеобразные историки бурят являются блестяще образованными и незаурядными представителями господствующего класса феодальной Бурятии. Изучение их является, конечно, не столько задачей литературоведа, сколько историка, в частности историка бурятской культуры в широком смысле слова, хотя их блестящий стиль, образный, очень четкий и строгий язык делают их близкими литературоведу. А многочисленные сообщаемые ими легенды о происхождении бурят и т. д. и отрывки несомненно эпических произведений заставляют литературоведа внимательнее присмотреться к ним, как, с другой стороны, ценнейшие сведения о шаманстве хори-бурят делают труд Вандана Юмсунова незаменимым для этнографа.

V

Необходимо несколько остановиться еще на одном виде литературы, одинаково относящемся и к фольклору и к письменной литературе, а именно на шаманском творчестве.

Прежде всего необходимо отметить, что шаманство отнюдь не следует понимать только как религиозную систему. Шаманство, конечно, представляет собою систему первобытных верований, но не только, ибо на ряду с культовой стороной, с религией оно включает в себя очень много такого, что не является религией. Шаманство есть особое мировоззрение, включающее в себя и религию — веру в сверхестественные существа, культ их, рецепты их умилостивления и т. д., но также примитивную космологию, медицину и т. д. Правда, все это имеет религиозный налет, поскольку весь внешний мир по шаманским воззрениям находится в зависимости от разных заянов и тенгриев, но, повторяем, все же шаманство включает в себя не только культ. Шаманская мифология, предания о древних шаманах, сказания о возникновении мира и всего живого часто напоминают нам богатую мифологию античного мира, которая включает, правда, в себя религиозные элементы, но все же религией не является, поскольку рядом с мифологией существует еще культ. Эти шаманские произведения часто совершенно неразрывно связаны с эпической литературой и по своей внешней форме совпадают с ней, представляя собой безусловно высшие образцы старой поэзии.

Бурятское шаманство очень сложное и проделало длительный путь развития. Как всякое шаманство, оно сохранило в себе первобытнейшие элементы, но вместе с тем в нем заметно много разных напластований. В этом отношении наблюдается полная аналогия с эпической литературой. Дело в том, что на бурятском шаманстве, являющемся в основном идеологией родового общества и унаследованном бурятами от периода родового, очень сильно отразились более поздние феодальные элементы. Переход древних бурят от охотничьего быта к скотоводству отразился в смысле появления многочисленных скотьих богов, или, быть может вернее, на переход более древних функций тех или иных божеств в функции скотоводческих богов, как, напр., Gyzer tengri, который у агинских бурят считается покровителем рогатого скота, или Ataa tengri, который у тех же бурят играет роль божества-покровителя конских табунов. Далее, очень сложная иерархия божеств, из которых одни носят эпитет хана, другие нойона, третьи тайджи, различия тенгриев, заянов и т. д., все это указывает с полной несомненностью на то, что здесь мы имеем отражение иерархии феодальной, отражение феодальной зависимости одних правителей от других. С другой стороны, бурятское шаманство испытало весьма сильное влияние со стороны буддизма, впитав в себя многочисленные элементы тантризма. В пояснение этого утверждения укажем, что шаманство предстоит перед

нами, с одной стороны, в устном творчестве, в шаманском фольклоре, а с другой стороны — в ряде произведений книжных. Носителями шаманского фольклора являются немногочисленные уже шаманы, а также нешаманы по профессии, большей частью престарелые люди, среди которых имеется довольно много знатоков бурятской старины. Этот шаманский фольклор включает в себя культовые произведения, своего рода священные гимны, напр., призывания (durdalga) божеств, устраиваемые во время обряда посвящения шамана (ṣanar), и т. п., а также песнопения, воспевающие деяния древних шаманов, гимны, посвященные различным героям в буквальном смысле этого слова, в котором оно применяется к героям греческой мифологии, как, напр., «Тринадцать северных нойонов» или «Тринадцать владетелей Ольхона».

Что касается книжных произведений шаманской литературы, то таковых известно довольно много. В этих произведениях чувствуется довольно сильное влияние со стороны буддизма, чему способствовало, повидимому, то обстоятельство, что ламы в начальный период распространения в Бурятии буддизма часто объявляли то или иное шаманское божество буддийским, ставили знак равенства между таким-то божеством шаманского пантеона и буддийским и причисляли такое-то шаманское божество к лику буддийских божеств, совсем как средневековые проповедники христианства, сделавшие из скотьего бога Велеса святого Власия. Таким образом в шаманских рукописях Гужир тенгри отождествляется с буддийским божеством Махагалой и т. п. (ср. Поппе, цит. соч., стр. 155). Многочисленные dhāraṇī, включенные в текст таких книжных гимнов, ясно свидетельствуют о громадном влиянии тантризма на это полуламское, буддизованное шаманство. Все эти моменты требуют очень тщательных исследований.

Другое, на что нам хотелось бы обратить сугубое внимание, это несомненные следы культа Чингисхана и крупицы историчности в бурятском шаманстве. Дело в том, что в шаманстве агинских бурят, с одной стороны, и у эхритов, с другой стороны, нам удалось обнаружить в шаманских гимнах упоминания ряда исторических личностей. Так, напр., божествами огня даже у западных бурят являются Sagaadai ɵbɵgɵn и его жена Sankalan Katan, в которых не трудно узнать Чагадая, сына Чингисхана, и его жену Чанхулан, которые упоминаются в ряде монгольских исторических сочинений. Соприкосновение шаманства с Гесериадой тоже наблюдается: вспомним имя одного из «Тринадцати северных нойонов» Шумара, не случайного тезку одного из витязей Гесера в книжной версии Гесериады. Возвращаясь к буддийским влияниям, укажем, что буддийский культ драконов

nāga проник даже к западным бурятам, где nāga называются Uhan Lubsan kaad, где Lubsan kaad очевидная контаминация монгольского lusun kaad (цари драконов) и буддийского имени Lubsan.

Как видно, и здесь фольклор настолько тесно переплетается с книжной, письменной литературой, что было бы насилием отрывать их друг от друга и изучать их изолированно одно от другого.

VI

Старая феодальная бурятская литература замечательна еще одним видом произведений, относящихся лишь отчасти к так называемой изящной литературе. Имеем в виду богатую для своего времени географическую, если ее так можно назвать, литературу, представляющую собою дневники-описания путешествий-паломничеств в Тибет к буддийским святыням. На эти путешествия отчасти возлагала некоторые надежды политика дальневосточной экспансии царской России, но справедливость требует отметить, что лишь очень относительно, так как о большинстве таких хождений в Тибет власти даже ничего не знали. Интересно отметить, что о большинстве таких паломничеств в литературе нет никаких сведений, хотя совершившие их оставили дневники, в ряде случаев очень подробные и содержащие интереснейшие описания виденных стран и народов и изобилующие безусловно художественными описаниями, а потому могущие считаться образчиками художественной описательной литературы

В историю путешествий на восток вошел лишь один путешественник-бурят, а именно цонгол Заяев, совершивший паломничество в Тибет в 1741 г., ставший впоследствии главою бурятского буддийского духовенства и сыгравший огромную роль в истории распространения буддизма в Бурятии. Заяев составил описание путешествия на монгольском и тибетском языках (см. Хрестоматию Позднеева, стр. 29 и сл.). Как справедливо отметил историк, путешествие это прошло незамеченным со стороны правительства и образованного русского общества XVIII ст. (В. Бартольд. История изучения востока в Европе и в России. Изд. 2-е, Л. 1925, стр. 225—226). Если не считать хорошо известного путешествия в Тибет Г. Ц. Цыбикова, описавшего его на русском языке, остальные путешествия, паломничества и хождения бурят-пилигримов в Тибет и другие святые места являются совершенно неизвестными даже исторической литературе.

Сто сорок лет спустя после паломничества первого бурятского путешественника, в 1882 г. начал свое пятилетнее путешествие лама Лубсан Мижод из Селенгинского ведомства. Путь его лежал в Тибет через Халху, Внутреннюю Монголию, Китай, Амдо в Уи, в монастырь Банчена Богдо, в Гандиса, Непал и т. д. Описание этого путешествия по отзыву Ц. Ж. Жамцарано является одним из самых блестящих (см. Musei Asiatici Petropolitani Notitia VII, стр. 055).

Жамцарано было записано со слов агинского бурята Лудуб Андаева описание его путешествия по Тибету и Непалу (см. там же, стр. 059), а Б. Б. Барадин в 1904 г. изложил письменно со слов путешественника повесть о хождении в Тибет, Непал и Индию ламы Гончик-Джап Зангиянна (см. там же, стр. 069). Последние два описания принадлежат, собственно говоря, не самим путешественникам, а потому для нас менее интересны, так как они не передают в точности переживаний и настроений паломников, наблюдавших воочию описываемые в этих повествованиях реликвии.

Названные описания путешествий, содержащие очень много личного и передающие субъективное отношение авторов их к виденным святыням и красотам природы посещенных мест, безусловно имеют право быть отнесенными, хотя бы отчасти, к художественной литературе. Издание этих произведений и тщательное изучение их является на наш взгляд вполне назревшей, очередной задачей.

VII

Такова в общих чертах дореволюционная литература бурят-монголов, которую мы в основном можем смело назвать феодальной. Эта феодальная литература обнимает собою, как мы видим, довольно много разных видов литературы, которые очерчены весьма неполно. Так, напр., говоря о фольклоре, можно было бы указать на богатый сказочный фольклор, на различные виды народных песен, на загадки и пословицы. Говоря о книжной литературе, следует еще отметить, что в Бурятии кроме упомянутых произведений имели широкое распространение многие произведения, занесенные из Монголии, в том числе ксилографические издания внутренне-монгольские и пекинские. Только одно из таких произведений, относящихся к художественной литературе, хотелось бы отметить, это «Повесть о царе Гэснэ», представляющую собою продолжение хорошо известной Vikramāditya и входящую в состав трилогии Бигармиджид — Гэснэ — Арджи

Бурджи. Интересно отметить, что эта индийская, по своему происхождению, повесть известна нам исключительно по старым бурятским рукописям, в то время как обе другие части трилогии, наоборот, распространены в Монголии, из которых лишь Арджи Бурджи известна и бурятам и монголам и даже калмыкам.

Как видно, бурятская феодальная литература относительно богатая. Она нам мало известна и мы не имеем исследований о ней. Планомерное изучение ее, с привлечением всего богатства имеющегося в нашем распоряжении материала, является вполне своевременной задачей и изучение ее актуально, ибо актуально все в зависимости не от того, что мы изучаем, а от того, как мы его изучаем.

Феодальная, по существу, дореволюционная культура бурят-монголов, характеризующаяся многочисленными родовыми пережитками, естественно не смогла подняться над уровнем культур феодального периода. Это отразилось и на литературе. Тематика бурятской феодальной литературы не слишком разнообразна. Мы не находим в ней драмы, новеллы, романа, не знаем иной лирической поэзии, как лирические народные песни. Кроме повестей, описывающих действия и похождения сверхестественных существ или героев, одаренных сверхчеловеческими способностями, мы иных повестей не находим. Силен религиозный момент. Художественные описания путешествий, мемуары посвящаются исключительно паломничествам, хождениям по святым местам. Авторы их исключительно ламы. Авторы, или, вернее, записыватели исторических преданий—тайши, зайсаны и другие представители феодальной аристократии. Литература живет и развивается исключительно в среде феодалов, среди бурятского нойонства и ламства.

Феодальная по своему содержанию дореволюционная бурятская культура, получившая, конечно, некоторый налет более новых капиталистических отношений в Бурятии, уступила свое место культуре революционного периода, периода построения социализма. Если дореволюционная культура была в основном феодальная по содержанию и имела до известной степени свою бурятскую национальную форму, то на смену ей идет социалистическая по содержанию и национальная по форме культура. Не сразу победила последняя и утверждать, что первая уже вытеснена совсем, мы пока еще не можем. Говоря о революционном периоде истории бурят-монгольской литературы, следует отметить, что лишь с Октябрьской революции мы наблюдаем появление беллетристики в прямом смысле этого слова. Хотя, как мы видели, и феодальная литература создала ряд произведений,

обладающих высокими художественными качествами, тем не менее преобладание религиозной или сказочно-эпической тематики налагает на нее в целом весьма своеобразный отпечаток. Лишь послеоктябрьская бурятская литература сумела создать новеллу, роман и особенно драму, лишь она сумела создать стихотворение в противоположность прежним эпическим героическим сказаниям и народным песням. Это относится, так сказать, к внешней, формальной стороне. Нечего и говорить, что тематика советской бурятской литературы в корне отличная от феодальной. Жизнь масс, быт бедноты, классовая борьба в деревне и городе, индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, происки классового врага — вот тематика революционной бурятской литературы, доминирующая также в современном революционном фольклоре, изобилующем различными видами песен на эти же темы. Но, конечно, не все так гладко и просто на самом деле, как это может показаться при беглом знакомстве с современной бурятской литературой: подлинно-революционная литература, действительно отражающая наше время построения социализма, явилась не сразу и не на пустое место, но на место, где некоторые корни пытались пустить различные мелко-буржуазные тенденции в литературе, где порой были сильны нацдемовские настроения. На месте феодальной литературы сначала показались некоторые ростки националистической буржуазной литературы, выражавшей интересы капитализирующихся элементов бурятского улуса, вступивших в борьбу с феодальным укладом его. Первые признаки этой борьбы на литературном фронте относятся еще ко временам революции 1905 г.

Буржуазно-демократическое течение в литературе явилось господствующим и в течение первого периода послеоктябрьской эпохи (1917—1922 гг.). Этот буржуазно-демократический этап в истории бурятской литературы характеризуется известной романтичностью в воспевании красот родной своей бурятской страны. Буржуазно-демократический характер этой литературы выражается в некотором отходе от современности: не строительство фабрик и заводов, не классовая борьба, не показ борьбы за социалистическую реконструкцию улуса влекут ее, но отход в степь, в дальние степные улусы с их многовековым укладом, на почве которого могли бы развиваться национально-буржуазные элементы. Литература этого периода представлена буржуазно-националистической интеллигенцией — Солбонэ Туя, Барадин, Намжилон, Ч. Базарон. Критик этого течения С. Ширабон (Литература Бурят-Монголии за десять лет. Советская Бурятия, 1933 г., № 1, стр. 43 и сл.) справедливо подметил, что стерж-

нем всех вопросов, которые ставили себе представители этого течения, являются интересы улуса. Характерным для них оружием является сознательное затушевывание действительности и классовой борьбы, агитация против города (понимай пролетариата).

Подробный анализ этой буржуазно-националистической литературы нас завел бы слишком далеко. Точно так же в наши задачи не входит произвести этот анализ и в отношении революционной советской литературы, ибо попытка сделать это в небольшой статье общего характера явно обречена на неудачу. Это тем более так, что до сих пор литература эта даже не выявлена как следует и не систематизирована. Мы не имеем даже более или менее полного списка наиболее известных писателей и поэтов. Поэтому мы ограничимся в дальнейшем попыткой дать небольшой обзор послеоктябрьской литературной продукции бурят-монголов и наметим лишь некоторые задачи в области изучения ее. Мы должны, однако, сделать оговорку, что художественная литература сильно рассеяна в разных изданиях, из которых далеко не все нам доступны, почему обзор не может претендовать хотя бы на приблизительную полноту.

VIII

Как сказано выше, первый этап послеоктябрьского периода истории бурятской литературы, является этапом буржуазно-демократическим. Этот этап представлен рядом писателей и поэтов.

Начнем с Солбонэ Туя (Colbonoi Tujaa). Этот весьма крупный поэт, создавший не только ряд блестящих стихотворений, но также повестей в прозе, представляет собою очень редкое явление, поскольку часть его произведений написана по-русски, а другая по-бурятски, причем и те и другие одинаково высокого в поэтическом отношении качества. Из его произведений на русском языке лишь упомянем хорошо известную книгу его стихов «Цветостепь» (Чита, 1922), чтобы перейти к его произведениям на бурят-монгольском языке. К лучшим стихотворениям его принадлежит поэма Balar erte cagiin Balta Mergen Kyƅyyn (на сюжет д'Эрвильи. Приключения доисторического мальчика). В области произведений на бурятском языке более обильно представлена проза. Из рассказов его следует отметить Dugariin kyƅyyn Dorƶo (Доржи, сын Дугара), Ceceg (Цецек) и блестящий авторизованный перевод книги Фурманова «Мятеж» (Yimeen).

Оригинальные произведения Солбонэ Туя довольно однородны. Цитированная выше книга его стихов на русском языке воспевает степь, кра-

соты байкальской природы, старую, уходящую Бурятию и свидетельствует о самоотгораживании автора от современности, о понимании задач национального искусства в буржуазно-национальном духе.

Переходим к Батоцырену. Из его произведений в первую очередь следует упомянуть блестящую по стилю и художественному качеству языка повесть Casan Şuurgan (Мятель).

Samandabadara является автором ряда повестей, из которых особенной популярностью пользуется рассказ Senge Baabai (Смерть богатого бурята). Из более мелких произведений укажем Argatai ajançan (Хитрый путешественник).

Художественная литература, выражающая по настоящему интересы трудящихся, возникла в начале советизации Бурятии. Революция выдвинула ряд молодых, преданных революции писателей. Естественно, что вышедшим из массы, которой не были доступны ни просвещение, ни искусство, было не легко овладеть искусством, подчинить его себе. Далеко не все революционные писатели стоят, поэтому, одинаково высоко в отношении художественной ценности их произведений. Понятно также, что на первых порах молодые революционные писатели избегали крупных и сложных тем. Отсюда мы наблюдаем явное преобладание революционной частушечной поэзии над другими видами поэтического творчества. Многие из таких произведений проникли в широкие слои крестьянства и перестали уже выделяться на общем фоне революционного фольклора.

К ряду революционных, советских писателей принадлежат Хуца Намсараев, Б. Абидуев, Б. Базарон, Дондубон, Нимбуин и др.

Намсараев является очень популярным писателем, автором многочисленных, талантливо написанных повестей и рассказов, а также стихотворений. Из повестей его упомянем Məlkidəg lama, mərgədəg konin (Как овца наказала ламу), Ezen ba bool (Хозяин и раб), Kara çaraita (Чернолицый), Θmcə ba kamta (Единолично и коллективно), Kubilzaganiin kurical (Страсть паразита), Θnəçədiin ykel (Смерть сирот), Duraskaalta nəkər geže domog, Seerpe mooloto (Серп и молот). К числу опубликованных им стихотворений относятся Lama (Лама), Ula zula kojor, Karankui (Тьма), Θbəgən Gelengiin yge (Слово старика Гелюна), Žirandai əbəgən (Старик Жирандай), Kreemli (Кремль), Zəbləltə Kitad (Советский Китай), Ulaan açaa (Красный обоз), Buriaad oron (Бурятия), Koninii duun (Песнь овцы), Kuurmagçiin əcəs (Конец обманщика).

В творчестве Намсараева особенно ярко выступает антирелигиозный момент. Как многие повести его, так и стихотворения написаны на анти-

религиозные темы. Многие из его произведений предназначены для детей и составляют ценный вклад в пока еще необширную бурятскую детскую литературу.

В ряду бурят-монгольских революционных в полном смысле этого слова авторов особое место принадлежит писателю С. Don (Дондубон), сразу выдвинувшемуся на видное место благодаря своей повести Kirtesen sara (Затмение луны), представляющей собою, безусловно, выдающееся явление во всей истории бурятской литературы. Эта повесть посвящена борьбе за колхозы, борьбе за середняка, который, не имея с самого начала четкого пути, колеблется между старым и новым. В конце концов колебания разрешаются в пользу нового, и колхозный строй в жизни этого середняка побеждает, кладет конец всем его сомнениям. Замечательна эта повесть, несмотря на некоторые мелкие недочеты, своей тематикой, подходом к проблеме, а также своим языком, ибо следует заметить, что это первое крупное произведение на латинизированном алфавите и новом литературном языке. Автору этой повести принадлежат еще более мелкие произведения, как Çusata Kiudalga (Кровавое побоище), Kereg bytebe (Дело сделано), Kocoroson kojor biçegiin tyyke (История двух писем).

В ряду поэтов занимает видное место Doljoon Madasoon, опубликовавший в 1932 г. книжку стихов Kabariin gerel (Весеннее сияние) и помимо того выступавший на страницах периодической печати. Трактор, колхоз, коммуна — вот тематика его разнообразных стихотворений. Автор — западный бурят.

Бавасун Абидуев является не менее плодовитым поэтом. Его сборник стихов Naranii tujaa (Солнечный луч), вышедший в свет в 1931 г., по своей тематике родствен только что упомянутому — Октябрь, Сталин, Коминтерн, крестьянин, газета «Правда», аэроплан.

Шираб Нимбуин, автор многочисленных стихов, выходивших в свет на страницах различных журналов и сборников: Gabşagai Mөriicөө (Соревнование), Tuulgan kaira (1905 год), Tarilgiin ekin (Начало сева), Baigal (Байкал), Ulaan açaa (Красный обоз). Тематика его ясно видна из заглавий. Ему же принадлежат несколько повестей, напр., Jaduu buriaadiin өndiisenii yliger (Повесть о том как поднялся бедняк-бурят), Norbiin Dulma и др. В значительной степени антирелигиозным поэтом является В. С. Losoliin, которому принадлежит также большое количество стихотворений и на разные другие темы, напр., Janvaariin jysen (9-е января), Gabşagaiçalajaa (Станем ударниками!), Kaartaçan (Картежник), Cagaalga (антирелигиозное на тему об обряде цагалга), Erdem ba şazan (Наука и религия), Zoboson

ƅide (Мы исстрадавшиеся), Ƶurag (Картина), Dirizaabl (Дирижабль), Sojoliin dobtolgo (Культштурм), Latiin yseg (Латинский алфавит), Niigem zuramiin мөriicөө (Соцсоревнование). Такова же тематика Г. Д. Нацова, перу которого между прочим принадлежит Bagaçuud kuvaraguud (Дети хувараки), Malçan kyƅyynii yge (Слова мальчика-пастуха), Yylter (Порода) и т. д.

Количество бурятских поэтов и писателей в настоящее время значительно превышает наши возможности хотя бы вкратце перечислить всех их и их произведения. Ограничимся лишь указанием еще на то, что революция создала совершенно новый для бурятской литературы вид произведений, а именно драматические произведения. Дореволюционной бурятской литературе драматическая пьеса за редким исключением была чужда. Иных видов кроме религиозных мистерий — цамов буряты не знали. Лишь с момента Октябрьской революции появляются драматурги, вначале буржуазно-демократические. В 1925 г. появляется пьеса Д. Р. Намжилона Kuuçan kubilba, kuuli şinelbe (Обновление), в 1926 г. его же Munkag ƅaidal (Темная жизнь). В том же 1926 г. выходит в свет его пьеса, написанная совместно с известным бурятским ученым Б. Б. Барадиным, «Жигдэн или прежние господа» (Uridanai nojod). В течение все этого же года выходят в свет еще пьесы Ч. Базарона Kaartaçan (Картежники), написанная им еще в 1912 г. и представляющая собою, как сказано в предисловии от редакции, «первую пьесу на родном языке среди восточных бурят», и Tariaan (Хлеб); пьеса И. Г. Дадуева Sursan dalai, suraa-gyi ƅalai (Ученье свет, неученье тьма). Вслед за тем мы имеем пьесы Ynenii ƅajar (Торжество правды) Абагайн Тургена (1927 г.) и Cagaalgan Номтоева и Содномова (1930). Особенно важно отметить появление с 1931 г. пьес на латинизованном алфавите и на новом литературном языке на основе разговорного. Таковы Moridiin ukaan (Затеи лошадей) Михаханова, Darlalta (Гнет) Санжина, Niudarganii aaşa (Кулацкая затея) Доржиева, Tasaldal (Прорыв) и Şine zam (Новый путь) Балдано, «Барьеры» Миронского и Шадаева и др.

Говоря о писателях и их главнейших произведениях, следует еще отметить, что за революционные годы появилось некоторое количество литературных сборников, в которых вышли в свет повести и стихи очень многих авторов. Эти сборники — художественные альманахи — явление совершенно новое и дореволюционному бурят-монгольскому книжному рынку неизвестное.

В 1927 г. вышел в свет альманах Uran ügesün cimek, изданный Бурят-Монгольским Ученым комитетом, в котором наряду с бурятскими писателями участвовал и монгольский писатель Буян-Немеху. Среди участ-

ников этого сборника мы находим Самандабадара, Солбонэ Туя, Дадуева, Бато Церэнова и Цедэн Дамба. Высокохудожественные по форме произведения этого сборника страдают большими недостатками в том смысле, что подход у авторов к разрешаемым проблемам старый, буржуазно-демократический. В этом отношении значительно удачнее опыт альманаха Uran zokiooliin almanaaka (Верхнеудинск, 1932), посвященного пятнадцатилетию Октябрьской революции, в котором мы находим повесть Х. Намсараева Duraskaalta nөkөr geze domog и главу из упомянутой выше повести С. Don'a Kirtesen sara. Что особенно следует отметить, это наличие произведений переводных — М. Горького и одного из стихотворений В. Маяковского. То же самое можно сказать о сборнике Kabariin uriaa (Весенний призыв), посвященном колхозному строительству и содержащем стихи «Первая борозда», «Слово трактора», пьесу «Нет дыма без огня» и др. ряда лучших бурятских писателей. Прекрасный сборник художественных произведений, посвященный национальному бурят-монгольскому кавалерийскому дивизиону, был выпущен к десятилетию Бурят-Монгольской АССР. Сборник этот озаглавлен Ulaan tugta divizioon (Краснознаменный дивизион). Участвуют в нем Х. Намсараев, Д. Дашинимаев, Балданжабон и Абидаин, из которых последний дает интересное собрание стихотворений о Красной Армии ряда поэтов.

Специальный сборник стихотворений начинающих поэтов-рабселькоров газеты Ynen представляет собою книжка Uran şylegyydiin deeze (Верхнеудинск, 1931), в котором участвуют, на ряду с начинающими, уже хорошо известные нам Х. Намсараев, Балданжабон, Лосолин и др.

Безусловно горячего одобрения заслуживает выпуск в свет литературной хрестоматии, предназначенной для школы, в отдельных выпусках которой мы находим лучшие произведения Х. Намсараева, Нимбуина и др., на ряду с отрывками переводов из Фурманова, и т. д.

Как видно, в современную бурятскую литературу уже влилось некоторое количество переводных произведений из сокровищницы мировой и советской литературы, как-то Горький, Маяковский, Фурманов. До революции бурятский читатель не имел в своем распоряжении никаких произведений мировой литературы, если не считать переводов двух рассказов Л. Н. Толстого — «Бог правду видит да не скоро скажет» (СПб., 1914) и «Карма» (Петроград, 1916), вышедших в свет в переводе Б. Б. Барадина. Можно особенно даже не указывать на то, что из серии всех произведений Толстого переведенными оказались лишь эти относящиеся к разряду так называемой нравственно-религиозной литературы.

Последнее, на чем следует остановиться, это на детской художественной литературе, которая до революции у бурят не существовала. В настоящее время имеется значительное количество книг для чтения для детей, из которых некоторые уже упоминались, как, напр., литературная хрестоматия. Ряд рассказов для детей Х. Намсараева и других вышел в свет так же отдельно. Некоторые такие произведения выходили также в пионерской газете Leeninei açanar.

Таков беглый перечень того, что дала в области художественной литературы Октябрьская революция. Проанализировать всю эту литературу, проникнуть в глубь ее, вскрыть все ее достоинства и недостатки, является насущнейшей задачей. Мы смогли в настоящей небольшой статье лишь слегка скользнуть по поверхности ее и наметить лишь некоторые, возможные пути исследования бурятской литературы вообще. Бурятское литературоведение еще не построено. Пути эти еще не проложены. Почти все придется проделать с самого начала. Тем более заманчивой и увлекательной должна быть работа по поднятию этой, еще не тронутой целины.

Б. А. ВАСИЛЬЕВ

Октябрь и дунганская литература

Говорить об Октябре и дунганской литературе — это значит говорить о дунганской литературе в целом, потому что своим появлением и существованием она обязана исключительно Октябрьской революции и национальной политике советской власти.

Вполне понятно, что тематика литературы, рожденной Октябрем, является насыщенной новыми мотивами, и, в первую очередь, мотивами самого Октября.

Дунганская художественная литература в данный момент находится в периоде своего творческого становления.

Народ, до Октябрьской революции бывший по существу бесписьменным, получив орудие своего культурного роста в виде алфавита, вполне естественно в письменной форме фиксирует наиболее актуальные моменты своей жизни, фиксирует грандиозную стройку социалистического общества, в котором он принимает участие наравне с другими национальностями нашего Союза. Конечно, новая литература дунган учитывает и оформляет многолетний опыт своей старой устной литературы, своего фольклора, но в основном она явление совершенно новое, и для нас чрезвычайно важно анализировать и показать советскому читателю один из участков фронта нашего социалистического строительства на советском Востоке, показать успехи дунганского народа, тесно связанного с миллионной массой дунган за рубежом.[1]

[1] Наиболее капитальными работами по китайским мусульманам на европейских языках можно считать двухтомник Thiersant. Le mahométisme en Chine, а также Broomhall. Islam in China и Filchner. Huihui. Согласно вычислению Thiersant общее количество мусульман в Китае (преимущественно дунган, однако, сюда входят и тюркские народности) 20—21 миллион. Количество дунган в пределах нашего Союза по переписи 1918 г. исчислялось в 18 318 чел., а по переписи 1926 г. — в 14 600 чел. Такое уменьшение объясняется реэмиграцией дунган в Китай в период гражданской войны. За последнее время наблюдался обратный прилив дунган из Китая в пределы СССР.

Наметив тему «Октябрь и дунганская литература», мы должны будем рассмотреть не только тематику Октября в дунганской литературе, но и всю историю появления и роста этой дунганской литературы в целом.

До Октябрьской революции дунганское население в Средней Азии, переселившееся из Китая в 80-х годах прошлого столетия и живущее преимущественно по реке Чу, в нынешних Казакской и Киргизской АССР,[1] сохраняло свою феодальную культуру, китайскую в основе, причем главным культурным рычагом было духовенство, имевшее огромное влияние на массы.

В условиях давления русского капитализма, в окружении узбекской и татарской буржуазии, при панисламистской тенденции духовенства, дунгане постепенно теряли китайскую культуру, и мусульманское влияние, вообще сильное и в самом Китае среди дунган, особенно резко сказалось на письменности.

Помещики, кулачество, духовенство быстро растеряли те немногие знания китайской иероглифической письменности, которые они принесли с собою из Китая, и перешли на арабский алфавит. Однако его неприспособленность к китайскому языку была настолько велика, что при письме дунгане предпочитали пользоваться татарским языком; таким образом письменный дунганский язык почти перестал существовать. Знание иероглифики стало редким исключением и сохранилось только среди некоторых стариков из класса помещиков или духовенства. Что же касается крестьянской массы, то она продолжала оставаться неграмотной, как и раньше.

Октябрьская революция, раскрепостив дунганское трудовое крестьянство, поставила перед ним задачу создания своей национальной культуры, поставила вопрос о культурной революции. Застрельщиком этого дела была молодая дунганская интеллигенция, выросшая в революционный период.

Учащаяся в Ташкенте дунганская молодежь еще до 1927 г. составила проект дунганского алфавита. Этот алфавит был переработан Киргизским комитетом нового алфавита и был принят в новом виде II пленумом ЦК нового алфавита в январе 1928 г. Однако, ввиду многих недостатков и несоответствий, специально созванная в г. Фрунзе конференция по вопросам дунганского алфавита и литературы в июле 1932 г. приняла окончательную редакцию алфавита, правила орфографии и тезисы развития терминологии и литературы.

[1] Главнейшие районы поселения дунган в Средней Азии следующие: в Киргизской АССР — Фрунзе, Токмак, Александровка, Миляньчуань, Лю шань ло, Аулиэ-ата, Каракол, Ырдык, Ош (Южная Киргизия) и Нарын (Кочкорк); в Казакской АССР — Алма-ата, Кзылджигдэ, Джаркент, Каракунуз, Шор-тюбе.

Еще с 1928 г. в дунганской школе во Фрунзе началось преподавание на родном языке и на своем алфавите, причем сеть школ и ликбезов неуклонно развивалась, несмотря на упорное сопротивление духовенства и кулачества.[1]

Параллельно с развитием школ и ликвидацией неграмотности как среди городского дунганского населения, так и среди основной массы, — колхозников, — развивалось и печатное дело.

В первую очередь началось издание учебников для 1-го года обучения, затем целый ряд переводных брошюр, посвященных наиболее актуальным моментам текущей политики, и, наконец, в связи с все более повышающимся культурным уровнем дунганских трудящихся, начинает издаваться в г. Фрунзе пятидневная газета «Dvuɳ xuoɦiɋ» — «Искра Востока» — первая дунганская газета в мире.[2]

При Научно-исследовательском институте Киргизии организуется специальная дунганская секция, изучающая вопросы дунганского языка и письменности, а на страницах газеты, и даже в самостоятельных изданиях, начинают появляться первые произведения новой художественной литературы.

Эта молодая литература дунган не может похвалиться большим количеством произведений и широкими кадрами писателей. Она только-только начинает развиваться, проблема литературных кадров является узким местом, но то, что уже сделано в этой области, заслуживает нашего особого внимания, как показатель огромного культурного сдвига, который является следствием проведения национальной политики нашей партией и правительством.

К 15-летию советской власти дунганским народом в области культурного строительства, являющегося следствием общего экономического и политического развития, сделано необычайно много, и область художественной литературы, в частности за 3 последние года, дала высокий показатель роста.

[1] Рост в деле народного образования виден из нижеследующих цифр:

1928 г. 1 школа во Фрунзе — 18 чел. детей (преподавание шло без учебников).
1929 г. 1 школа во Фрунзе — 75 детей, 1 школа в Караколе.
1930 г. 4 школы в Киргизской АССР, 1 школа в Казакской АССР.
1931 г. 7 школ в Киргизской АССР, 3 школы в Казакской АССР, с охватом 500 чел. детей.

С этого же года Наркомпросом Киргизии открываются курсы подготовки дунганских учителей.

[2] С 1 января 1931 г. при Киргосиздате образовалась дунганская секция. С 1 июня 1931 г. для дунган была отведена 4-я страница в киргизской газете для малограмотных «Savattəbol», где материал печатался на дунганском языке. В 1932 г появляется регулярнаа газета «Dvuɳ xuəɦiɋ», предшественницей которой была первая однодневная газета на дунганском языке, выпущенная 4 мая 1930 г. в Ташкенте.

Существовавшая до введения дунганского алфавита старая устная литература была характерна своей близкой непосредственной связью с той устной литературой Китая, которая носит ярко выраженный феодальный характер. Это были в большинстве песни полу-исторического, полу-фантастического характера, о походах различных вождей дунган, относящиеся к периоду дунганского восстания в Китае, и воспевающие торговлю, женщин-затворниц, идеалы торговой буржуазии и помещиков, и, наконец, песни любовной лирики и ходовые среди широкой крестьянской массы песни о тяжелом труде и безвыходном порабощении.

С момента Октябрьской революции, однако, в эти старые формы начинает вливаться новое содержание. Мы видим в них мотивы гражданской войны, мотивы Ленина, советского строительства, антирелигиозной борьбы, классового расслоения. В качестве образца многочисленных народных песен, использующих старую форму и напев, но вкладывающих новое советское содержание, любопытно привести песню, записанную мною от дунганина Магуй 64-х лет, родом из Турфана (Синьцзян) проживающего во Фрунзе.

Песня называется: «Ljenin zь lw miꞑ» — «Ленин указывает путь».

1. Ljenin zь lw min,
zьxadi miꞑ lw pin,dьn,
Vo jo zь pin,dьn,
libwljo cynnedi ƶьꞑ
5. Cinmon, ljen cynƶьꞑ
ljancje cynƶьn, z,ь gui gwn,
Zəjo zь gw vьn
libuljo njanfu zьn
9. Cynƶьn von̦cjan sin,
Sin, zь syəton,ni njanfu c,in,[1]
zin, fu dw tun nьn,
c,inmon, zь pin,dьn,
13. Cynƶьn xь ji sin
Cynƶьnmьn xь sin zь pin,dьn,
tuido fwxonƶьn[2]
tjanşja du tejpin,[3]

1. Ленин указывает путь,
Указанный путь — то равенство;
Если я хочу равенства,
Нельзя не быть вместе с бедняками.

Ср. [1] 念書經. [2] 富漢人. [3] 天下都太平.

5. Поскорей объединяйтесь, бедняки!
Объединившись, будем строить государство.
Если хотим построить культуру,
Нельзя не быть грамотным.
9. Бедняки идут вперед,
Идут в школы учить книги,
Книги научившись понимать,
Скорее построим равенство.
13. Бедняки, будьте единодушны,
Единодушно постройте равенство,
Уничтожьте богачей,
Мир будет спокойным.

Китайские культурные элементы весьма сильны в этой песне. Однако все эти мотивы очень часто бывают политически не четкими, и в них встречаются еще старые пережитки национальной розни.

И только после введения алфавита, после широко развернутой в новой дунганской печати дискуссии, после появления новых советских кадров писателей и большой воспитательной работы, проведенной среди широких трудящихся масс — рождается молодая советская литература дунган, совершенно иная и по форме и по содержанию.

Достаточно взглянуть на заглавия новых произведений, чтобы уяснить себе общую картину молодой литературы: «Песня пионеров» (Pijaniŋ cyzь), «Турксиб» (Turksib), «Советский союз» (Suljen), «Партия» (Doŋ), «Комсомол» (Cinljenxuj), «1-е мая» (Tfuji maj), «Кулак» (Fuxan), «Красная армия» (Ẋuŋ çun), «Революция» (Gəmiŋ), «Вторая пятилетка» (Diəŋgь), «Комсомолка Ашэр» (Aşəŋ komsomolka), «Мировому пролетариату» (Gi puşьdi proljetariat), «Новый алфавит» (Hinəlif), «Белое золото» (хлопок) (Bъj çiŋzь).

Революционные темы в произведениях дунганской литературы занимают почти 90%. Преимущественная форма произведений — стихи.

Тема Октября и его значения для национальностей Советского Союза — одна из наиболее частых тем: Напр., в сборнике стихов Я. Шивапзы «Светлое сердце» (Ljoŋmiŋ hьn), изданном в 1931 г., мы находим стихотворение «Красный Октябрь» (Xuŋ şьjə).

Красный Октябрь просветил людей,
Большие возможности каждому дал,
Возможностей не перечислить всех!
Дунган не оставил он тоже.
Послушайте, братья, мои слова,
Их я вам перечислю отчасти...
Учатся все дунганские дети,
Чего не видели мы при царе.

Как прекрасно, что учатся дети!
Каждый работает с сердцем усердным,
Вырастут — станут они для дунган работать,
Вот и еще большая возможность!
Этим, однако, не все перечислил.
Письменность дал Октябрь дунганам.
Как прекрасно, что письменность есть,
Учимся мы на своем языке!

Автор этого и многих других произведений является наиболее плодовитым поэтом и писателем в данном периоде роста дунганской литературы, и необходимо несколько подробнее остановиться на нем и его творчестве в качестве образца.

Ясыр Шивацзы родился в 1906 г. в селе Александровке в семье кузнеца. С 8-летнего возраста до 1923 г. он учился в старой школе арабского типа, но уже в 1924 г. был отправлен в Ташкент и зачислен в Институт просвещения национальных меньшинств. В 1930 г. он окончил институт, где обучение проводилось на татарском языке, и получил назначение в качестве заведующего первой дунганской школой в г. Фрунзе.

С этого момента Шивацзы работает исключительно среди дунган в качестве преподавателя, редактора, писателя и общественного работника.

Первое свое произведение — стихи он написал в 1927 г. С этого момента им выпускается целый ряд переводов как художественной литературы, так и политических брошюр, целый ряд оригинальных статей в газете, для учебных пособий и, наконец, выходят сборники стихов «Светлое сердце» (Ljoꞑmiꞑ hin) и «Красный цветок» (Xuꞑ xuaɋ).

Кроме этого, он много работает над вопросами дунганского языка, алфавита в частности, и ведет литературный отдел дунганской газеты, за последнее время пробуя перо и в области драматургии и прозы.

Вместе с двумя другими дунганскими писателями, Ян Шансином и Каримом Маи, он образует литературную группу в г. Фрунзе, к которой примыкает также писатель Цунвацзы из Алма-ата.

Этим пока ограничиваются кадры художественной литературы дунган, так как остальные, как в пределах Киргизской, так и Казакской АССР: Мацун, Джон, Абдулаи, Абдулин, Макей и целый ряд других писателей, работают исключительно в области педагогики и публицистики.

Анализируя все появившиеся в печати до сих пор произведения дунганской художественной литературы, мы видим зачастую влияние формы старой устной литературы (напр., стихотворение «Вперед» (Voꞑ cjen) из

сборника «Красный цветок», или «Цзян Кай-Ши идет в поход» (Caŋ kesь lin biŋ) из сборника «Светлое сердце». Но в основе, все же, это совершенно новое творчество, причем оно формируется не без влияния таких советских писателей, как Демьян Бедный или Безыменский.

Какие же мотивы и в каком преломлении наиболее ярко выделяются на общем фоне всех произведений дунганских писателей?

Советское строительство, национальная политика и вся революция на Востоке осуществлены только под руководством партии, поэтому то Коммунистической партии и посвящено большинство страниц дунганских произведений.

Так, напр., Ян Шансин в стихотворении «Красный луч» (Xuŋ guoŋ-ljoŋ) пишет:

Когда в стране бедняков
Компартия
Показывает путь,
Все выполнимо.

А другой поэт — Я. Шивацзы пишет следующее:

А разве не так?
Наша партия
В. К. П.
Не говоря ни о воде
Ни об огне,[1]
В семнадцатом году
Руководя,
Совершила революцию,
Капиталистический
Старый мир
Разрушив,
Строя советскую —
Рабочих,
Крестьян,
Красной армии —
Власть!
Партия борется
Четырнадцать лет —
Наступил пятнадцатый год.
Наши враги
Еще не прикончены.
Враги иностранные

[1] Т. е. преодолевая все трудности.

Окружают кольцом
И помогают
Внутренним врагам:
Ищут разные пути
Как бы советы
Разрушить!
Кто вступает в партию
Тот идет на борьбу!
Не хочешь бороться —
Не бери партбилета
Зря!

Из произведения «Бывают партийцы» (Judi donjuen).

Те трудности, которые преодолевала партия в ходе укрепления советского строя, в борьбе с внутренними и внешними врагами, отражены в другом стихотиорении того же автора «Три периода» (Sangь guoŋjin), из которого я беру только некоторые выдержки:

I

Семнадцатый год
Трах-тах-тах[1]
Все взяли ружья —
Вперед,
На врага!
...Дело не легкое,
Жизнь — тоже трудная.
Партия не слабеет...
Идет правильным путем
— Ленинским.
Юденич, Деникин, Колчак
И прочие
Генералы
Всеми делами
Править хотят.
Под руководством партии —
Рабочих и крестьян
Красная армия — сильна,
Идет вперед
Всем врагам
Генералам
Головы рубит.

[1] В тексте: «киа, киа, киа!»

II

...Четырнадцать лет прошло
Все дела
По плану идут.
А первый план
Капиталистов догнать,
Капиталистов внутренних
Сплошной
Коллективизацией
С корнем прикончить.
А еще — электричество провести,
Все осветить,
Все окультурить.
Для такого великого дела
Надо и взрослых и детей
Грамоте научить...

III

Но еще больше
Второй план!
Классы уничтожить
Корни социализма
Посадить.
...Мировой капитал
Всех стран
Кризис большой
Охватил.
Из Азии,
Из колоний
Тащут к себе
Свои убытки заполняют.
Хотят все забрать,
Мировую революцию
Всю уничтожить...
Эй!
Капиталисты мира,
Фашисты! —
Мировой пролетариат
Построит единый фронт,
Чтобы тебе, капиталист, —
Не было места куда скрыться.

Будучи по характеру своего производства в основном земледельцами, свое участие в выполнении пятилетнего плана дунгане, естественно, в первую очередь мыслят по линии сельскохозяйственных функций.

Так, в стихотворении «Сей семена» (Ba zьq sa!) мы находим:

Белый снег
Весь растаял,
Пришла весна...
Днем и ночью
Горный ветер веет.
Все дороги высохли.
В сердце моем
Радостно.
Взяв калам[1]
Эту песню
Пою не зря —
Воспеваю весну.
В этом году
Весна
Третьего года
Решающего!
Большие поля советской страны
Глазу приятны.
Как хорошо!
Машины и тракторы
Движутся по полям,
Хлопок и хлеб
Посеяны полностью!
Хемер,
Фамер[2]
Заняты тоже —
На полях они сейчас
Веселые, сильные,
Помогают колхозам, совхозам.
Сей!
Сей семена!
Не жалей!
Пусть Советский Союз
Покроется золотом и серебром!

[1] В тексте gəren,— дунганское слово для обозначения карандаша или пера, образованное от kalam.

[2] Дунганские женские имена.

Аналогичные мотивы можно видеть и у Ян Шансина (стихотворение Xuŋ ljoŋ) и у многих других дунганских писателей.

Успехи социалистического строительства постепенно уничтожают грани города и деревни, и основным мотивом в литературе является мотив сотрудничества, поддержки городом деревни.

В стихотворении «Город и деревня» Ян Шансина мы находим, например, следующие строки:

Я — деревня,
Ты — город,
В деревне — колхоз,
В городе — завод,
Эти двое родных
Все могут сделать...
Светит ярко
Лампочка Ильича —
Освещает глубоко,
Создает коллектив.
...Крестьянин торопится.
На земле хлеба
Выросли до желтизны...
Жать зерно
Серп не годится.
Машина лучше,
Машина — как раз!
Крестьянин только убирай,
Комбайн же жнет,
Молотит,
Веет,
Собирает.
Комбайна сила
Несказанна.

Наряду с подобными картинами мирного труда, мы находим также мотивы обороны от врага, мотивы, посвященные Красной армии.

Нашу страну
Восточную
Царь и богач,
Ты знаешь,
Угнетали!
Наша страна
Восточная,
Трудящихся

Кровью омытая,
Готовься! —
Советы хотят уничтожить
Бесстыдные богачи,
Колхозы, совхозы
Хотят уничтожить,
Советов великую землю
Кровью залить.
Готовься!

Шивацзы — «Готовься» (Ni Şəly).

Красной армии сила — огромна,
Небо велико — и его она не боится.
Бедняков свобода — огромна,
Красная армия охраняет ее.
Крестьянин держит плуг,
Рабочий молотом бьет.
Что случится — не боятся,
Красная армия их защитит.
В государстве бедняков наций много,
В Красной армии все они есть,
В Красной армии — все дети бедняков,
Малые нации все идут в нее.

Ян Шансин — «Красная армия» (Xun, çyn).

Революция, освободившая Восток, уничтожает старый быт, феодальную идеологию и, в первую очередь, религиозные предрассудки.

Борьба на этом фронте особенно трудна, и поэтому особенно ценно видеть, как растет антирелигиозная волна, как она отражается в произведениях новой литературы.

Вы послушайте, братья.
Теперь не учат мусульманским книгам;
Не надо, чтобы дети думали о глупостях,
Надо, чтобы они хорошенько учились.

Такую фразу мы видим в стихотворении «Дунганская молодежь трудится» (Dvunjbn vamudi ganban) из сборника «Светлое сердце»; а в стихотворении Шивацзы «Ашэр комсомолка» читаем:

...Ей говорят:
Ты брось святых,
Брось ахунов,

Богачей,
Религию...
Выйди за ворота...
Впереди счастье,
Есть там настоящая правда,
Есть руководитель — партия...

Антирелигиозные мотивы, раскрепощение женщины, новая свободная жизнь нового свободного Востока — это все то новое, что принесено Октябрьской революцией.

На том участке советского строительства, который далеко не полно захвачен темой данной статьи, на фронте культурного строительства советских дунган — новая дунганская литература является лучшим рапортом к 15-й годовщине Октября, реальным результатом национальной политики, национальной по форме и социалистической по содержанию.

24 X 1932 г.

А. НОВИЧЕВ

Промышленная политика современной Турции

Турецкая национальная буржуазия, возглавив революцию против империалистов и внутренних контрреволюционных сил, добившись политической независимости Турции от империализма, повела также борьбу и за экономическую независимость страны.

Эта борьба прошла ряд этапов — этапов подъема и упадка. Под влиянием как внутренней, так и международной обстановки экономическая политика турецкого правительства характеризовалась на одном этапе обострением борьбы против иностранного капитала, а на другом, наоборот, брали верх тенденции сближения с ним. Для того чтобы познать этапы развития пореволюционной Турции, а также и тенденции этого развития, необходимо самое тщательное изучение ее экономической политики.

В настоящей статье мы ставим себе задачей исследование одной из важнейших сторон этой экономической политики, а именно промышленной политики. Мы стремимся проследить, в чем она выразилась и как она развивалась на отдельных этапах.[1]

Промышленная политика современной Турции пережила три этапа: 1-й этап — 1923 — 1926 гг.; 2-й этап с 1927 по 1930 г. и 3-й этап с 1931 г. до настоящего времени. Что же касается 1920—1922 гг., то за это время турецкое правительство ничем особенным себя в области экономической политики вообще, промышленной в частности, не проявило.

Занятое борьбой с внешним врагом, с империалистами и их внутренними агентами, правительство анонсировало необходимость сначала победить внешнего врага, а потом приняться за внутренние реформы. Чем был

[1] Источником для изучения промышленной политики турецкого правительства, кроме особо оговоренных, служат, главным образом, сборники законов, изданных Rizzo в Константинополе «La Législation Turque», тт. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX.

Дабы не загромождать статью множеством ссылок и примечаний, мы в тексте указываем номер закона и дату, по которой он легко может быть найден в соответствующем томе.

вызван такой отрыв борьбы против империализма от внутренних реформ, этот вопрос не является предметом нашего обсуждения, и поэтому ограничиваемся лишь исторической справкой.

С 1923 г. начинается период активной экономической в том числе и промышленной политики кемализма. Из законов, изданных до 1923 г., могут быть упомянуты только два, а именно: первый — об отмене ограничения продажи каменного угля, производимого в Эрегли и Зунгулдаке, ограничения, установленного во время империалистической войны (закон № 11 от 15 авг. 1920 г.) и второй об экспорте лигнита (№ 82 от 8 января 1921 г.).

Последний закон уже дает как бы первый характерный набросок будущей кемалистской экономической политики. Он декретирует отпуск из бюджетных средств ассигнования на добычу и экспорт лигнита и в этом же году, согласно этому же закону, было отпущено в счет кредитов 60 000 лир.

В 1923 г. были сделаны первые шаги по намечению программы экономической деятельности. Были созваны представители торгово-промышленных кругов населения для выявления их запросов.

Мы разумеем Смирнский экономический конгресс, созванный весной 1923 г., когда Константинополь находился еще в руках интервентов, а на смирнском рейде стояли английские военные суда.

На этом конгрессе промышленники выразили пожелание о введении запретительных пошлин на одни товары, льготных для других, организации транспорта, реформы ряда законов, открытии выставок и т. д.

Вместе с тем, были отклонены требования рабочих о введении 8-часового рабочего дня, праве забастовки и т. д.

Представители промышленной буржуазии внесли предложение прекратить в целях бережливости ввоз иностранных товаров, допуская лишь ввоз предметов, необходимых для тяжелой индустрии, пароходства и железных дорог.

Принимаются постановления о запрещении вывоза сырого табака, об отмене концессии «Régie de Tabacs» и всех видов табачной монополии, о запрещении ввоза английского угля, об обязательстве чиновников носить предметы исключительно национального производства и т. п.

Как увидим ниже, многие из этих предложений были проведены правительством в жизнь.

В рассматриваемый нами период были изданы законы, дающие достаточно материала для того, чтобы с достаточной полнотой выяснить вопрос о характере экономической политики кемализма в эти годы.

Анализ этих законов показывает, что политика турецкого правительства того времени в отношении промышленности и путей ее развития шла по двум линиям: во-первых, по линии внедрения государства в промышленность, взятия им на себя ряда оперативных функций в промышленности, государственной помощи промышленности, организации банка для накопления капитала, субсидирования промышленности и руководства государственными промышленными предприятиями, организации монополии с той же целью, внедрения государства в промышленность, и во-вторых, по линии объединения распыленных частных предприятий, привлечения иностранного капитала, соблазняя его большими выгодами, вытекающими из факта монополии; поощрения частной промышленности, оказание ей помощи со стороны государства, защиты ее от иностранной конкуренции в пределах, допускаемых Лозаннским договором, бережного отношения к капиталонакоплениям путем незначительного налогового обложения.

Более сильно за этот период выявила себя первая тенденция.

Это были два параллельных потока законодательства. Можно привести примеры того, как почти одновременно принимались законы, характеризующие и ту и другую линии.

Более сильно чем в какой бы то ни было другой отрасли, первая тенденция проявила себя в горной промышленности. Уже в 1921 г. правительством были отпущены суммы на нужды добычи и экспорта лигнита.

Первого апреля 1924 г. (закон № 454) меджлисом принимается решение об отпуске одного миллиона лир из бюджетных средств для эксплоатации медных рудников в Аргане, тем самым турецкое правительство показало стремление собственными силами поднять горную промышленность.

Стремление государства вмешаться в деятельность последней особенно резко обнаруживает закон об изменении некоторых статей «Положения о рудниках» и «Положения о каменоломнях» (закон № 608 от 12 апреля 1925 г.).

Первое изменение гласит:

«Открываемые или заброшенные рудники, занесенные в государственный регистр, точно так же, как и рудники, концессии на которых аннулированы, управляются непосредственно государством с участием дееспособных турецких подданных или турецким обществом, 51% капитала которого принадлежит подданным Турецкой республики при условии участия госу-

дарства в чистых прибылях. Если доля турецкого капитала не может достигнуть 51 % в течение года, то недостающую сумму дополняет правительство».

Следующее изменение:

«В случае, если открытые рудники не эксплоатируются в течение 15 лет подряд, по отношению к таковым применяются положения о рудниках неоткрытых».

«В случае, если не может быть собрано необходимое большинство акционеров для намечения ответственного директора и официального места его пребывания, директор и место намечаются Комиссариатом торговли. Если в течение трех месяцев со дня опубликования настоящего закона, концессионеры или непосредственные эксплоататоры рудников угольного бассейна Гераклеи не наметят ответственного директора и место его пребывания, Министерство торговли извещает в прессе тремя следующими друг за другом с месячным промежутком сообщениями, что права концессионеров, арендаторов и эксплоататоров перешли к государству».

Закон требует, чтобы все служащие и рабочие на рудниках были турецкими подданными. Разрешается приглашать из иностранцев лишь высший и средний технический персонал: горных инженеров, техников, старших мастеров, если таковые не могут быть найдены среди туземного населения, причем их приглашение должно быть подтверждено документами о квалификации приглашаемых, после ознакомления с которыми иностранцы получают от Министерства торговли письменное разрешение на определенный срок.

Однако, каждый иностранный специалист должен обязательно иметь помощником молодого турка, которого он должен обучить технике своего дела. Оплата этих учеников производится за счет концессионера, арендатора или эксплоататора рудников. Кандидатуры учеников намечаются последними, но должны быть одобрены дирекцией рудников. Не подчиняющиеся этому закону уплачивают штраф в первый раз в размере ста лир, вторично в размере 500 лир, а в третий раз концессия аннулируется.

Согласно ст. 7-й этого закона, правительство назначает комиссаров в горные общества за счет последних.

О чем свидетельствует приведенный закон?

1) Прежде всего он свидетельствует о стремлении турецкого правительства добиться внедрения турецкого капитала в горную промышленность. Во всех вновь открываемых рудниках преобладающая доля должна принадлежать турецкому капиталу, причем в случае отсутствия необходимых капиталов таковые даются государством.

В этом отношении к ним приравнены заброшенные рудники и рудники аннулированных концессий.

2) Правительство вмешивается в деятельность концессионеров и под угрозой аннулирования концессии или назначения собственного руководящего персонала принуждает их приступить к эксплоатации рудников.

Случаи, когда концессионеры, получив концессию на разработку того или иного ископаемого, не приступали даже к работе, были крайне многочисленны, особенно при Абдул-Гамиде. Ведь очень часты были случаи, когда капиталист получал концессию на добычу того или иного ископаемого вовсе не потому, что это ему особенно нужно было, а с той целью, чтобы ее не получил какой-нибудь другой капиталист — его конкурент. Также весьма многочисленны были случаи, когда концессионер, покопавшись в верхнем слое и извлекши оттуда все то, что можно было извлечь, не вкладывая значительного капитала, забрасывал концессию. Это — один из хищнических, паразитических методов эксплоатации естественных производительных сил, применяемый империалистами в колониальных и полуколониальных странах. Этим объясняется, почему закон выставлял требование о том, чтобы открытые рудники эксплоатировались 15 лет подряд.

3) Правительство берет горную промышленность под свой особый контроль путем назначения комиссаров в горные общества, за счет последних.

4) Правительство требует, чтобы весь состав рабочих и служащих, кроме отсутствующего в стране технического персонала, состоял из турецких подданных.

5) Оно стремится также создать свои кадры в горном деле, требуя обязательного введения ученичества за счет того, кто эксплоатирует рудник.

Если приведенный закон свидетельствует о стремлении правительства внедрить при государственной помощи турецкий капитал в отрасль, в которой господствовали иностранцы, то закон, приводимый ниже, свидетельствует уже о попытке правительства своими силами создать промышленность совсем на голом месте.

Весной 1926 г. меджлис принимает специальный закон о создании железоделательной промышленности на побережьи Черного моря (№ 786 от 17 марта 1926 г.). Для покрытия расходов по изучению и установке необходимых сооружений и эксплоатации железных рудников (а также угольных) им утверждается кредит в сумме 18 млн. лир, срок использования которого устанавливается в 4 года.

Наконец через неделю меджлис принимает закон, имеющий отношение к другой, весьма существенной отрасли горной промышленности, — нефтяной. Это закон о нефти (№ 792 от 24 марта 1926 г.).

Право розысков и эксплоатации битуминозных пород, нефти и их естественных дериватов внутри турецких границ объявляется принадлежащим государству, но последнее может переуступить свое право на определенных условиях концессионерам, причем правительство уступает последним лишь 25% нефтеносной площади, а эксплоатацию остальных 75% оставляет за собой.

При этом концессионер обязан уплатой налогов двоякого рода — пропорциональных (сообразно размерам добычи нефти по особой шкале) и фиксированных.

Анализируя этот закон, надо вспомнить историческую обстановку того времени и иметь в виду, что тогда решался вопрос о Мосуле.

Приведенный закон можно считать как бы условиями, на которых турецкое правительство соглашалось допустить иностранцев к эксплоатации турецких нефтеносных земель.

Как известно, однако, 5 июня 1926 г. было подписано мосульское соглашение совсем на иных условиях, чем те, которые указаны в вышеприведенном законе. По этому соглашению Мосульский район был потерян для Турции.

Тем самым, благодаря отходу от Турции основных нефтеносных земель, этот закон не получил почвы для своего применения и представляет собой лишь декларативный документ.

Перейдем к рассмотрению другой формы участия турецкого правительства в промышленности — формы монополий.

Мы будем рассматривать только те монополии, которые имеют наряду с торговым и производственный характер, и не будем касаться тех, которым по первоначальному замыслу придавался только торговый характер, а именно: керосиновой и сахарной, которые к настоящему времени отменены. Турецким правительством была объявлена государственная монополия на производство следующих товаров: табачных изделий, спирта и спиртных напитков, спичек, взрывчатых веществ и игральных карт.

1 марта 1925 г. кончился срок столь же знаменитой, сколь и ненавистной в Турции концессии «Режи».

Припомним, что Смирнский экономический конгресс постановил отменить концессию «Режи», но в то же время высказался против государственной табачной монополии.

Несмотря на это, 26 февраля 1925 г. принимается закон, согласно которому государство ведает непосредственной покупкой, обработкой, изготовлением и продажей табака и сигарет как для внутреннего употребления, так и для прочих операций табаками. Одновременно была объявлена монополия государства и на папиросную бумагу.

Правда, этим законом монопольные права государства были объявлены лишь на время, до конца 1925 хозяйственного года. Однако, в дальнейшем, они были продолжены.

Для обеспечения возможности занять место «Режи» и создания начального капитала в бюджете был открыт специальный кредит в размере 6 млн. лир.

Через три месяца после принятия табачной монополии, т. е. с 1 июня 1925 г. начинает действовать монополия государства на спирт.

Решение о введении государственной монополии на производство, ввоз и продажу спирта было принято еще ранее, а именно 9 апреля 1924 г. Принятым в этот день законом (№ 470, ст. 7) Министерство финансов уполномочивалось учредить монополию государства на изготовление, продажу и ввоз спирта.

Законом от 22 марта 1926 г. (№ 790) монополия государства была распространена на импорт и продажу всякого рода спиртных напитков (вин, водок, пива и пр.).

Не приводя закон во всех его деталях, мы укажем лишь, что турецкое правительство поставило перед собой этим законом определенную цель, а именно организовать собственную спиртовую промышленность. Спиртовой промышленности дается программа развития, она получает свою «пятилетку», к концу которой нужды страны в спирте и спиртных напитках должны удовлетворяться собственным производством.

Для того, чтобы частные предприятия работали в соответствии с общим планом, они берутся под контроль Управления спиртовой монополии. Они получают производственные задания с определенным минимумом, снижение которого запрещено, в противном случае их предприятие может вообще перейти к монополии за определенное вознаграждение.

Для того, чтобы монополия могла приобрести необходимые средства для выполнения намеченной производственной программы, ей отдается весь внутренний рынок в монопольное распоряжение.

Мы не будем затруднять читателя приведением законов о других монополиях. Мы можем и на основании приведенного материала констатировать, что государственные монополии характеризуют собой тенденцию

оперативного вмешательства турецкого правительства в промышленность, которую оно проявляло в рассматриваемый период.

Мы стремились до сего времени показать, что правительство Турции стремилось взять на себя в области промышленности ряд оперативных функций. Для их выполнения ему нехватало весьма необходимого элемента — денег. Бюджет, все время напряженный благодаря проводимой правительством жесткой политики сохранения его равновесия, не мог служить единственным и наиболее богатым источником. Речь могла итти о двух источниках: иностранном капитале и внутренних накоплениях.

Первый источник оставался недоступным турецкому правительству.

Потерпев поражение на поле брани, иностранный капитал не сдавался на экономическом поприще и не проявлял желания итти в страну на условиях, предлагаемых турецким правительством, лишенных тех привилегий, которыми он привык пользоваться в отсталых странах.

В газете «Hakimiyeti Milliye» в начале 1926 г. была напечатана статья известного депутата из Сиирта Махмуд-бея под заглавием «Какую они (иностранцы. *А. Н.*) хотят безопасность», в которой автор указывает, что:

«В настоящее время положение Турции представляется вполне безопасным и устойчивым; иностранные капиталы не подвергаются ровным счетом никакой опасности. Мы можем уверить, что турки намерены оказать самый наилучший прием иностранному капиталу и иностранной технике».

В Турции, по словам автора, «развивается любовь к прогрессу и цивилизации. Турция желает приблизиться к Западу».

Но, увы, «все эти не поддельные истины не имеют никакого влияния на иностранцев. Причина очень проста. Заключается она в следующем: имеется огромная разница между безопасностью для своего капитала, который они ищут, и безопасностью, которая в действительности существует в Турции. Они требуют юридической безопасности, которая представляет собой не что иное, как желание видеть восстановленным режим капитуляций. Европейцы не доверяют турецкой юстиции, потому что турки не признают за европейцами каких бы то ни было привилегий.

Надо также заметить, что европейцы привыкли в своих предприятиях, находящихся в Турции, получать огромные прибыли, следствием чего было то, что их капиталы удесятирились. Они не желают сейчас ограничиться нормальными барышами».

Правда, турецкое правительство получало много всяких предложений от иностранцев, но в огромном большинстве случаев это были дутые пред-

ложения, исходившие от проходимцев, не имевших в кармане звонкой монеты, но обладавших большим желанием пограбить.

Иностранные капиталистические круги, действительно обладающие капиталами, в страну не шли. Вопрос об уплате оттоманского долга оставался открытым — правительство не соглашалось оплачивать долг в золоте, а кредиторы не выражали желания получать бумажки в виде сильно упавшего французского франка.

Итак, отношения Турции с иностранным капиталом в те годы были таковы, что о больших вложениях последнего в турецкую промышленность нечего было и думать; турецкому правительству оставалось принять меры к аккумуляции внутренних сбережений, к развитию промышленности внутренними силами. Нужно было создать соответствующий для этой цели аппарат, который мог бы служить центром накопления средств для промышленного строительства, а также быть тем оружием, при помощи которого турецкое правительство могло бы влиять на промышленность.

Таким аппаратом явился Торгово-промышленный банк, который был организован на основании закона от 19 апреля 1926 г. (№ 633).

В статье первой цели банка определены достаточно точно:

«Организуется банк под именем «Промышленный и горный банк Турции», который будет иметь целью помогать строительству промышленных предприятий и выполнять все кредитные и коммерческие операции, связанные с этими предприятиями».

Для этой цели банк: а) управляет непосредственно теми промышленными предприятиями, которые предоставлены ему государством; б) принимает участие в организации или эксплоатации промышленных предприятий; в) получает концессии непосредственно или принимает участие в таковых; г) выдает ссуды собственникам промышленных и горных предприятий — туркам, а также туркам-концессионерам или эксплоататорам рудников.

Капитал банка составляется:

а) из доли прибыли Министерства торговли, получаемой на фабриках и в обществах, основанных в течение 1924 г. этим министерством или в основании которых оно принимало участие; б) из кредитов для поощрения промышленности, которые будут выписаны в бюджет Министерства торговли на 1925 г. и следующие годы; в) из фабрик, принадлежащих государству, кроме тех, которые вырабатывают аммуницию для армии, и из их оборотного капитала (ст. 3).

За этой статьей следует ст. 4 любопытного содержания: «Правительство не может ни заключать займы у Горно-промышленного банка Турции,

ни требовать возвращения своего капитала». Очевидно внесением этой статьи учитывался опыт довоенной Турции, когда правительство заимствовало суммы из Земледельческого банка, так что на ведение непосредственных операций у банка не оставалось средств.

Горнопромышленный банк подлежит контролю Министерства торговли и управляется административным советом в составе генерального директора, его заместителя и пяти членов — специалистов банковского, промышленного и горного дела. Членами совета не могут быть ни депутаты, ни собственники рудников и фабрик.

Насколько важное значение придает правительство этому банку, видно по тому порядку, по какому составляется управление банка.

Генеральный директор банка, его помощник и члены административного совета назначаются Советом министров по представлению Комиссариата торговли. Их назначение должно быть санкционировано президентом республики. Члены административного совета назначаются на четыре года, кроме генерального директора. По истечении двух первых лет три члена путем жеребьевки сменяются, но могут быть переизбраны.

Естественно, что правительство, придавая этому банку огромное значение, предоставляло ему и ряд льгот.

Создавая этот банк, правительство имело в виду, что он не только должен собирать внутренние средства, но и привлекать иностранный капитал. Закон, однако, делает оговорку, долженствующую обеспечить преимущество турецкой стороне в случае участия иностранцев в эксплоатации предприятия.

Банк вправе выпускать с разрешения правительства акции в размере половины его капитала — процентные и беспроцентные, с премиями или без таковых, с участием или без участия в прибылях банка. Равным образом, банк уполномочивается, всегда с согласия правительства, заключать краткосрочные займы.

Акции банка принимаются государственными ведомствами в залог по номинальной цене.

Соответственно целям банка распределение прибылей также направлено к тому, чтобы увеличить его основной капитал.

Бюджет банка и его годовой баланс подлежат проверке и утверждению парламентской комиссии, составленной из членов бюджетной и торговой комиссий.

Мы видим, таким образом, что этим законом турецкое правительство создает себе аппарат для влияния на промышленность страны, для собира-

ния капитала, для помощи туземной промышленности, для связи с внешним миром и привлечения в промышленность иностранного капитала, аппарат, который по мысли его организаторов должен быть свободен от личных интересов его руководителей, почему в административный совет не допускаются собственники промышленных предприятий.

Мы разобрали основные законы за 1924, 1925 и 1926 гг., свидетельствующие о проведении той политики, именующейся «этатизмом», которая некоторыми органами турецкой прессы, недовольными этой политикой и отражавшими настроения компрадорской буржуазии, называлась в то время «вмешательством правительства в экономическую деятельность народа».

«Journal d'Orient» от 18 июля 1925 г. писал по поводу этой политики правительства следующее:

«Мы еще не могли определить нашу программу в отношении национальной экономии.

«Вмешается ли правительство в экономическую деятельность народа? Если да, то до какой степени и как? Настало время ответить на эти вопросы для того, чтобы знать, что надо сделать и чего делать не следует. Турецкий гражданин, который сегодня предпринимает какое-нибудь дело, должен знать накануне, что имеет в виду государство относительно этого предприятия, иначе все превратится в хаос.

«Необходимо определить место государственного капитала в национальной экономике и предел вмешательства государства в частную область.

«Без этого наступит неразбериха в наших специальных и политических делах».

Мы, однако, указывали, что промышленная политика турецкого прапраправительства имела и другую линию — линию всемерной поддержки частного промышленного капитала и бережного отношения к нему.

Прежде всего необходимо помнить, что все время продолжал действовать закон о поощрении промышленности, изданный младотурками, который предоставлял промышленникам много льгот и привилегий.

Этот закон был издан 1 декабря 1913 г.[1]

Согласно закону, все фабрики и заводы, как уже существующие, так и те, которые лишь будут построены, если они отвечают трем условиям: а) обладают двигателем по меньшей мере в 5 лошадиных сил; б) стоят минимально тысячу лир, включая строения с постройками, машины и инстру-

[1] Turkiye Salnamesi, 1926.

менты, в) имеют в течение года не меньше 750 рабочих дней, т. е., в переводе на рабочую силу, 2—3 рабочих имеют право на получение льгот и привилегий.

Как видим, права на льготы предоставляются очень широкому кругу предприятий, даже таким, которые имеют всего 2, 3 рабочих и небольшой двигатель. Предприятия, не отвечающие и этим минимальным условиям, также пользуются льготами, но уже меньшими (ст. 11).

Даже ремесленники и мелкие товаропроизводители, производящие ручным способом ковры, ткани и кружева, пользуются льготой, в виде освобождения от промыслового налога.

Иностранцам было предоставлено право также пользоваться привилегиями и льготами при условии выполнения ими предписаний закона о земельной собственности (для иностранцев), подчинения законам и установлениям, существующим в Турции или могущим быть изданными и оплаты государственных налогов и муниципальных сборов (ст. 6). Концессионные общества, подчиняющиеся заключенным договорам, не пользуются правами, даваемыми этим законом (ст. 23).

В такой постановке закон весьма урезывал свои благие намерения по отношению к турецкой промышленности, потому что, давая одни и те же льготы и привилегии османским подданным и иностранцам, младотурецкое правительство не могло дать туркам тех льгот, которые имели одни иностранцы, пользовавшиеся капитуляциями. Оно и не в силах было это сделать.

Лишь во время мировой войны — 14 марта 1915 г. турецкое правительство кардинально изменило этот пункт и предоставило эти льготы только турецким предприятиям.

Льготы и привилегии в основном заключались в следующем:

Государство предоставляет безвозмездно в собственность из пустующих государственных земель участок размером до пяти дунюмов как для постройки нового предприятия, так и для расширения существущего.

Предприятие с пристройками и имуществом, в том числе земельным, освобождается от поземельного налога, от промыслового налога и ряда других налогов и сборов, введенных либо правительством, либо местными властями.

Необходимые для постройки или расширения предприятия материалы, машины, сырье, импортируемые из-за границы, освобождаются от ввозных пошлин.

Для собственных нужд государства предпочитаются продукты внутреннего производства и т. д.

Срок действия этого закона был установлен в 15 лет с момента введения его в жизнь.

Льготы и привилегии, даваемые законом младотурецкого правительства турецкой промышленности, как мы видим, весьма значительны и в начале деятельности кемалистского правительства он был основным законом, касающимся промышленности. Министерством экономики была лишь издана инструкция о порядке его применения. Младотурецкий закон о поощрении промышленности просуществовал весь свой срок, на который был издан, т. е. до 1 декабря 1928 г.

Кроме проведения в жизнь младотурецкого закона о поощрении промышленности, турецкое правительство издало ряд собственных законов, с целью обеспечитъ развитие частной промышленности.

Прежде всего, турецкое правительство приняло деятельное участие в организации Делового банка (Iş Bankası), который начал свои операции в августе 1924 г., с капиталом в 1 млн. лир. Это был первый турецкий национальный банк, и правительство обеспечило ему участие в ряде концессий, главным образом горных. Кстати, этот банк привлек в турецкую промышленность и кое-какие иностранные капиталы, например, немецкий в лице Deutsche Bank в концессию по разработке булгардагских свинцово-серебряных руд.

Помощь частной национальной промышленности была также в числе задач и Горнопромышленного банка.

Затем правительство приняло меры к организации новых торгово-промышленных палат, выполнив соответствующее постановление Смирнского экономического конгресса. Это было сделано законом о торгово-промышленных палатах от 22 апреля 1925 г. (№ 655).

Этим законом турецкие промышленники и купцы получили организацию, задачей коей является организованная защита их интересов, участие в выработке соответствующих законопроектов и т. п.[1]

В 1930 г. по всей Турции насчитывалось 209 торговопромышленных палат.

Одним из характерных образцов, важных для определения промышленной политики правительства в тот период, является закон о льготах и привилегиях, предоставляемых сахарным заводам, от 5 апреля 1925 г.[2] Желая создать национальную сахарную промышленность и привлечь для

[1] См. по этому вопросу «Chambres de commerce et d'industrie de Turquie». John. A. Rizzo, Editeur. Stambul, 1930.

[2] Turkiye Salnamesi, 1926.

этой цели не только внутренние, но и иностранные капиталы, турецкое правительство издало этот закон, изобилующий множеством льгот и привилегий. Лица и общества, желающие построить сахарные заводы в районах, которые будут определены комиссариатом торговли, получают на это концессию сроком на 25 лет, им предоставляется земельная площадь, которая была бы достаточна для снабжения заводов сахарной свеклой и другим сырьем в пределах их полной потребности и т. д.

Не вдаваясь в подробное рассмотрение этих льгот и привилегий, мы укажем лишь, что помимо тех, которые получают предприятия по закону о поощрении промышленности, сахарным заводам предоставлены такие льготы, как освобождение на 8 лет от налога на потребление, освобождение от поземельного налога сахарной свеклы, разводимой заводом или земледельцами поставщиками завода, беспошлинный ввоз каменного угля и проч.

В целях привлечения рабочей силы на сахарные заводы, служащие и рабочие последних на десять лет со дня открытия завода освобождаются от подоходного налога.

Характерно отметить оговорку, сделанную в законе, в целях привлечения иностранного капитала, заключающуюся в том, что ограничения, установленные в законе о поощрении промышленности для иностранных обществ и концессий, на сахарные заводы не распространяются.

Как показывает данный закон, турецкое правительство всемерно поощряло частную инициативу и не скупилось на льготы и привилегии. Кое-какие из них приходились на долю и так называемой кустарной промышленности.

В целях поощрения последней был принят закон о расширении льгот кустарям (от 16 апреля 1925 г.).

Ст. 12 закона о поощрении промышленности, по которой кустари-ткачи освобождаются от промыслового налога, была изменена в том смысле, что помимо этой льготы они получали следующее: необходимые кустарям строительные материалы, машины, инструменты, а также нефть и сырье, импортируемые из-за границы, освобождаются от импортных пошлин. Этой льготой кустари раньше не пользовались.

Этим законом оказывается поощрение кустарям, растущим в более крупного промышленника, которые ввозят уже машины и которые, собственно говоря, уже выходят из стадии простого товаропроизводителя, так как они применяют и наемный труд (рабочие таких кустарей по закону освобождаются от подоходного налога) и машины.

Это — «кустари», превращающиеся в фабрикантов и заводчиков, и правительство стремится облегчить им этот переход.

Следующий приводимый нами закон показывает, что правительство старалось обеспечить некоторым отраслям и рынок сбыта путем довольно крупных мероприятий.

9 декабря 1925 г. принимается закон, согласно которому одежда, обувь, головные уборы и постельное белье для государственных служащих, служащих местных административных управлений и разных учреждений и обществ, должны производиться из материала местного производства.

Об издании такого закона было высказано пожелание делегатами-промышленниками на Смирнском экономическом конгрессе.

Как видим, это желание турецкое правительство выполнило. В других случаях, когда вопрос об устранении иностранной конкуренции не был связан с международными обязательствами, правительство не останавливалось перед прямым запрещением иностранцам заниматься какой-нибудь деятельностью, примером чего является закон о каботажном плавании и о профессиях и индустрии в пределах территориальных вод от 19 апреля 1926 г. (№ 815).

Транспортировка пассажиров и товаров между турецкими портами, а также выполнение всех портовых операций, объявляется правом, принадлежащим только турецким подданным. Только турецким подданным принадлежит право ловли рыбы, жемчуга, кораллов, морских губок и пр., право собирания песка, камней в территориальных водах, снятия с мели судов, вылавливания заброшенных судов, занятия профессиями водолаза, искателя жемчуга, капитана, механика, носильщика, грузчика и т. д.

Правительство может разрешить иностранным спасательным судам временно продолжать свою деятельность без обеспечения им каких бы то ни было прав, точно так же, как оно может разрешить использовать иностранных капитанов и экипаж на турецких спасательных суднах.

Кары, применяемые к иностранным судам за невыполнение этого закона, очень большие. Они платят штраф в размере от 1000 до 2000 лир и лишаются права на срок от шести месяцев до одного года выгружать и погружать пассажиров и товары в турецких портах, причем это запрещение распространяется на все суда общества, которому принадлежит пароход, нарушивший закон.

Мы изложили подробно все промышленное законодательство турецкого правительства за 1924—1926 гг. Читатель легко мог убедиться в том, что законы особенно часто датировались 1925 г. и отчасти 1926 г.

Характерным моментом промышленного законодательства этих лет является обилие разного рода законов, которые в общем выявляют те две тенденции в промышленной политике турецкого правительства, которые мы отметили выше.

Прослеживая промышленную политику турецкого правительства на протяжении следующих лет, мы, в отличие от предыдущих устанавливаем, что за время с 1927 по 1930 г. правительством издано по существу только три акта, прямо или косвенно касающиеся промышленности, причем они выражают, притом в усиленной форме, только вторую тенденцию.

Мы разумеем новый закон о поощрении промышленности от 28 мая 1927 г., закон о введении нового таможенного тарифа от 1929 г. и конвенцию об уступке американскому обществу спичечной монополии от июня 1930 г. Промышленная политика турецкого правительства в этом периоде свидетельствует о том, что свою этатистскую политику оно отодвинуло на второй план и на первый план выдвинуло усиление поддержки частной инициативы.

В основном этот поворот произошел на почве следующих фактов:

1) участие государства в промышленности (припомним, что правительство особенно стремилось внедриться в горную промышленность) не дало существенных результатов. В каменноугольной промышленности иностранный капитал остался доминирующим, как и до войны. Металлургическая промышленность не была основана. Причиной этого факта послужило в основном отсутствие средств. Стремясь сохранить достигнутое с трудом равновесие бюджета, турецкое правительство не допускало включения в смету больших сумм на промышленное строительство;

2) попытки развернуть промышленное строительство путем объявления некоторых производств государственной монополией также потерпели в некоторых отраслях неудачу; эти монополии были сданы иностранцам, не имевшим достаточных средств, и они не только но развернули никакого строительства, но, наоборот, нанесли ему большой вред.

Турецкое правительство уперлось в недостаток средств.

На состоявшемся в феврале 1927 г. в Ангоре конгрессе турецких торговопромышленных палат вопрос о кредитах был центральным. Вот выдержка из докладов делегатов.

«Нет надобности производить детального анализа, чтобы установить ту истину, что мы страдаем от отсутствия кредита. Несмотря на плодородие почвы, большие лесные районы и богатства наших недр, мы с трудом можем эксплоатировать лишь десятую часть нашей территории. Особенно

сильна нужда в капиталах, необходимых для увеличения производства и для обеспечения сбыта нашей продукции на внешних рынках.

«В целях интенсификации производства необходимо заинтересовать иностранные капиталы в различных предприятиях и привлечь их к работе в Турции на тех же условиях, что и капиталы национальные. Развитие национальной индустрии тесно связано с вопросом о капиталах».[1]

Как видим, мысль делегатов вертелась вокруг вопроса о капиталах в форме иностранного кредита.

Вопрос о необходимости создания возможности для достаточного внутреннего накопления путем, прежде всего, разрешения аграрного вопроса, даже не ставился. Все взоры были направлены в сторону иностранного капитала.

Известно, что в этот период и кемалистское правительство проявляет все больше склонности к соглашению с иностранным капиталом с той же заветной целью — получения кредитов.

В связи с общим поворотом в политике кемализма, обрисованным выше, который несомненно стоит в связи и с тем, что в капиталистических странах наступил период относительной стабилизации, происходит и поворот в его промышленной политике, который заключается в усилении ставки на частную инициативу, в увеличении льгот и привелегий частной промышленности и усилении протекционистских начал. Последние моменты являются определяющими при характеристике промышленной политики второго периода, начавшегося в 1927 г.

Характерным документом этого периода является новый закон о поощрении промышленности от 28 мая 1927 г.[2] (№ 1055).

Новый закон, не являясь по идее своей продуктом кемализма, имея прототип в виде соответствующего младотурецкого закона, идет, однако, гораздо дальше по пути поощрения частной промышленности, нежели старый.

В отличие от старого младотурецкого закона о поощрении промышленности, новый закон дает детальное разделение промышленных предприятий на классы в зависимости от размера получаемых льгот и привилегий.

По последнему принципу предприятия делятся на четыре класса:

К первому классу отнесены те предприятия, которые:

а) обладают механическим двигателем минимум в 10 лош. сил, и б) работают в течение года минимум в течение 1500 рабочих дней, другими

[1] Бюллетень Торгпредства СССР в Турции, № 4, 1927, стр. 25.

[2] Ticaret vekâleti macmuası. Eylul, 1927. Teşviki Sanayi kanunu.

словами, имеют по крайней мере пять рабочих, принимая нормальный рабочий год в 300 дней.

Ко второму классу отнесены предприятия, которые не удовлетворяют одному какому-нибудь требованию из вышеуказанных двух, при обязательном соблюдении одного из них, т. е. те предприятия, которые либо не обладают механическим двигателем в 10 лош. сил, но зато имеют 1500 рабочих дней в течение года, либо наоборот. К этому же классу относятся также и те предприятия, которые, не обладая механическим двигателем, имеют зато ежедневно больше 10 рабочих.

К третьему классу отнесены предприятия, обладающие механическим двигателем мощностью меньше 10 лош. сил и имеющие свыше 750 рабочих дней в течение года.

Наконец, к четвертому классу отнесены «заведения, где работают совместно в одном помещении несколько рабочих, которые на станках или вручную занимаются тканьем, выделкой ковров, трикотажем, плетением веревок, кружев и другими сходными работами».

Все рудники, как и другие промышленные предприятия, также разбиваются на классы сообразно размеру получаемых льгот и привилегий.

Для них устанавливаются только два класса:

К первому классу отнесены рудники, в которые вложен капитал не ниже 500 000 лир, или же рудники, в которые вложен капитал не ниже 200 000 лир, но обладающие механическими двигателями, промывными установками, трансформаторами или плавильными печами.

Ко второму классу отнесены все прочие рудники, которые не вошли в первый класс (за исключением каменоломен).

Припомним классификацию предприятий младотурецким законом. По существу последним устанавливались три класса сообразно размерам льгот и привилегий.

Первый класс, со включением предприятий, удовлетворяющих следующим требованиям:

а) имеющие двигатель мощностью не ниже 5 лош. сил, б) стоящие не ниже 1000 лир (золотых), в) имеющие 750 рабочих дней в течение года.

Второй класс, куда входят все предприятя, не удовлетворяющие требованиям первого класса, кроме «кустарей» — ткачей, трикотажников и красильщиков тканей, которые входят в третий класс.

Предприятия горной промышленности вообще не классифицировались и старым законом не охватывались.

Как видим, новый закон, более детально классифицируя предприятия по двум признакам — механизации и рабочей силы, — отличается от старого закона выделением более крупных предприятий в особую, высшую группу, которой предоставляет максимум льгот и привилегий, включая в эту группу и крупнейшие предприятия горной промышленности.

Каковы же те льготы и привилегии, которые предоставляются каждому классу?

Первому классу кроме земельного участка предоставляются следующие основные льготы и привилегии:

1) предприятия освобождаются от налогов: а) от налога на недвижимость, б) от земельного налога, в) налога на прибыль, г) от добавочных начислений к этим налогам, установленных вилайетами и мунципалитетами, д) от дополнительных начислений к личному налогу, е) от муниципальных сборов за разрешение на установку механизмов, паровых котлов и т. п.;

2) все акции и облигации предприятия освобождаются от гербового сбора;

3) предприятиям предоставляются таможенные льготы, а именно: от импортных пошлин освобождаются (при условии отсутствия поименованных материалов в достаточном количестве внутри страны): а) все материалы, необходимые для основания или расширения предприятия, б) сырье, необходимое для изготовления продукции предприятия, а также для ее упаковки; в) необходимые машины, инструменты и запасные части; г) строительный материал, необходимый для транспортных установок и передачи механической энергии, моторы и подвижной состав;

4) все строительные материалы, машины и инструменты, необходимые для основания или расширения предприятий, перевозятся внутри страны со скидкой в размере 30% с действующего тарифа железных дорог и судов. Тем предприятиям, которые этой льготой воспользоваться не смогут, будет выдана денежная премия. Что касается соответствующей скидки с тарифов для сырья и продукции, то таковая также может быть установлена особым декретом Совета министров. Предприятия, которые не смогут ею воспользоваться, как и в первом случае, будут вознаграждены особой премией;

5) по представлению Министерства торговли и постановлением Совета министров, промышленным предприятиям могут быть выданы премии в размере 10% общей суммы стоимости годовой продукции предприятия;

6) в том же порядке предприятиям могут быть проданы необходимые им соль, спирт, взрывчатые материалы со скидкой с текущей цены или с выдачей премии взамен скидки;

7) правительство обязуется покупать для своих нужд туземную продукцию, притом даже и в том случае, если стоимость последней на 10% выше стоимости соответствующей заграничной продукции.

То же обязательство возлагается законом и на местные административные управления и муниципалитеты, а также и на концессионные общества и предприятия, пользующиеся данным законом.

В сравнении со старым законом в новом льготы и привилегии значительно расширены.

Предприятия, отнесенные ко второму классу, пользуются уже значительно меньшими льготами, а именно: 1) освобождением импортируемых машин, инструментов и запасных частей от таможенных пошлин, 2) правом на 10% премию, в том же порядке, что и предприятие первого класса (см. п. 5) и 3) правом на льготную покупку у государства соли, спирта и взрывчатых веществ.

Рассматривая льготы, предоставленные предприятиям второго класса, приходится констатировать любопытное явление, заключающееся в том, что новый закон значительно ухудшил положение предприятий этого класса в сравнении со старым законом.

Действительно, ведь по старому закону предприятия второго класса включались бы в первый класс и пользовались бы значительно большими льготами и привилегиями.

Закон содержит оговорку, что те предприятия второго класса, продукция которых будет признана Министерством торговли имеющей полезность для экономики страны в целом, пользуются рядом добавочных льгот.

Третий класс пользуется еще меньшими льготами, а именно:

1) освобождением импортируемых машин и инструментов (но не запасных частей) от таможенных пошлин, и

2) правом на 10% премию в указанном выше порядке.

О предприятиях третьего класса приходится в значительной степени повторить то же самое, что было сказано о предприятиях второго класса, так как часть их могла бы находиться по старому закону в числе предприятий первого класса. Вспомним, что в первую группу по старому закону входили все те предприятия, которые имели двигатель мощностью не ниже 5 лош. сил и 750 рабочих дней в году, между тем как по новому закону в третий класс включаются предприятия, которые имеют двигатель мощностью не ниже 10 лош. сил и свыше 750 рабочих дней в течение года.

Что касается предприятий четвертого класса, т. е. кустарных текстильных предприятий, то они пользуются следующими льготами: 1) бес-

пошлинным импортом машин и инструментов (кроме запасных частей, 2) беспошлиным импортом сырья, 3) рабочие этих предприятий освобождаются от подоходного налога.

Рудники первого класса пользуются правом установки линий связи и передачи механической энергии на государственной и частной земле, без уплаты налога; точно так же, как и предприятия обрабатывающей промышленности, — они освобождаются от уплаты тех же налогов и сборов, что и последние, получают право беспошлинного импорта строительных метериалов, машин, инструментов и запасных частей и материалов, необходимых для устройства путей, подвижного состава, моторов и т. п., пользуются 30% скидкой с жел.-дор. и водных тарифов или правом на эквивалентную премию, в случае невозможности ею воспользоваться, при перевозке материалов, машин и пр. внутри Турции и, наконец, им также предоставляется право льготных закупок у государства соли, спирта и взрывчатых материалов.

Значительно меньше льгот предоставлено рудникам второго класса — им предоставлено только право беспошлинного импорта машин и инструментов и льготной закупки у государства перечисленных выше предметов.

Мы перечислили все льготы и привилегии, предоставляемые предприятиям каждого класса. Вывод, который необходимо сделать после их разбора, таков:

в отличие от старого закона о поощрении промышленности, новый выделяет наиболее крупные предприятия, уделяя им максимум льгот и привилегий. Более же мелкие предприятия получили меньше льгот, чем имели по старому закону.

Чтобы еще больше подчеркнуть эту черту закона, выражающую определенный сдвиг в промышленной политике турецкого правительства, приведем ст. 20 нового закона.

Согласно последней, предприятиям, которые возьмут на себя обязанность вырабатывать в каком-нибудь районе из местного сырья определенный необходимый для данного района продукт и удовлетворить им его нужды, постановлением Совета министров может быть предоставлен рынок этого района по данному продукту в монопольное пользование на концессионных основаниях. При этом, капитал, вложенный в такого рода предприятие, не должен быть ниже полумиллиона турецких лир, продолжительность концессии — не свыше 25 лет, а территория отведенного района (последний отводится Министерством торговли) не должна превышать территорию восьми вилайетов.

Эти предприятия не только пользуются всеми льготами и привилегиями, установленными для предприятий первого класса, но предоставляемая земельная площадь может быть увеличена до 50 га.

Предприятия, получившие право на льготы, обязаны тем, что они, во-первых, должны быть основаны и введены в действие в течение трех лет со дня получения вышеупомянутого права.

Во-вторых, все рабочие и служащие должны быть из турецких подданных. Разрешается все же приглашение необходимых специалистов-рабочих, служащих, техников, администраторов и из иностранцев, но в количестве, определенном соответствующим министерством, и при условии подготовки турецких подданных для их замещения. В течение первых двух месяцев каждого бюджетного года предприятие, пользующееся льготами, обязано представлять высшему местному гражданскому должностному лицу перечень проделанной за истекший год работы.

Остановимся еще на вопросе о возможности для иностранцев пользоваться предоставленными законом благами.

Разъяснение по этому вопросу дает ст. 40, которая гласит, что

«концессионные общества, кроме упомянутых в ст.ст. 3 и 20 (ст. 20 мы излагали выше, что же касается ст. 3, то в ней идет речь о рудниках и она делит их на два класса, как нами и было указано), подчиняются положениям специальных законов и своих договоров и положениями этого закона не пользуются, поскольку обратное в этих законах и договорах не оговорено».

Как видим, как будто иностранцы и не могут широко пользоваться льготами и привилегиями, раздаваемыми приведенным выше законом. Но это кажется так только с первого взгляда.

По существу же крупный иностранный капитал может пользоваться ими широко, а по желанию и монопольно (см. ст. 20).

Новый закон о поощрении промышленности знаменует тот поворот в промышленной политике турецкого правительства, о котором мы говорили выше.

На промышленном конгрессе, происходившем в Анкаре в апреле месяце 1930 г., промышленники жаловались на то, что проведение закона о поощрении промышленности связано с такими бюрократическими мытарствами, что у промышленников отпадает охота пользоваться им. Последнее не соответствует действительности — если бы не было охоты, то и не поль-

зовались бы, а между тем количество предприятий, пользующихся законом, растет из года в год, а именно:[1]

1923 г.	160	предп.
1927 »	589	»
1928 »	1261	»
1929 »	1604	»
1930 »	1881	»
1931 »	2082	»
1932 »	2155	»

Жалобы промышленников имели своей целью добиться расширения льгот и привилегий и не что-нибудь иное.

В 1929 г. был принят новый таможенный тариф, который хотя и не имеет единственной целью покровительство промышленности, но, вместе с тем, последнее является одной из самых характерных его особенностей. Поэтому он подлежит нашему анализу.

Лозаннским договором Турция в решающей степени лишила себя инициативы в таможенной политике по отношению к главным странам-импортерам. Этим договором был положен в основу турецкий таможенный генеральный тариф 1916 г. с применением к его ставкам коэффициентов 5 и 12. Но и здесь Турция пошла на уступки и согласилась понизить этот коэффициент до 9 по отношению к ряду товаров по особому списку, происходящих из стран, подписавших договор. В числе этих товаров — обувь, шелковые ткани, газы и тюли из шелка, шелковые головные уборы, шерстяные шарфы и шали и др.

Турция согласилась не вводить запрещения на импорт тех или иных товаров, также согласилась она и на то, чтобы не вводить никаких новых сборов, налогов и акцизов на товары без того, чтобы эти новые сборы не взимались с таких же товаров турецкого происхождения.

После Лозаннского договора и вследствие тех обязательств, которые Турция взяла на себя этим договором, никаких серьезных изменений в ее таможенной политике, которые нашли бы свое отражение в промышленности, не произошло вплоть до дня, когда истекал срок договора.

Лишь 8 июня 1929 г. был принят новый генеральный таможенный тариф (закон № 1499), который вошел в силу с 1 октября того же года.

Принятым законом о генеральном турецком таможенном тарифе устанавливается, что все предметы, ввозимые в Турцию, облагаются пошлиной согласно тарифу. Предметы, которые в тарифе не упомянуты, облагаются по принципу ad valorem в размере 40% (ст. 1).

[1] Hakimiyeti Milliye, юбилейный номер от 29 октября 1933 г.

В предыдущем законе 1916 г. предметы, не упомянутые в Тарифе, облагались пошлиной в размере лишь 20% их стоимости.

Большое значение имеет ст. 2, которой Совет министров уполномочивается запрещать ввоз и устанавливать запретительные пошлины или принимать какие-либо другие репрессивные меры против импорта товаров тех стран, которые устанавливают подобные меры по отношению к товарам и судам турецкого происхождения или не дают последним тех преимуществ, которые предоставлены таковым из других стран.

Важна также ст. 3, согласно которой Совет министров уполномочен принимать различного рода репрессивные меры, как то: увеличение пошлин, выдача премий и пр. против товаров всех стран, где для экспорта в Турцию установлены премия, демпинг и т. п., с тем, чтобы оставить без эффекта цели, установленные настоящим законом.

В прошлом законе такой статьи не было совершенно.

Если мы рассмотрим ставки тарифа на некоторые товары, которые в известной степени производятся и внутри страны, то нам станет совершенно ясно, какие цели разумеет закон в цитированной выше третьей статье.

Возьмем следующие товары и сравним таможенные пошлины на них по старому тарифу и новому (в лирах за 100 кг) (см. табл. 1).

При рассмотрении ставок надо иметь в виду, что некоторые товары облагаются высокой пошлиной вовсе не потому, что они производятся в Турции, а с той целью, чтобы они не могли конкурировать с другим продуктом, но уже туземного производства. Так, например, обстоит дело с искусственным шелком и др.

Мы не приводим более подробных данных, так как приведенных достаточно для того, чтобы протекционистский характер нового таможенного тарифа был совершенно ясен, учитывая даже падение лиры, происшедшее за время от Лозаннского договора до введения нового тарифа.

В свое время, когда этот тариф разрабатывался в особой комиссии, турецкая пресса открыто указывала на то, что он будет построен на принципе протекционизма.

Необходимо, однако, иметь в виду, что при заключении торговых договоров с империалистическими государствами турецкое правительство сделало ряд уступок по линии таможенных тарифов (например, по торговому договору с Францией).[1] Это обстоятельство вызвало многочисленные нарекания

[1] Устанавливая протекционистский характер нового таможенного тарифа Турции, мы этим не хотим сказать, что турецкое правительство, вводя этот тариф, ставило перед собой

Таблица 1

Товары	Новые ставки	Старые ставки
Кожа верхняя, обработанная (баранья, шевро и т. п.)	255	48
Ботинки шевровые и т. п.:		
весом в паре до 400 г	320	180
» от 400 до 800 г	260	
» свыше 800 г	200	
Ковры, имеющие вес 2.5 кг в кв. м	400	84
Имеющие вес свыше 2.5 кг в кв. м	240	
Шерстяные ткани:		
весом до 200 г в кв. м	360	80
» от 201—600 г. в кв. м	270	70
» свыше 600 г	210	65
Шелковые ткани и ленты из чистого или искусственного шелка	3600	1800
Спирт	36	12.5
Коньяк, ром, водка и т. п.	225	96
Оливковое масло (в сосудах, содержащих более 10 кг)	39	21.6
Кунжутное масло	36	7.5
Мыло для стирки белья	25	12

промышленников на упомянутом выше Промышленном конгрессе. Промышленники жаловались на то, что новый таможенный тариф имеет главным образом фискальный характер, а не протекционистский, и защищает больше всего интересы торгового капитала, а не промышленного.

Несомненно, что на изменениях, внесенных в дальнейшем в таможенный тариф, сказалась борьба между турецким торговым и промышленным капиталом, в результате которой торговому капиталу удалось отвоевать у последнего ряд позиций, что выразилось главным образом в понижении ставок обложения на импортные товары. По этой же линии шло и наступление иностранного капитала. Но нельзя принимать за чистую монету жалобы турецких промышленников и полагать, что новый таможенный тариф не имел никакого протекционистского характера.

Дело заключается в том, что турецкие промышленники, не довольствуясь полученным, требовали гораздо большего.

только задачи поощрения туземной промышленности. Введением этого таможенного тарифа правительство ставило перед собой и другие задачи, например, усилить приток валюты в страну и т. д. Но анализ этих задач выходит за рамки нашей темы.

Важным документом, характеризующим промышленную политику кемалистов на разбираемом нами этапе, является закон об уступке турецким правительством американской компании «The American Turkish Investment Corporation», — дочернему предприятию шведского спичечного концерна Ивара Крюгера — спичечной монополии с 1 июля 1930 г. сроком на 25 лет (закон № 1721 от 15 июня 1930 г.).

Правительство получило взамен этой уступки заем в размере 10 млн. долларов из $6^1/_2\%$ годовых. Эта уступка вытекала из политики правительства, делавшего в то время упор на частное промышленное строительство и пытавшегося привлечь к этому и иностранный капитал, не останавливаясь перед предоставлением последнему значительных льгот и привилегий.

Означенное общество обязывалось в течение двух лет со дня ратификации договора построить в Стамбульском вилайете спичечную фабрику, которая покрыла бы всю потребность страны в спичках. Через 25 лет эта фабрика должна поступить безвозмездно в собственность правительства.

За предоставление займа и постройку фабрики общество получило монопольное право производства, импорта и экспорта спичек на территории Турецкой республики в течение 25 лет, причем импорт спичек освобождался от таможенного обложения.

Как нам уже приходилось отмечать, турецкое правительство, уступив спичечную монополию иностранцам, теряло на этом ежегодно 1.75—2 млн. лир. Это означает, что общество возвращало себе заем в течение 10 лет, а правительство еще в течение 15 лет теряло по 2 млн. лир ежегодно, т. е. 30 млн. лир.[1]

Этот договор, несмотря на свои тяжелые условия, все же был утвержден.

Турецкое правительство не прекращало, однако, за этот период принимать непосредственное участие в промышленном строительстве. Не говоря уже о предприятиях правительственного Горнопромышленного банка, турецкое правительство в январе 1930 г., в декрете об изменении некоторых статей статута «Анонимного турецкого общества копей» в Булгардаге (№ 8786 от 22 января 1930 г.) на ряду с определением капитала этого общества в размере 1 млн. лир, с правом в дальнейшем его утроить, также устанавливает и то, что правительство приобретает акций на 250 000 лир и вводит в состав административного совета и контролеров своих представителей.

[1] А. Новичев. Проблемы промышленного развития современной Турции. Проблемы марксизма, 1933, № 5, стр. 113.

Далее, в июне того же года (10 июня 1930 г., закон № 1709) правительство уполномочивает министра финансов вложить в вновь организуемое национальными банками «Сахарное общество» сумму до $2^1/_2$ млн. лир и дать этому обществу аванс в размере 1 млн. лир.

Однако, несмотря на эти факты, указывающие на то, что турецкое правительство не прекращало и на втором этапе своей промышленной политики принимать непосредственное участие в промышленном строительстве, все же преобладающей тенденцией этой политики за этот период остается та, которая делала ставку на развитие промышленности путем всемерного поощрения частного капитала, даже иностранного.

Политика развития промышленности путем все большего поощрения частного капитала не дала значительного эффекта. Турецкие капиталисты все же предпочитали торговые и ростовщические операции, в которых капитал быстрее оборачивался и приносил более высокую прибыль, чем в промышленности. Ухудшение экономического положения страны в связи с наступившим мировым экономическим кризисом, большое сокращение покупательной способности масс еще более ослабили те стимулы, которые толкали турецких капиталистов на то, чтобы вкладывать свои капиталы в промышленность.

С этим одновременно связано и усиление наступления империалистических государств на отсталые страны, в том числе и на Турцию, с целью переложить на них тяжесть кризиса. Неэквивалентность обмена между Турцией и иностранными государствами возросла вследствие большего падения цен на сельскохозяйственные товары, нежели на промышленные. В 1931 г. вновь усилилась опасность получения пассивного торгового баланса, что грозило потерей турецкой валютой своей известной стабильности, которую удалось турецкому правительству добиться в 1930 г. рядом серьезных мероприятий.

Что касается промышленности, то наплыв иностранных товаров, усилившийся в особенности в связи с политикой демпинга, которую начали применять империалистические страны, в особенности Япония, угрожали срывом ее работы и уничтожением тех хотя и недостаточных результатов, но которые в известной степени все же были налицо. Все вместе взятое грозило усилением как экономической, так и политической зависимости Турции от империалистических государств. Турецкое правительство вынуждено было перейти к оборонительным мероприятиям, в числе которых первенствующее место принадлежит системе контингентирования импорта, установленной в ноябре 1931 г.

Эта система устанавливала определенные контингенты импорта товаров на каждый квартал. Импорт тех или иных товаров сверх количества, обозначенного в контингенте, не допускается.

Устанавливая определенные контингенты товаров, допускаемые к импорту, турецкое правительство учитывало при этом интересы развития туземной промышленности, и в этом огромное значение для последней этой системы.

Исходя из интересов развития собственной промышленности, турецкое правительство либо ограничивало, либо даже запрещало импорт тех или иных товаров. Так, запрещен к импорту каменный уголь, цемент, ограничен импорт сахара, тканей и ряда других товаров. В 1931 г. было ввезено сахара в Турцию около 40 000 т, в 1932 г. 29332 т. Цемента было ввезено в Турцию в 1927 г. 56000 т, в 1932 г. лишь 2300 т и т. д.

В числе основных целей, которые преследовало турецкое правительство, вводя систему контингентирования импорта, были не только сохранение активности торгового баланса и стабилизации турецкой валюты, но и поощрение турецкой промышленности и защита ее от конкуренции иностранных товаров.

Однако условия, которые препятствовали вовлечению национального капитала в промышленность во втором периоде, продолжали еще с большей силой действовать после наступления мирового экономического кризиса. Сокращение внутреннего рынка и банкротство ряда предприятий вследствие кризиса отнюдь не могли содействовать промышленному строительству за счет частного капитала. Вместе с тем, вытеснение иностранных товаров, которые даже после введения контингентирования импорта играли преобладающую роль на внутреннем рынке, улучшение в связи с этим торгового и платежного баланса страны, укрепление ее валюты и общее, таким образом, усиление экономической независимости Турции от империализма, не могло быть обеспечено без дальнейшего промышленного строительства. Поэтому, наряду с принятием системы, защищавшей туземную промышленность от иностранной конкуренции, турецкое правительство вновь, как и на первом этапе, перешло к более активному оперативному вмешательству в промышленность, выражающемуся в строительстве промышленных предприятий за государственный счет, во-первых, и оказании государственной помощи частным предприятиям с участием в их управлении, во-вторых.

Мы видим, таким образом, опять возвращение политики «этатизма», и тем самым промышленная политика кемализма входит, начиная с 1931 г.

в новую, третью фазу; отличательной чертой этой политики на третьем этапе ее развития является именно усиление «этатистской» политики, которая становится на данном этапе основной.

Главным мероприятием турецкого правительства в этом направлении в области промышленности является создание взамен Горнопромышленного банка вначале Государственного промышленного бюро и Турецкого промышленного кредитного банка, а затем Промышленного банка под названием «Sumer Bank».

Промышленное бюро было создано на основе закона от 5 июля 1932 г. (№ 2058), вошедшего в силу с 10 июля. Согласно последнему в функции означенного бюро входило:

а) строительство, как непосредственно, так и чрез посредство других организаций, государственных промышленных предприятий;

б) управление фабриками, принадлежавшими до сих пор Горнопромышленному банку;

в) руководство предприятиями, работающими полностью или частично на государственные средства;

г) распоряжение средствами, поступающими в бюро, и направление их на новое промышленное строительство и на улучшение существующих фабрик;

д) управление долей государства в строительстве предприятий, которые будут построены на основе особых договоров с Министерством экономики;

е) распоряжение средствами, которые будут непосредственно из государственного бюджета предоставлены на строительство промышленных предприятий;

ж) бюро должно было осуществлять контроль над предприятиями, поставленными под его наблюдение, за выполнением ими производственной программы, намеченной в договоре;

з) техническое руководство всеми промышленными предприятиями, в которых государство принимает участие. Бюро должно было назначать директоров и инспекторов, начальников отделов и специалистов. Там, где доля правительства превышает 50%, оно назначало также и председателя административного совета. Никакие изменения в деятельности этих предприятий (расширение, изменение программы производства и пр.) не могли быть произведены без ведома бюро.

Трактуемый закон оговаривал особо (ст. 6), что строительство крупных промышленных предприятий, число которых, в силу ограниченности

внутреннего рынка, не должно быть многочисленно, или сбыт продукции которых должен быть обеспечен особыми защитительными мероприятиями правительства, может производиться лишь с разрешения Совета министров. Министерство экономики должно опубликовать список подобных отраслей промышленности.

Второе одновременное мероприятие правительства — создание Промышленного кредитного банка (закон о его создании принят 10 июля 1932 г., № 2064) стояло в тесной связи с первым.

В задачи Банка входило:

а) оказание кредита на покупку необходимых машин и сырья, отсутствующих в стране, и продажа ненужных машин с фабрик, принадлежащих государству;

б) открытие производственного кредита промышленникам;

в) предоставление в кредит совместно с Ипотечным банком промышленной недвижимости;

г) посредничество при обеспечении турецкой национальной промышленности сырьем;

д) предоставление ссуд промысловым кредитным предприятиями и кооперативам на нужды домашней и мелкой промышленности.

Размер процента за промышленный кредит не может превышать 9% годовых.

Трактуемым законом отменяется освобождение от таможенных пошлин импортируемых строительных материалов, необходимых для постройки предприятий, машин, материалов, сырья и т. д., которое было установлено законом о поощрении промышленности. Со дня вступления в силу данного закона (14 июля), все эти товары облагаются пошлинами. Кроме того, они подлежат также обложению налогами на сделки, но в размере 4%, а не 10%, как обычно. Суммы, получаемые от поступления этих налогов, передаются в ведение банка на нужды кредитования промышленности.

Вновь созданный банк для кредитования промышленности должен был быть учреждением, которое имело своей задачей кредитование промышленности, в том числе и частной, в значительной степени за счет государственных средств — об этом свидетельствует та статья закона о создании промышленного бюро, которая устанавливает распределение прибылей и согласно которой прибыль, получаемая бюро, обращается сообразно решению Министерства экономики на нужды своих предприятий и на строительство новых, а остаток передается банку. Банк должен был быть в руках государства

не только орудием кредитования промышленности, но и орудием для воздействия на частную промышленность.

Обе упомянутые организации были тесно между собой связаны, и не даром одно и то же лицо — б. директор Горнопромышленного банка — было поставлено во главе и Промышленного бюро и Промышленного кредитного банка.

Связанность этих двух организаций в их деятельности вынудила правительство создать единую организацию для выполнения этих же функций, и 3 июня 1933 г. был принят закон (№ 2262)[1] о создании Промышленного банка под названием «Sumer Bank», основными объектами деятельности коего являются (ст. 2):

1) Эксплоатация фабрик, которые будут ему переданы Промышленным бюро, и управление долей государства в частных промышленных предприятиях.

2) Составление проектов строительства всякого рода промышленных предприятий за государственный счет.

3) Участие в строительстве или расширении промышленных предприятий, важных для народного хозяйства страны.

Промышленные объекты по степени их важности классифицируются законом следующим образом:

а) отрасли, сырье которых имеется в стране в достаточном количестве, но продукция которых не покрывает потребности в них;

б) промышленность, перерабатывающая сырье на экспорт;

в) отрасли, продукция коих в большой доле потребляется внутри страны, сырье для которых в стране отсутствует, но которое может быть произведено внутри страны;

г) отрасли, сырье для которых в стране отсутствует и которые не могут быть произведены внутри страны, но продукция которых важна для страны.

4) Банк имеет своей задачей открывать школы для создания необходимых кадров рабочих, мастеров, посылать студентов в высшие учебные заведения, с целью формирования кадров инженеров.

5) Банк должен обеспечивать кредит промышленным предприятиям и выполнять все банковские операции и

6) Изыскивать собственными силами средства, необходимые для развития национальной промышленности.

[1] L'Economiste d'Orient, №№ 326 и 327 за 1933 г.

Ст. 3 трактуемого закона отменяет законы №№ 2018 и 2064 о создании Промышленного бюро и Промышленного кредитного банка и передает все права и обязанности этих учреждений Сумербанку.

Номинальный капитал банка установлен в размере 20 000 000 лир, с возможностью его удвоения с решения Совета банка и по предложению правительства.

Банк вправе выпустить облигации в размере до 20 млн лир.

Руководящий аппарат банка — директор и его заместители и председатель административного совета — намечается Министерством экономики, утверждается Советом министров и получает окончательную аппробацию президента республики.

Генеральный совет банка создан из трех членов, которые избираются ежегодно среди членов бюджетной комиссии меджилиса.

Контроль за деятельностью банка осуществляется комитетом в составе 3 членов, намеченных Министерствами экономики, финансов и генеральным советом банка.

Министерство экономики фиксирует ежегодно сумму кредита, предоставляемого банком промышленным предприятиям, которыми он непосредствено не руководит и в которых он не принимает участие. Но эта сумма не может быть ниже половины всей суммы кредита, предоставляемого банком.

При предоставлении кредита банк должен исходить из значения предприятия сообразно той классификации, которая дана выше.

Таково то учреждение, которое создало себе правительство для осуществления своей этатистской политики в области промышленности.

Мы проанализировали турецкую промышленную политику за весь период существования новой Турции. Мы отмечали зигзаги этой политики, позволяющие наметить три этапа ее развития; содержание промышленной политики на каждом этапе нами изложено достаточно подробно. Мы могли убедиться в том, что не было недостатка в мероприятиях, имевших своим назначением обеспечить рост турецкой промышленности. Но одно мероприятие не было проведено в жизнь — освобождение крестьянства от феодальных пережитков, сковывающих развитие производительных сил в сельском хозяйстве. Тем самым задерживается развитие внутреннего рынка, и следовательно и рост национальной промышленности. Этому содействовала еще недостаточно последовательная, особенно во вто-

ром периоде, борьба с империалистами, а временами даже сдача им тех или иных позиций. В силу указанных причин, хотя и имеется известное развитие турецкой промышленности, после кемалистской революции, но достигнутые итоги все же пока незначительны.[1]

А между тем, несомненно, что даже при существующих условиях имеются в Турции возможности промышленного развития, но для этого требуется усиление борьбы с империалистическими странами за свою экономическую независимость. В этой борьбе турецкое правительство имело, имеет и будет иметь надежную опору в лице мощного Союза советских социалистических республик.

Логика борьбы за свою независимость побудила Турцию усилить хозяйственные связи с Советским Союзом и искать в его лице поддержку своему промышленному строительству. Советский Союз, успешно закончивший первую пятилетку, не замедлил эту поддержку оказать. Предоставив Турции для этой цели беспроцентный долгосрочный заем в размере 8 млн. ам. долларов (около 16 млн. зол. руб.), создав специальную организацию «Туркстрой» для реализации турецких промышленных заказов, оказывая Турции техническую помощь, поставляя ей на льготных условиях первоклассное оборудование, Советский Союз показал и продолжает показывать образец отношения пролетарского государства к стране, борющейся за свою независимость от империализма.

Ноябрь 1933 г.

[1] По вопросу об итогах промышленного развития современной Турции см. нашу упомянутую выше статью.

Л. И. ДУМАН

Феодальный институт яньци в Восточном Туркестане в XVIII веке

Процесс исторического формирования социальных организмов, проходя те же стадии как на Западе, так и на Востоке, в каждой из этих частей света имеет свои особенности, приковывающие внимание специалиста-историка. Если мы возьмем область аграрных отношений, играющих решающую роль при феодальной общественно-экономической формации, то и здесь — ряд специфических условий социально-экономической жизни Востока наложил свой отпечаток, в результате чего мы сталкиваемся с некоторыми феодальными институтами, напоминающими нам европейские, но имеющими свою «восточную» специфику.

Одним из таких институтов является институт «яньци», с которым мы сталкиваемся в Синьцзяне в XVIII в. Этот институт по форме напоминает крепостничество, но подлинная сущность его, к сожалению, не вскрывается китайскими источниками. Однако даже те сведения, которые нами почерпнуты у китайских авторов XVIII в., представляют, на наш взгляд, немалый интерес в социально-историческом отношении и толкают нас на опубликование крайне неполных материалов.

Основной формой присвоения прибавочного продукта крестьянских масс феодалами-землевладельцами в Восточном Туркестане являлась рента продуктами, натуральная рента. Однако эта форма эксплоатации туркестанского крестьянства переплеталась с более ранней, предшествовавшей ей формой — отработочной рентой. Многочисленные факты из истории Восточного Туркестана подтверждают это.

Это переплетение двух форм извлечения прибавочного продукта — обычное свойство феодальной формации, отмеченное в свое время Марксом,[1]

[1] «Если рента продуктами представляет господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она все же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остат-

нашло свое отражение в специфическом институте яньци наряду с другими явлениями.

Яньци, согласно одному из китайских источников XVIII в., прежде всего дворовые, холопы туркестанских беков, чиновников, работающие на последних, своим трудом содержащие их. Так, в «Описании Западного края», после перечисления всех установленных в Восточном Туркестане должностей беков и описания их функций, указывается, что каждый бек имеет дворовых-крестьян, которые носят наименование яньци:

«Все беки имеют холопов-туркестанцев (сяохуйцзы), являющихся их (беков) дворовыми-крепостными, вроде рабов, от 100 до 2—3 семейств, которые называются яньци».

Приводим китайский текст:

(слева направо)

凡伯克皆有小回子爲其家服役如奴僕。自百戶至二三戶不等謂之燕齊[1]

В цитированном источнике мы не находим больше никаких указаний в отношении яньци, и этим, повидимому, объясняется тот факт, что русский синолог-монах Иакинф, полностью переведя указанное «Описание Западного края»,[2] выпустил упоминание о яньци.

Приведенная выдержка не проливает достаточного света на сущность яньци и их место в производственных отношениях Синьцзяна того времени. После долгих исканий мы находим ряд других указаний по этому вопросу. Так, в одном из императорских указов, в развитие приведенной справки, конкретно указывается, каким бекам и какое количество крестьян-яньци передается для обработки земли беков. Указ этот издан вскоре после усмирения восстания в г. Уше (1765 г.) и установления там новой администрации. Приводим перевод указа, опуская места, не затрагивающие вопроса о яньци:

«В 33-м году правления императора Цянь Луна (1768) государственный совет (Цзюньцзичу), обсудив доклад, вынес решение: впредь разрешить 5-го ранга акимбеку[3] города Уша передачу (крестьян)

ками предыдущей формы, т. е. ренты, которая доставляется непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли земельным собственником частное лицо или государство» (К. Маркс, «Капитал», т. III, ч. II, ГИЗ, 1929, стр. 270.

[1] Сиюй вэньцзянь лу, 西域聞見錄. Описание Западного края, гл. 7, стр. 17.

[2] См. «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». Переведено с китайского монахом Иакинфом. СПб., 1829, стр. 230.

[3] Акимбек — глава местного чиновничества, бекства.

обрабатывающих землю яньци в количестве 20 семейств; казыбеку[1] 6-го ранга — 6 семейств; минбеку[2] и бачжигирбеку[3] 7-го ранга — по 5 семейств каждому».

Приводим текст:

乾隆三十三年軍機處議覆奏定嗣後准給烏什之五品阿奇木伯克屯田洋起二十戶六品哈子伯克六戶七品明伯克巴濟格爾伯克各五戶[4]

Новым моментом в этом указе, уточняющим данные первого источника, является указание на характер работ, выполняемых яньци. Если в «Описании Западного края» яньци понимались как дворовые, выполняющие феодальные повинности (家服役) без конкретного указания на их роль в процессе производства, то здесь ясно сообщается, что назначение яньци — обрабатывать землю — 屯田.

Таким образом, на основании данных двух китайских источников, мы можем сделать предварительный вывод. Яньци или янци, как их называет второй источник, — это крестьяне, прикрепляемые к бекам в количестве, зависящем от чина того или иного бека (чиновника) и, повидимому, в зависимости от степени важности и значительности того или иного района, города и, следовательно, объема функций, выполняемых беками. Это крестьяне, находящиеся в личной зависимости от беков и являющиеся крепостными или рабами последних (беков).

Некоторое расхождение в приводимых данных наблюдается по линии наименования этих зависимых крестьян. Первый источник «Описание Западного края» называет их яньци (煙齊), второй — янци (洋起). Как то, так и другое обозначение представляют собой, безусловно, транскрипцию какого-то некитайского термина, что вынуждает нас обратиться к источникам некитайского происхождения с целью выяснения семантики термина яньци или янци. К этому вопросу мы вернемся после рассмотрения доступных нам китайских сочинений.

В третьем китайском источнике «Циньдин Синьцзян Шиле» — «Высочайше утвержденное описание Синьцзяна» — мы находим новые, более полные указания относительно яньци. В главе о земледельческих поселениях

[1] Казыбек — судья по уголовным делам.

[2] Минбек — тысячник — управляет 1000 туркестанцев в городах.

[3] Бачжигирбек — налоговой инспектор.

[4] Циньдин Хуйцзянцзэли, 欽定回疆則例, «Высочайше утвержденные установления о Туркестане (мусульманских границах)», кн. (бэнь) 3, стр. 27.

Илийского края, разделявшихся на собственно-военные, бинтунь (兵屯), мусульманские (туркестанские) хуйтунь (回屯) и частные хутунь (戶屯), сообщается, что из принудительно переселенных из Восточного Туркестана в Илийский край 6383 семейств — после покорения Восточного Туркестана — 6060 семейств образовали мусульманские поселения (回屯) и платили государству натуральный оброк, а 323 семейства, занимаясь сельским хозяйством, содержали беков, в зависимости у которых находились, и рабочих железных рудников. Вот что говорит об этом китайский источник: «Вначале из Аксу отправили в Или 300 туркестанцев (回子), поселив в местности Хайнукэ, на юге от реки Или, и обязали их обрабатывать землю. На следующий год назначили им бека, а затем непрерывно посылали туркестанцев из гг. Уша, Яркенда, Хотана, Хами и Турфана; к 33 году правления императора Цяньлуна (1768) всего находилось 6383 семейств (хозяйств, 戶, ху). Из этого числа (6383 семейств) — за исключением 323 туркестанских семейств, так называемых яньци, которые, обрабатывая землю, содержали собираемым зерном больших и малых беков и 10 туркестанских семейств, добывавших железо, — 6000 с лишним семейств было предписано разделиться на поселения (тунь, 屯) и заниматься земледелием в Кульдже (Гулэчжа, 固勒札)».[1]

В цитированном источнике в примечании мы находим объяснение значения термина яньци; китайский автор не ограничивается только сообщением фактических данных о яньци в Илийском крае, он отмечает, что «яньци — это туркестанцы (мусульмане), передаваемые для выполнения работ (феодальных повинностей, 服役) бекам, в соответствии с чинами последних».[2]

Таким образом, это понимание китайским автором термина яньци полностью совпадает — вплоть до передачи одними и теми же знаками, с объяснением, данным в первом источнике «Сиюйвэньцзяньлу» и подкрепляется в одном отношении — в отношении взаимозависимости количества передаваемых яньци и чина бека — вторым китайским источником «Циньдин хуйцзянцзэли», который отражает практическое применение этого принципа прикрепления крестьян к бекам.

В третьем источнике «Циньдин Синьцзян Шиле», как мы видели, указывается что яньци — зависимые крестьяне, работающие на беков, своим трудом на земле содержащие этих беков. Далее, из приведенной

[1] Циньдин Синьцзян Шиле, 欽定新疆識略, гл. 6, стр. 1.

[2] Там же, 1 стр. Приводим китайский текст, поясняющий значение яньци, 彥齊者隨伯克品級給與服役之回子

цитаты выясняется, что яньци не входят в состав туркестанских поселений (хуйтунь, 回屯) в Или, созданных для культивирования земледелия и снабжения продуктами сельского хозяйства китайско-манчжурской армии в б. Чжунгарии. Следовательно, остается предположить, что яньци прикреплялись к бекам вместе с землей, — этот наш вывод подкрепляется, как будет видно ниже, другими китайскими источниками.

Параллельно мы должны отметить еще одно обстоятельство, вытекающее из приведенной цитаты. Оказывается, яньци являются не только зависимыми от беков крестьянами, но и государственными крепостными, которые продуктами своего труда содержат рабочих государственных железных рудников.

Мы указали, что передача бекам яньци осуществлялась одновременно с наделением чиновничества земельной собственностью. Эти «наделы» были неодинаковыми в зависимости от чина и должности и представляли собой компенсацию за службу беков, наряду с денежным вознаграждением. Чаще всего, однако, беки получали натуральную компенсацию — землю и крестьян-яньци. Натуральный характер вознаграждения беков вытекал из всей системы производственных отношений тогдашнего Туркестана — из феодального производства с его узостью рынка, застывшими натуральными формами хозяйства. В одном из китайских сочинений XVIII в., в «Хуйцзянчжи», дается следующее объяснение натуральной оплаты чиновников после приведения цифровых данных по городам Курля, Бугюр, Куча, Аксу и Ушу:

«В связи с тем, что в каждой городской местности (из перечисленных, *Л. Д.*) торговля была незначительной и деньги по большей части постепенно вышли из употребления, а земледелие считалось всеми источником существования, — главноуправляющий, сановник Шу, представил доклад, в котором просил передавать повсюду бекам в качестве жалованья (янлянь) землю и вместе с тем, в соответствии с чином, прикреплять (передавать) туркестанцев (хуйцзы), занимающихся хлебопашеством, с тем чтобы последние содержали беков».[1]

Цитированный источник, «Хуйцзянчжи», правда не указывает, что прикреплявшиеся к бекам крестьяне назывались яньци, но существо передаваемых фактов целиком совпадает с тем, что мы встречали в других источниках, где речь шла о яньци. Производственное назначение яньци, предназначенных для обработки земель чиновника-землевладельца, подтвер-

[1] Хуйцзянчжи, 回疆誌 Описание мусульманских границ (Туркестана), гл. 3, стр. 33.

ждается, как это видно из приведенной выше цитаты, также и «Хуйцзянчжи»; кроме того, в этом источнике мы имеем и другие доказательства этого: так, во многих местах отмечается взаимосвязь между землевладением и яньци, когда указывается, что к бекам, имевшим прежде земельную собственность, прикрепляли только крестьян.[1]

В «Хуйцзянчжи» мы узнаем не только о принципиальных установках в отношении прикрепления крестьян к бекам-землевладельцам, но и встречаемся с конкретными данными, рисующими распределение крестьян среди различных слоев чиновничества. Не имея возможности из-за недостатка места приводить эти данные, занимающие в «Описании мусульманских границ» 20 двойных китайских страниц, ограничусь указанием, что максимальная цифра прикреплявшихся к бекам крестьян равнялась 100 душам, минимальная — 1—2 душам.

Земельная площадь, передававшаяся бекам, исчислялась не в линейных мерах, а в мерах объема, в батманах, т. е. измерялась количеством зерна, идущего на обсеменение единицы земельной площади, и составляла максимум — 200 батманов, минимум — 5 батманов на каждого чиновника. При переводе этих цифр на китайские меры[2] и при учете того, что на засев одного му земли требуется от $^1/_2$ до 2 доу зерна,[3] выходит, что беки получали от 132.5 до 5.300 му земли.

По данным «Хуйцзянчжи», всего по Восточному Туркестану, без Илийской области, среди беков было распределено 3080 крестьян яньци.[4]

Таким образом в дополнение ко всему сообщенному о яньци — в «Хуйцзянчжи» мы находим подробное перечисление по всем городам Восточного Туркестана цифровых данных о прикреплении крестьян к бекам-помещикам.

Изложенный выше материал китайских источников позволяет нам сделать следущие выводы относительно социально-экономического содержания понятия яньци:

1) яньци — это зависимые крестьяне, прикрепленные к бекам, выполняющим определенные функции в государственном аппарате Синьцзяна;

2) количество яньци колеблется в зависимости от занимаемой должности и ранга чиновника (бека), к которому они (яньци) прикрепляются;

[1] Там же, стр. 35, 36, 39, 40—41, 42.

[2] I батман зерна приравнивался с 1760 г. к 5 даням, 3 доу. До 1760 г. к 4 даням, 5 доу китайским. См. Хуйцзянцзэли, гл. 3, стр. 1—2.

[3] Такое количество зерна на посев отпускалось военным поселениям Чжунгарии и Восточного Туркестана. См. Хубуцзэли, 1831 г., гл. 94, стр. 54.

[4] Хуйцзянчжи, гл. 3, стр. 25—42.

3) яньци, используемые в земельных владениях беков, являются для последних источником присвоения прибавочного продукта;

4) форма присвоения этого продукта, повидимому, отработочная рента — на это указывает термин — фуи, 服役, применяемый к яньци для обозначения их отношения к владельцу основного средства производства (земли) — землевладельцу; термин, означающий выполнение феодальных повинностей, феодальной барщины. Однако, использованные источники других, более определенных указаний для принятия изложенного вывода не дают;

5) яньци являются также государственными крепостными, работающими на земле, юридическим собственником которой являлось государство в лице Цинского дома. Прибавочный продукт этих государственных яньци шел на содержание государственных крепостных на рудниках;

6) в китайской литературе встречаются три различных обозначения института зависимых крестьян-яньци: а) 煙齊 яньци, б) 洋起 янци и в) 彥齊 яньци.

Нам остается теперь выяснить значение термина яньци в том языке, из которого он заимствован китайскими источниками. Что термин этот некитайского происхождения — видно из различного написания его китайскими авторами, из непереводимости примененных иероглифических биномов, из передачи всеми цитированными авторами одной и той же фонемы. Следовательно, мы устанавливаем, что термин яньци есть транскрипция некитайского, повидимому, тюркского слова. Для восстановления социально-исторического значения термина яньци надлежит обратиться к местным туркестанским (мусульманским) источникам. Насколько, однако, нам известно, в литературе, представляющей собой или переводы тюркских документов о Восточном Туркестане, или специальные исследования, посвященные Восточному Туркестану, такого термина — или близкого ему — не встречается. Единственно, что привлекает наше внимание для объяснения затронутого вопроса — это упоминание об институте инджу, встречающееся в истории монголов Рашид-ад-дина. Этому институту посвящена специальная статья покойного В. В. Бартольда, который, к сожалению, не смог дать окончательного ответа на вопрос о происхождении инджу, его точном значении (лексическом); точно так же был оставлен без ответа вопрос о социально-экономическом содержании института инджу, о его месте и роли в феодальных производственных отношениях того времени, к которому его относит Рашид-ад-дин, а вслед за ним и В. В. Бартольд.

Упоминание об институте инджу относится ко времени царствования Газан-хана в Иране (начало XIV в.). Эта эпоха, как передает Рашид-ад-дин, характеризовалась разложением, коррупцией государственного аппарата, процветанием системы непомерных поборов, эксплоатации крестьянства со стороны правительственных чиновников — управляющих провинциями и сборщиков податей.

Насколько большие размеры приняли злоупотребления при сборе налогов, приводившие к обнищанию крестьянских масс и к оставлению ими на произвол судьбы сел и пашен, можно судить по следующим словам Газан-хана, переданным Рашид-ад-дином, в пересказе Д'Оссона:

«Как направить на добрый путь управляющих и сборщиков податей, которые усвоили привычку требовать с подданных больше, чем нужно, и ничего не передавать в казначейство; которые каждый год, будучи привлекаемы к ответственности, откупались? Мы должны принять меры, чтобы воспрепятствовать управляющим провинций использовать казенные, государственные деньги, — и лучше будет лишить их возможности облагать налогом».[1]

В качестве меры борьбы с упомянутым злом, Газан хан предложил практиковать составление точных росписей (списков) всех общин, среди которых надлежало распределить налоги,[2] чтобы лишить сборщиков возможности скрыть объекты обложения.

Но кроме этих мер, принятых верховным правителем, в широких крестьянских массах стихийно вырабатывалось «оружие» борьбы с феодальной бюрократией. Это «оружие» впоследствии обратилось против крестьян же. Крестьянские массы, трудящиеся городских местностей стали искать защиты против поборов у членов царствующего дома, у удельных князей, отдавая себя под «покровительство» последних. Такой переход под зависимость от крупных феодалов освобождал непосредственного производителя от государственных налогов, но зато превращал его в крепостного. Эта зависимость от удельных князей и именовалась «инджу». Вот что говорит по этому поводу В. В. Бартольд, основываясь на Рашид-ад-дине:

«Переход в разряд таких удельных имений поэтому рассматривался как «покровительство», оказанное данному месту членом царствующего дома или вельможей».[3] Принадлежность территорий к удельным имениям

[1] D'Ohsson. Histoire des Mongols, t. IV, p. 379.

[2] Там же, стр. 380.

[3] Бартольд, В. В. Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче, стр. 27.

и личная зависимость отдельных людей (у D'Ohssone — en servage) от членов царствующего дома одинаково обозначались термином инджу.[1]

Таким образом мы видим, что термином инджу, по Бартольду, обозначались как феодальная зависимость (и сами зависимые), так и владения феодалов, приобретенные в результате оказанного «покровительства», т. е. домены, феоды. Об этом же сообщает и Рашид-ад-дин в приводившимся выше рассказе, где говорилось о составлении списка общин. Рашид-ад-дин указывает дальше, что Газан-хан предложил составить особую роспись имущества частных владений, монастырских пожалований и инджу.[2] Здесь инджу понимается как особый вид владений. Инджу находились в особом положении, доход с земель инджу не поступал в диван[3] и тем самым жители инджу освобождались от податей в пользу государства, что, однако, не несло непосредственному производителю избавления от эксплоатации; прибавочный продукт присваивался удельным князем, крупным феодалом, доходы с земель инджу «шли на содержание двора самого государя и других представителей династии».[4]

К сожалению, наши сведения об инджу, почерпнутые из истории Рашид-ад-дина, весьма ограниченные. Они не позволяют вскрыть до деталей формы эксплоатации крестьян-инджу, формы ренты на землях инджу. Приведенные данные о том, что инджу не платили налог государству, не вскрывают еще сущности инджу, отношения крестьян-инджу к эксплоататорским классам, отношения тех и других к средствам производства, способа распределения последних и т. д.

Бартольд, которому была доступна рукопись Рашид-ад-дина в подлиннике, ничего не мог сказать по затронутым вопросам, об этом свидетельствуют следующие его слова:

«О юридическом положении территорий и лиц, причисленных к «инджу», мы не имеем точных сведений. В постановлениях Газан-хана, приведенных Рашид-ад-дином, земли «инджу» противополагаются «землям дивана», и те и другие вместе отличаются от земельных участков, находившихся в частном владении».[5] Нам кажется, что того немногого, сообщенного Рашид-ад-дином об инджу, достаточно для того, чтобы сделать вывод, что инджу является по существу институтом крепостничества, развившимся из инсти-

1 Там же, стр. 27.

2 D'Ohsson, там же, стр. 380.

3 Казначейство.

4 Бартольд. В. Там же, стр 29.

5 Бартольд, В. Там же, стр. 28—29. Ср. D'Ohsson, t. IV, p. 417; Quatremère. Histoire des Mongols de la Perse.. ., p. 13.

тута комендаций, который сам по себе, впрочем, представляет форму крепостных отношений, но более раннюю.

Несомненно, что развитие института инджу шло в направлении все большего закабаления непосредственных производителей, приписанных к землям инджу и, если вначале переход в состояние инджу был добровольным (условно добровольным, так как к этому принуждала экономическая необходимость или, лучше сказать, совокупность социально-экономических условий), то не исключена возможность, что впоследствии под инджу понимался институт зависимых крестьян, насильно прикреплявшихся вместе с землей к вотчинам того или иного феодала, будь это удельный князь или более или менее крупный чиновник-феодал. Такое понимание инджу нисколько не расходится с показаниями того же Рашид-ад-дина, у которого наряду с инджу встречается упоминание о так наз. собственном-инджу (хас-инджу).[1] Так, Рашид-ад-дин сообщает о выкупленных Газан-ханом монгольских пленных, которые все сделались его кебтеулами (гвардейцами) и собственными инджу.[2]

В другом месте, по словам Бартольда, Рашид-ад-дин рассказывает о том, «как для содержания каждой орды была определена область из собственного инджу».[3]

Таким образом, из приведенных выше свидетельств Рашид-ад-дина можно заключить, что инджу и хас инджу в дальнейшем своем развитии превратились в ярко выраженный институт крепостничества.

С другой стороны, необходимо отметить, что привилегии в отношении освобождения от государственных налогов, которыми пользовались крестьяне-инджу, впоследствии, повидимому, не имели силы.

Бартольд указывает на существование среди рукописных туркестанских фрагментов жалобы среднеазиатскому хану Туклук-Тимуру (1348—1362) со стороны садовников. В этом документе говорится о том, что

> «... при всех прежних ханах, начиная с до-монгольской эпохи, при распределении калана с жалобщиков-садовников (или садовладельцев) — «инджу» — калана не взимали, а теперь, в тяжелые для них времена, требуют от них уплаты двойной дани».[4]

[1] Хас — арабское слово, означающее собственный.
[2] Бартольд, В. Там же, стр. 28.
[3] Бартольд, В. Там же, стр. 28.
[4] Бартольд, В. Там же, стр. 30. Ср. W. Radlof. Uigurische Sprachdenkmäler, № 22, стр. 26—32.

Следовательно, можно допустить, что некоторые особенности инджу в процессе развития этого института были утрачены; с другой стороны, вполне возможно, что развивались другие черты, которые придали этому институту в Восточном Туркестане иной вид, иную форму, не внося сущностных изменений в содержание этого вида феодальных отношений, как отношений крепостных. И нам кажется, что описанный выше институт яньци или янци представляет собой не что иное, как инджу с рядом быть может изменений, что вполне понятно, ибо от эпохи Газан-хана до рассматриваемого периода нас отделяют около 500 лет.

В самом деле, если инджу представлял собой, как это было выше выяснено, институт зависимых от удельных князей крестьян, то термином яньци обозначаются зависимые от беков крестьяне. В первом случае, правда, непосредственный производитель «добровольно» становился инджу, но эта добровольность, во-первых, была условной, а во-вторых, под инджу понимались и выкупленные пленные,[1] т. е., повидимому, рабы или крепостные и прикреплявшиеся для содержания царского двора крестьяне; во втором случае (в XVIII в. — в Восточном Туркестане) яньци содержали беков и были от них зависимы, иначе говоря, сущность как инджу, так и яньци одна и та же. Этот наш вывод подтверждается и лингвистическим анализом термина инджу и сравнением его с яньци.

Прежде всего о происхождении термина инджу. Вот что говорит В. Бартольд об этимологии этого термина, о его чтении:

«Так, по всей вероятности, произносилось это слово (т. е. инджу) персами. Законы турецкой и монгольской фонетики требуют, конечно, иного произношения, но, насколько мне известно, до сих пор не установлено ни этимологическое происхождение этого слова, ни его истинное произношение».[2]

Оставляя в стороне вопрос о происхождении термина инджу, укажем, что в таком же чтении, как и у Рашид-ад-дина, это слово встречается в словаре Радлова, который указывает на его джагатайское происхождение. Вот, что мы находим у Радлова под словом инджу: «інџӱ (اينجو), Dsch. vergl. inji = äнчі».[3]

Таким образом, это слово в джагатайском языке читалось как инджу, а его фонетический эквивалент, повидимому, в одном из диалектов — äнчі. Форма äнчі ближе всего к китайскому яньци или янци. По словам Н. Н.

[1] См. об этом выше.

[2] Бартольд, В. Там же, стр. 27, примечание.

[3] Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, 1455 стр.

Поппе, любезно помогшего нам разобраться в законах монгольской фонетики и транскрипции монгольских слов китайскими иероглифами и обратной транскрипции, слог «ӓн» обычно передается китайским эквивалентом «янь», напр. jentiε, ende, ӓnde передается через 延迭 яньде. Что же касается китайского звука «ци» и монгольско-джагатайского «чі», то в тождественности их не может быть никакого сомнения.

На этом основании, яньци или янци мы решаемся приравнивать к монгольско-джагатайскому ӓнчі = інџӳ (инджу).

Точно так же близки эти понятия — яньци и инджу — по своей семантике. Вот что, напр., приводит Радлов в отмеченном словаре под словом інџӳ = ӓнчі:

«1. Царское поместье	Die fürstliche Domaine.
2. Служитель, всякий добровольно вступающий в услужение к беку на его содержание.	Ein Diener, jeder, der freiwillig in Dienst eines Beg's tritt und fon ihm unterhalten wird.»[1]

Первое значение полностью совпадает с содержанием понятия инджу в эпоху Газан-хана. Второе — говорит о добровольной службе у беков; выше мы отмечали, как могло деформироваться понятие добровольности, не говоря уже о том, что употребление слова «добровольно» без кавычек является, по меньшей мере, забвением всех историко-экономических условий того времени, когда складывалось это понятие.

Применение термина яньци в Восточном Туркестане в XVIII в., как уже было выяснено, тоже связано с несением службы у беков, причем под службой надо понимать нечто более определенное, чем у Радлова, а именно — выполнение феодальных повинностей и, в основном, конечно, обработку земли бека.

Китайские источники передают это понятие (повинности, барщина) знаками 服役, фуи, соединяя его (понятие) — почти у всех перечисленных авторов — с занятием земледелием. Таким образом получается, что не беки содержат слуг, а слуги беков своим трудом или, если это выразить языком политической экономии, что прибавочный труд непосредственного производителя присваивается собственником условий труда — средств производства, главным образом — земли, так как с.-х.орудия могли находиться в личной собственности непосредственного производителя-крестьянина, даже

[1] Радлов, там же, т. I, стр. 1455.

крепостного. Это не совсем по Радлову, но зато в полном соответствии с исторической действительностью.

Наш окончательный вывод: яньци и инджу понятия идентичные, и то и другое представляли собой институт крепостничества, основанный на личной зависимости непосредственного производителя от собственника условий производства, от собственника земли. Присвоение прибавочнаго продукта осуществлялось внеэкономическим путем — насильственным прикреплением крестьянина к земле и принуждением работать на землевладельца-феодала. Формы этого внеэкономического принуждения могли быть различными.[1] Яньци или инджу и являлись одной из таких форм на Востоке, именно в Восточном Туркестане.

В заключение считаем необходимым дать краткую характеристику использованных в данной работе китайских источников.

1. «Сиюйвэньцзяньлу», 西域聞見錄 «Описание Западного края» (более точно: «Описание виденного и слышанного о Западном крае»), 2 бэни (книжки), составлено манчжурским чиновником Ци ШиИ (七十一), по прозванию Чуньюань 春園, в течение долгого времени служившим в Восточном Туркестане. Предисловие автора датировано 19 днем 12-й луны 42-го года правления императора Цяньлуна (1777).

Этот источник интересен тем, что, наряду с историческими сведениями и географическо-статистическим описанием городов собственно Восточного Туркестана и б. Чжунгарии, приводит ряд деталей из быта туркестанцев и эксплоататорской практики китайско-манчжурского и местного чиновничества. Сообщаемые источником факты из социально-экономической жизни Восточного Туркестана согласуются с данными других источников, что, с одной стороны, придает ему (источнику) неопровержимую ценность, и с другой — выделяет его из ряда официальных описаний Синьцзяна, благодаря его более широкому диапазону, не стесненному требованиями, предъявляемыми к официальным изданиям. «Описание Западного края»

[1] ... «способы получения прибавочного продукта при барщинном и при капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на н а д е л е н и и производителя землей, второй на освобождении производителя от земли...»

«... у с л о в и е м т а к о й с и с т е м ы х о з я й с т в а (речь идет о крепостном, барщинном хозяйстве. *Л. Д.*) я в л я е т с я л и ч н а я з а в и с и м о с т ь к р е с т ь я н и н а о т п о м е щ и к а. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство.

Необходимо, следовательно, «внеэкономическое принуждение»..... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» (Ленин, Собр. соч. 2-е изд., т. III, стр. 140. Подчеркнуто мной Л. Д.).

переведено на русский язык монахом Иакинфом и составляет 2-ю часть его книги под названием «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». СПб., 1829.

2. «Циньдин Хуйцзян цзэли» 欽定囘疆則例 «Высочайше утвержденные установления о Туркестане», составлены в 19 г. правления императора Цзяцина (1814), 4 бэни (книжки). Собраны самые разнообразные законы и постановления, касающиеся Восточного Туркестана, начиная с момента окончательного усмирения его (1759/60).

3. «Циньдин Синьцзяншиле», 欽定新疆識畧, «Высочайше утвержденное описание Синьцзяна».

Составлено известным чиновником монгольского происхождения Сун цзюнем совместно с коллегией из 45 ученых.

Издано, повидимому, в 1821—1822 гг. Предисловие, написанное императором, датировано 1821 г., 12 глав (цзюаней), 2 больших тома. Главным образом, географическо-статистическое описание б. Чжунгарии и Восточного Туркестана. Центр тяжести — в описании Илийского края, военно-пахотных поселений и военно-бюрократической системы управления.

4. «Хуйцзянчжи» 囘疆誌 «Описание мусульманских границ» (Восточного Туркестана). Рукопись написана в 1772 г. (дата составления предисловия). Автор Суэрдэ, 蘇爾德, манчжурский чиновник, служивший в Кашгаре с 1769 г. Автор в предисловии сообщает, что составленное им «Описание» базируется на сочинении с тождественным названием, принадлежащем Юнгуну (был правителем Кашгара — по Сиюй вэньцзяньлу), но содержит ряд новых данных.

«Хуйцзянчжи» представляет собой географическое, статистическое и этнографическое описание собственно Восточного Туркестана с краткими сведениями о народах, обитающих за пределами Синьцзяна, 4 книги (бэни).

Е. БЕРТЕЛЬС

Тарзи Афшар и его творчество

I

За последние годы молодые персидские литературоведы все больше и больше разворачивают работу по изданию и исследованию ряда памятников старой персидской литературы. Не все появляющиеся в печати труды одинаково ценны, есть еще и много ошибок, не всегда учитываются требования, предъявляемые современной наукой к критическому изданию текста, но тем не менее делается большое и полезное дело, и многое, что до сих пор в рукописном виде скрывалось в недрах частных коллекций, становится доступным для более широких кругов исследователей. Среди этих вышедших за последние годы изданий заслуживает внимания диван Ṭарзӣ Афшāра, изданный в 1931 г. М. Тамаддуном.[1]

Ṭарзӣ Афшāр принадлежит к числу поэтов середины XVII в., т. е. того периода персидской литературы, который до настоящего времени изучен чрезвычайно мало. Авторов этого периода европейская наука уже давно признала эпигонами классической литературы, не внесшими ничего оригинального, и потому считала возможным заканчивать рассмотрение истории персидской литературы концом XV в., в отношении позднейших периодов довольствуясь лишь самыми общими замечаниями. Даже и последний четвертый том большого труда Эд. Броуна, охватывающий период с 1500 г. до наших дней, не мог восполнить этого пробела хотя бы уже потому, что обнять всю литературную продукцию за четыреста с лишком лет в одном томе оказалось невозможным.

Диван Ṭарзӣ представляет особый интерес, помимо указанного обстоятельства, еще и потому, что до настоящего времени творчество этого крайне своеобразного поэта почти совершенно не было известно, так как

[1] Dīvān-i Ṭarzī Afshār. Muṣaḥḥiḥ va mudavvin: Tamaddun. Az nashriyāt-i kitābkhāna-y-i Tamaddun. Riżā'iya [1309], XXIV+208+5 pp.

рукописи его, поскольку я могу судить, в европейских книгохранилищах не представлены совершенно, а потому и упоминания о нем ни у одного европейского исследователя не имеется.[1]

На Востоке в силу особеннностей своего творчества, он, повидимому, тоже особого распространения не получил. Ни печатных, ни литографированных изданий его не появлялось, да и в антологиях, этом обычном источнике сведений о персидской поэзии, произведения его почти нигде не включены. Из всех доступных мне тезкире только одна Majma' al-fuṣaḥā Риḍā Ḳулӣ-х̮āна Хидāйат посвящает ему чрезвычайно краткую и бессодержательную заметку, состоящую из приблизительного указания времени его деятельности (середина XI в. хиджры = первой половине XVII в. н. э.) и около двух десятков бейтов его стихов, далеко не принадлежащих к наиболее типичным и характерным для этого интересного поэта.[2]

Таким образом, для большинства иранистов диван этот представляет собой совершенно новый материал, почему я и считаю не лишним в настоящей небольшой заметке обратить на него внимание всех интересующихся персидской литературой и попытаться вкратце охарактеризовать эту интересную фигуру, до сих пор нам остававшуюся совершенно неизвестной.

Творчество Ṭарзӣ весьма интересно прежде всего в языковом отношении, так как он пытается разбить установленный вековым развитием придворной персидской поэзии языковый штамп и заменить его своими собственными приемами, подражателей, однако, не нашедшими. Но, независимо от этого, и по содержанию диван этот тоже крайне своеобразен и заслу-

[1] Из всех европейских историков персидской литературы имя Ṭарзӣ упоминается у Г. Этэ (Grundriss der iran. Philologie, II, 333), который сообщает, что некий мулла Ṭарзӣ составил в 1616 г. н. э. сборник рассказов под названием Ma'dan al-jawāhir (Копь драгоценных камней) в подражание Гулистану Са'дӣ и поднес его индийскому императору Джихāнгӣру. Рукописи этого произведения известны в более пространной и сокращенной редакциях и описаны в каталогах: Ethé, India Office, № 793, Ethé & Sachau, Bodleiana, №№ 464 и 465, Pertsch, Berl. Kat., p. 983 и Aumer, München, Kat., p. 9. К сожалению, в Ленинграде ни одного экземпляра этого произведения нет, и потому сказать о нем что-либо определенное невозможно. Описания всех упомянутых каталогов крайне сжаты, и достаточной точки опоры не дают. С другой стороны, хронологические соображения как будто препятствуют признать это произведение принадлежащим перу нашего поэта. Хотя Ṭарзӣ по его собственным словам и бывал в Индии, но в 1616 г. он, вероятно, был еще совсем молодым человеком в возрасте не более 17—18 лет и едва ли мог уже в это время попасть в Индию. Если же допустить, что уже в 1616 г. он был зрелым человеком, закончившим учебу и т. д., тогда придется только заключить, что он дожил до весьма почтенного возраста, в чем, правда, ничего невозможного нет. Во всяком случае, не имея самого произведения, можно только гадать, что в данном случае является занятием совершенно бесполезным.

[2] Majma' al- fuṣaḥā, II, 24.

живает хотя бы краткого анализа. Поэтому заметка моя естественно распадается на две части: 1) характеристика содержания дивана Ṭарзӣ и 2) анализ его метода языковой работы.

Изданию текста М. Тамаддун предпослал небольшое вступление, посвященное, как он говорит, личности поэта и анализу его стиля. Если в отношении установления биографии им действительно проделана довольно большая работа, то к анализу стиля он в своем вступлении даже и не приступал, и потому в этой части мне пришлось прокладывать свои собственные пути. Добытые М. Тамаддуном данные я использую здесь полностью, хотя должен оговорить, что, как будет видно из дальнейшего, не во всем с ним можно согласиться, и громадное количество содержащегося в диване автобиографического материала использовано им далеко не в достаточной мере. Понятно, конечно, что цели, которые ставит себе издатель, значительно разнятся от намеченной мной задачи, а потому и многое из того, что для меня представляет факт первостепенной важности, ему казалось не стоящим внимания. Конечно, я отнюдь не предполагаю, что настоящая заметка исчерпает проблему Ṭарзӣ всю до конца. Охватить все детали пока невозможно, да едва ли и нужно. Пока желательно только очертить более или менее отчетливо его фигуру и установить его место в истории персидской литературы.

II. Личность Тарзи. Социальные устремления его творчества

О жизни Ṭарзӣ, как и о жизни большинства персидских авторов, известно крайне мало. Так как составители обошли его молчанием, то даже и обычных шатких хронологических данных, вроде даты смерти и приблизительного указания долготы жизни, мы в данном случае не имеем. Как мы видели выше, Риẓā-Ḳулӣ-х̮ āн относит его к средине XI в. х. Это подтверждается и теми сведениями, которые можно добыть из самого дивана Ṭарзӣ. Так, из того сравнительно небольшого числа касыд, которые там имеются, значительная часть прославляет сефевидов — шаха Ṣафӣ (правил 1628—42) и его преемника шаха ʻАббāса II (1642—67). Если к этому прибавить еще дату, имеющуюся в одном из стихотворений, в котором он мечтает о возвращении в Тавриз, а именно в 1059 г. х. = 1650 г. н. э., то становится очевидным, что указание Риẓā-Ḳулӣ-х̮āна правильно и очевидно основывается на использовании самого дивана. Так как преемник ʻАббāса II Сулеймāн I в диване не упоминается, то можно с довольно большим вероятием предполагать, что к 1667 г.

Ṭарзӣ уже не было в живых. В одном из стихотворений (стр. 101) встречается такой бейт:

* کم شنیدن شودم باعث کم حرفیدن *
* شکر بسیار من از گوش کر خود دارم *

«То, что я мало (= плохо) слышу, побуждает меня мало говорить, я крайне благодарен своему глухому уху (за это)».

Отсюда можно заключить, что Ṭарзӣ дожил до такого возраста, когда слух его уже начал притупляться и, таким образом, весьма приблизительно датировать его жизнь между 1600—1667 г.

Прозвание Афшāр указывает на его принадлежность к турецкому племени этого названия, представители которого разбросаны по всей Персии, но, повидимому, преобладают в северных ее провинциях: Азербайджане, Хорасане и Мазандеране.[1]

Место его рождения точно неизвестно. Тамаддун предполагает, что он родился в деревушке Ṭарзлу округа Урмии, но предположение это основывается только на названии деревушки. С другой стороны, частое упоминание в диване Тавриза как будто подкрепляет предположение о том, что Ṭарзӣ ведет свое происхождение из этой части Персии.

Учился Ṭарзӣ в Исфагане, у кого и как, неизвестно. С уверенностью можно только сказать, что образование свое он должен был получить в одном из медресэ этого города, так как других учебных заведений в то время и не имелось. Сам он называет себя mard-i mullā (стр. 97), очевидно, в обычном для того времени значении получившего образование в медресэ, на то же указывают его солидные познания в арабском языке, которыми он хвастается и которые вполне подтверждаются его стихами. По окончании образования наступил, повидимому, обычный для ṭālib-i ʿilm — «ищущих знания» длительный период Wanderjahre, во время которого Ṭарзӣ изъездил весь мусульманский мир вдоль и поперек, от Средней Азии и до Индии, от Хиджаза и до Рума. Упоминает он и о странах франков, где он тоже бывал, но что он под этим разумеет, решить невозможно. Рассказывая о своих странствиях, Ṭарзӣ с гордостью отмечает, что он так хорошо владел тремя главными языками Переднего Востока, арабским, персидским и турецким, что нигде его не принимали за иностранца и всюду считали своим.

[1] Ср. Cl. Huart. Afshār. Enc. d. Isl., I, 181.

* ترکیدم و تاتیدم و آنگه عربیدم *
* در دیده ء صاحب نظران بو العجبیدم *

«Я отуречился и оперсидился, а затем обарабился, в глазах проницательных мужей стал я явлением изумительным» (стр. 91).

Самый порядок перечисления языков — турецкий вначале — как будто показывает, что турецкий Ṭарзӣ считает своим первым, т. е. родным языком. Интересен здесь термин tāt, который поэт прилагает к персам. Другая строчка (стр. 154) گر تات شهری است و گر ترك لشکری «будь то городской тат, или турок-военный» показывает, что это обозначение турецкой гвардией сефевидов прилагалось в особенности к городскому населению.

Когда Ṭарзӣ начал писать стихи и как вступил на поприще поэтической деятельности — из дивана не видно.

Во всяком случае по возвращении из путешествий он прибыл ко двору Сефевидов, где при помощи созданного им нового стиля поэзии начал пытаться завоевать себе прочное положение.

Надо думать, что это далось ему нелегко, ибо строчка

بدرگاه شهان یابند بار آهسته آهسته

«Ко двору царей доступ получают только медленно, медленно» (стр. 117), повидимому, говорит о довольно печальном опыте в этом направлении. Наконец, желание его осуществилось, и он добился доступа ко двору. Однако, времена были уже не прежние. Сефевиды не осыпали дарами своих поэтов, как это делалось во времена ʿУнçурӣ, Анварӣ и прочих великих поэтов прошлого, легенды о сказочном богатстве которых увлекали многих, заставляя их испробовать свои силы на этом заманчивом поприще. Результат, которого добился Ṭарзӣ, повидимому, выражен в следующем рубāʿӣ (стр. 140):

* این نه تومان وظیفه کز بهر معاش *
* لطفیده صفی شهم که خلداد خداش *
* تصحیف نایده زان سبب می ندهند *
* نعم البدلانیده دهیدندی کاش *

«Те девять туманов жалованья, которые мне пожаловал для пропитания Сафи-шах, да подаст ему бог вечную жизнь, не проведены еще по ведо-

мости, потому и не выдают их. Сделали бы добрую замену, довели бы их до десяти».

Видимо был назначен весьма скромный оклад в размере девяти туманов, но и тот застрял в шахских канцеляриях. Девять месяцев Ṭарзӣ околачивал пороги канцелярии, умоляя чиновных взяточников о выдаче назначенных ему денег, пока, наконец, добился осуществления своего права.[1]

Даже и более смелые мечты о десяти и даже одиннадцати туманах осуществились. Но дальше дело не пошло.

Ṭарзӣ взывает о двенадцати туманах, говорит, что на получаемые им деньги жить нельзя (стр. 141), но ни из одной строчки не видно, что эти мольбы его были услышаны. Правда, шах, повидимому, помог Ṭарзӣ жениться, но после этого положение его еще ухудшилось, так как по всему дивану разбросаны жалобы на нищету, на необходимость довольствоваться одним ячменным хлебом, а иногда обходиться даже и совсем без него:

* شعبان رمضان گر به پلاوم متعجّب *
* بی آش جمادیدم و بی نان رجبیدم *

«Если в Ша'бан и Рамазан я сижу за пловом, не дивись. Ведь Джумаду я провел без похлебки, а Раджаб и без хлеба» (стр. 92).

Ṭарзӣ, видимо, убеждается, что это положение вещей непоправимо и старается с ним примириться:

* از چکش صد مشت میفرقد نمی بالاسرد *
* برد باری یاد از مسمار میباید گرفت *

«У гвоздя надо учиться терпению и выносливости — сто ударов по голове он получает от молотка и не старается поднять голову» (стр. 22).

Более того, Ṭарзӣ даже начинает находить мрачное удовлетворение в таком положении и старается найти в нем положительную сторону — с бедняка, ведь, ни дани, ни подати не возьмешь.

* خوشا آن سر که سامانی ندارد *
* بعالم جز غم نانی ندارد *
* مگر از پشم خایه اش باج خواهند *
* کسی کو باغ و بستانی ندارد *

[1] Картина, в точности напоминающая знаменитое письмо Фузӯлӣ, в котором он описывает свою борьбу с бюрократами того времени.

«Счастлив тот, у кого ничего нет, кто во всем мире не заботится ни о чем, кроме куска хлеба. Что-ж, может быть, у него потребуют подати с... у того, у кого нет ни сада, ни огорода» (стр. 32).

Или такие строки:

* اهل عجب و ریا دماغیدند *
* من فقیریدم و حقیریدم *
* هرگز از کس نخواستم چیزی *
* گر قلیلیدم ار کثیریدم *

«Гордецы и лицемеры разжились, а я обнищал и впал в ничтожество. Но никогда я ни у кого ничего не просил, много ли было у меня, или мало» (стр. 96).

Но это смирение далось Ṭарзӣ не легко. Чрезвычайно показательно одно его стихотворение, в котором он отводит душу по адресу военной знати, состоявшей в те времена преимущественно из турок-кочевников, игравших при Сефевидах роль телохранителей, своего рода лейб-гвардии, пользовавшейся всеми благами жизни за счет ограбляемого населения.

Стихотворение это крайне характерно и заслуживает быть приведенным здесь целиком:

تا کی بمنّتیم ز ترکان و طولهم * یارب فراغتی که نگردیم حولهم
پشمین کلاه عزلت و دلق کهن لنا * تاج غرور و جامهء دیبای نو لهم
ما مفلسان بنان جوی میقناعتیم * یعنی پلاو و قلیه و کوکو چلو لهم
رفتن بسوی مدرسها لنگ لنگ لی * در عرصهها جهاندن اسب بدو لهم
کهنه قلمتراش عدیم البرش لنا * شمشیر جوهریدهء تازه قلو لهم
لیفه دوات و کاغذ و قطزن قلم لنا * افسار و تبره و جل و شال و قشو لهم
خاموشی و مطالعهء مختصر لنا * چون سگ همیشه عوعو و چون گربه مو لهم
مشك و گلاب و عنبر و عود و عبیرلی * چقماق و سنگ و آتش و غلیان و قو لهم
تسبیح و ذکر شانه و مسواك و مهرلی * قوش و طماغه و مرس و جنقرو لهم
گر گلرخان بکلبهء ما بیزران رسند * گیرم کنیم خرقهء پشمین گرو لهم
امّا خدا نکرده اگر غازیان گلند * میحاصلیم ما ز کجا کاه و جو لهم
صد سال اگر علوفه خورند ازجوال خویش * منّت بجان ما است بیا و برو لهم
رومی بنات نعش صفت می تغرقند * آرند چون سپاه قزلباش هو لهم
گویند احمقان که الو بهتر از پلو * روز جزا پلاو لنا و الو لهم

* سردیده اند اهل زمان طرزیا زما *

* باریده گوئیا همه قار و قرو لهم *

(стр. 97).

Перевод

1. Доколе же мы будем зависеть от турок и насилия их. О боже, дай нам покой, чтобы нам не надо было приближаться к ним.
2. Войлочный колпак уединения и рваное рубище нам, а венец гордыни и кафтан из нового шелка — это им.
3. Мы — бедняки довольствуемся ячменным хлебом, — жирный плов, жаркое и чилов с яичницей — это им.
4. Брести, прихрамывая, в медресэ — нам, гонять скакунов по площадям — это им.
5. Старый, тупой перочинный нож — нам, разукрашенный драгоценными камнями, только что отполированный меч — это им.
6. Ватка, чернильница и обрезанный калам — нам, узда, барабанчик, попона, шаль и скребница — это им.
7. Молчание, да изредка чтение — нам, лай собачий и мяуканье кошачье — это им.
8. Мускус и розовая вода и амбра и сандал — мне, кремень и камень и огонь и кальян и трут — это им.
9. Четки, зикр, гребень, да зубочистка и мухр — мне, колпачек, путы и колокольцы — это им.
10. Если розовощекие придут в хижину к нам, у которых нет золота, думаю, придется нам заложить им шерстяную хырку...
11. Но, не дай бог, если придут «борцы за веру», откуда же мы добудем для них солому и ячмень.
12. Если они сто лет будут есть провиант из своей торбы, нам — надлежит чувствовать себя обязанными, а им — бродить взад и вперед.
13. Румцы рассыпаются словно Большая Медведица, когда прикрикнет на них войско кызылбашей.
14. Дураки говорят: «огонь лучше плова»,[1] в день воздаяния (да будет) плов — нам, а пламя — им.
15. Охладели к нам, о, Ṭарзӣ, современники, словно на них шел снег и падал иней...

[1] Азербайджанская поговорка, которую говорят в холодное время, в том смысле, что сейчас погреться даже лучше, чем поесть.

Это стихотворение крайне интересно, так как оно ярко обрисовывает военных бездельников, которых Ṭарзӣ иронически называет «борцами за веру», гарцующих на конях и обирающих беззащитное население. Им противопоставлен горожанин — ученый мулла, загнанный и забитый, который должен все отдать, да еще чувствовать себя «обязанным».

Характерен восьмой бейт, где военным приписываются все принадлежности для курения, к которому Тарзи относится резко отрицательно и посвятил ему даже отдельное стихотворение, в котором каждый бейт кончается призывом متنبا كوئيل (стр. 174). Кальян он считает «сатанинским делом» и в то же время фиксирует его как неизбежную принадлежность «борцов за веру». Да и все то военное сословие ему, повидимому, кажется не особенно нужным, как это видно из такого бейта (стр. 7):

* هر يك از قوس قضا تير اجل خواهند خورد *
مردمان را گو كه اين توپ و تفنگيدن چرا

«Всякий будет пронзен стрелой смертного часа из лука предопределения, скажи же людям, зачем эта (пальба из) пушек и ружей».

Стихотворение, приведенное выше, весьма своеобразно и по своей форме. В нем тесно переплетены все три языка, причем турецкие слова все время сочетаются с образом турецкой знати и так даже в звуковом отношении очерчивают его резко и ярко.

Не нужно, однако, полагать, что таких стихотворений, как то, что было приведено мною выше, у Ṭарзӣ много. Таких выраженно личных и характерных строк три-четыре десятка, не больше. Остальной диван по содержанию ничем не отличается от всей лирической продукции придворной поэзии Персии, как этой, так и последующих эпох. Это все та же шаблонная эротика, воспевание щек, родинок, бровей и т. п., сотни тысяч раз уже повторявшаяся и до него.

Оригинальность его не в содержании, поскольку речь идет не о тех отдельных бейтах, о которых мы говорили выше. Его личная нота в том любопытном словотворчестве, которое составляет его исключительную принадлежность и характеристике которого мы посвятим следующую главу. Здесь же в заключение этой части попытаемся сделать некоторые выводы из всего сказанного. Разбор содержания дивана Ṭарзӣ ясно показывает, что в его лице мы имеем обычный тип придворного поэта феодального периода. Все его особенности вытекают только из того, что он не добился признания, на которое рассчитывал, и особенно резко ощутил противоречие между фео-

дальным замком и прилепившимся к нему городом, питающимся за счет вельможи, но в то же время жестоко страдающим от его произвола. Обычно буржуазия Персии возвышала свои протесты почти всегда облеченными в оболочку суфийских поучений и обещаний райских утех. Здесь резко выраженная индивидуальность прорвалась сквозь традиции стиля и высказала в стихах то, что по большей части говорилось, верно, только с глазу на глаз и тщательно утаивалось от господ.

Этого факта самого по себе уже достаточно, чтобы выделить Ṭарзӣ в ряду его сверстников. Но к этому еще присоединяется его языковая техника, к рассмотрению которой мы теперь и перейдем.

III. Словотворчество в поэзии Ṭарзӣ

Для большей удобопонятности я буду рассматривать словообразования в диване Ṭарзӣ в порядке постепенного усложнения, начиная от более простых форм и постепенно переходя к более сложным. Возможно, что таков был и ход постепенной эволюции языка у Ṭарзӣ, хотя ручаться за это, конечно, нельзя. Хронологической опоры стихи его не дают, и сказать, что написано раньше и что позже, совершенно невозможно. Таким образом, приводимое мною расчленение есть только технический прием, применяемый в интересах читателя.

Начнем с категории имен. В этой области нововведения Ṭарзӣ сравнительно не особенно обильны и не слишком оригинальны. Заключаются они, главным образом, в том, что Ṭарзӣ пользуется словарным запасом всех трех главных языков Переднего Востока: арабского, персидского и турецкого, почти на равных основаниях. Само по себе это явление ничего особенного собой не представляет. Мы знаем, насколько велик процент арабских слов в персидском литературном языке и знаем, что для умножения этих заимствований и в настоящее время, фактически, ни малейших препятствий нет. Достаточно хорошо известно и то, что персидский язык, заимствуя арабское имя, зачастую с тем вместе берет и связанные с ним предлоги, местоимения, суффиксы и т. п.

Обилие турецких слов в живом языке тоже факт достаточно хорошо засвидетельствованный. Однако, при таких заимствованиях, естественно, смешение языковых норм разных языков допустимо только в известных пределах. Если применение окончаний множественного числа своего родного языка к заимствованному слову можно считать явлением нормальным и широко распространенным во всех языках мира и в том числе и в персидском (malikān наряду с mulūk, qāẓiyān наряду с quẓāt и т. д.), то обратное

явление, т. е. присоединение заимствованных окончаний к родному слову безусловно можно считать нарушением обычных норм языка.[1]

Поэтому, если мы могли бы признать более или менее естественным такой факт, как присоединение в диване Ṭарзī турецкого суффикса вин. пад. nı к персидскому слову в форме zabānı- nı (стр. 4),[2] то присоединение арабских суффиксов к персидским и даже турецким словам безусловно поражает слух своей необычностью. Примеров таких сочетаний в диване немного, из них главные — это использование арабского окончания двойств. числа -ayn в сочетании с персидскими и турецкими словами, как, напр. qanā'at mī ba-qurṣayn-ì ǰavīnayn-ā (стр. 6) — «довольствуйся двумя ячменными хлебами», или ān pukh saqalayn-ā (стр. 9) — «эти два грязнобородых» (от азерб. pukh).

Количество турецких слов вообще в диване Ṭарзī значительно превосходит обычную норму, их чрезвычайно много и они взяты из всех возможных областей. Для примера достаточно будет привести хотя бы такой ряд: اگوز — бык, پرمغ — палец, داغ — гора, قناغ — гость, طماغه — клобучек у сокола, قلو — полировка, قرو — изморозь, قار — снег, دوت — держи, بغله — вяжи, گتور — принеси, قویمازیدیم — я не пускал, در — глагол связка, منمک — садиться верхом и т. п.

Этот ряд с легкостью можно было бы умножить, но и этого достаточно, чтобы показать, какое мы здесь имеем разнообразие, не только имена, но и ряд глагольных форм и даже глагол-связку. При этом считаю нужным подчеркнуть, что в диване Ṭарзī есть и целые стихотворения, написанные по-турецки, но они мною сюда не привлекались, ибо, конечно, dur в турецкой фразе ничего необычного не представляет, но, появляясь в одиночестве в целой персидской фразе, крайне поражает глаз.

Далее, Ṭарзī считает возможным сочетать турецкие слова с персидскими в сложные образования, отчего возникает форма вроде īsh-ì bī-īsh от тур. ìsh — дело и перс. предл. bī — без в бейте:

* عاشقی کار کاردانان است *
* خواندن درس ایش بی ایش است *

«Влюбленность — дело опытных, чтение лекций — дело бездельника» (стр. 19).

[1] Впрочем и это явление живому персидскому яз. знакомо, ср. bāghāt, dihāt, rūznāmaǰāt и т. п.

[2] Правда, естественным он был бы, если бы вся фраза была турецкой, но в таком сочетании آن به که زبانتی کسندا «было бы лучше, чтобы язык его отрезали», он все-таки поражает. Здесь kasand-ā от тур. √ kes = резать. Об этом далее.

Нельзя не отметить еще того факта, что начертание турецких слов явно указывает на азербайджанскую фонетику: qunāgh (|| qunax), parmāgh (|| parmax) и т. п. Это вполне понятно, если учесть, что главным центром деятельности Ṭарзӣ был Тавриз.

Как довольно своеобразный прием укажу еще широкое использование уменьшит. суффикса -ak, на применении которого в самых неожиданных комбинациях построена целая газель (стр. 133), начинающаяся бейтом:

* افتاده دل بدامك وحشى نگاهكى *
* بيرحمكى ستمگركى دل سياهكى *

который приблизительно можно было бы передать так: «попало сердце в (твои) силочки, о дикоглазочка, безжалостненький, тиранчик, черносердечечка».

Следом за этим вступлением идет на семи бейтах сплошной букет таких же образований, среди которых особенно интересно manak — уменьшит. от man-я, т. е. что-то вроде «я-ечка», форма, которую почти невозможно воспроизвести ни на одном языке.

Из других не вполне обычных для персидского литературного языка форм упомяну только такое архаичное применение суффикса -ash, которое, не будучи чем-либо особенно необычным для живого разговорного языка, на фоне литературного языка все же выделяется (стр. 10):

* از پادشاه مى عجبم كشى نمى صلد *
* اين اختراع تازه و طرز عجيب را *

«Я дивлюсь падишаху, что он не награждает это новое изобретение и удивительный стиль». Здесь k'ash взято так, как если бы na-mī-ṣilad было бы страдат. залогом, т. е. «что им не награждается».

Приведенные примеры показывают, что, как уже было сказано, манипуляции Ṭарзӣ с именами не особенно сложны. Пользуясь сравнением из другой области, можно было бы сказать, что он, сохраняя обычный состав оркестра, заставляет, однако, все инструменты играть не в том регистре, который для них естественен. Этот прием известен у ряда композиторов и достигается им обычно особо напряженное и вычурное звучание (Скрябин). Та же вычурность поражает и в этих газелях, что впрочем и являлось той целью, к которой поэт стремился.

Наиболее интересны те манипуляции, которые Ṭарзӣ проделывает с глаголом. Прежде чем приступить к систематическому разбору их,

напомню, что персидский язык для образования так называемых «деноминативных» глаголов располагает окончанием -īdan, при помощи которого от целого ряда имен могут быть образованы глаголы (свойство, разделяемое им с целым рядом других языков). Так, получаем глаголы типа:

nām-īdan — именовать от nām — имя,
khāb-īdan — спать от khāb — сон,
cupān-īdan — пасти стадо от cūpān — пастух.

Окончание это может присоединяться и к заимствованным именам, что однако, наблюдается крайне редко, напр.

fahm-īdan — понимать от ар. fahm — понимание,
ṭalab-īdan — требовать от ар. ṭalab — требование,
tiligrāf-īdan — телеграфировать и т. п.

Нужно, однако, оговорить, что используется это могучее средство литературным персидским языком сравнительно очень мало, и в большинстве случаев наблюдается отказ от него в пользу образования сложных глаголов с именем + вспомог. глаголы различного типа: nām guzāshtan, khāb kardan, ṭalab kardan и т. д.

Ṭарзӣ широко использует эту возможность, но при этом не ограничивается такими словами, в соединении с которыми это окончание дало бы глаголы более или менее обычного типа, а присоединяет его к любому слову, получая, таким образом, глаголы, значение которых далеко не всегда сразу ясно и передача которых на каком-либо другом языке подчас весьма затруднительна. При этом в качестве основы берется любое слово любого из трех названных языков, и тем пестрота еще более увеличивается. Окончание это может присоединяться как к единичному имени, так и к более сложному составному образованию. Примеры можно привести такие:

А. Глаголы, образованные от простых основ

а) *Персидских*:

hast-īdan делать существующим, творить от hast — есть (hastīd — сотворил, 2);[1]

mīv-īdan пользоваться плодами, брать плоды, от mīva — плод с отпадением конечного -а (bi-mīvad, сосл. накл., 5);

[1] В скобках привожу те формы, в которых глаголы эти применены. Цифра — указание страницы.

mast-īdan опьяняться, от mast — пьяный, полная аналогия русскому (mī-mastam, 6);

bāda-īdan пить вино, винопийствовать, от bāda — вино (bādaīdan, 7);

bang-īdan опьяняться бангом от bang — банг (bangīdan, 7);

tufang-īdan стрелять из ружья, грозить ружьем от tufang — ружье (tufangīdan, 7);

raft-īdan уходить, образовано от гл. raftan через прибавление окончания -īdan к основе прош. врем. raft (raftīda, 67);

ci-īdan чем становиться, во что превращаться от ci — что (ciad, 136; bi-ciam, 120);

gum-īdan пропадать, исчезать от gum — пропавший, исчезнувший (bi-gum — исчезни, 152).

b) *Арабских*:

qāṣir-īdan укорачиваться от qāṣir — короткий (qāṣirad, 3);

bayʻ-īdan продавать от bayʻ — продажа (mī-bayʻad, 5);

mumkin-īdan быть возможным от mumkin — возможный (mumkinad, 6); созданная Ṭарзӣ форма вполне равноценна обычному mumkin-ast и отличается только метрически;

rukhṣat-idan быть дозволенным от rukhṣat — дозволение (na-mī-rukhṣatad, 6);

sahām-īdan делать мишенью от sahām — мишень (sahāmīda, 7);

qand-īdan услаждать, подслащать, «усахаривать» от qand — сахар (na-qandīda, 7);

ʻarẓ-īdan докладывать от (ʻarẓ — доклад) ʻarẓ, 9 — пов. накл. доложи, вм. ʻarẓ kun; в повелит. наклон. 2-го л. ед. ч. такие глаголы естественно совпадают с самой арабской основой и потому иногда понимание бывает крайне затруднительно;

khauf-īdan бояться от khauf — страх (na-khaufam, 9);

ṣil-īdan одарять от ṣila — подарок с отпадением конечного -a (как выше при mīva) (na-mī-ṣilad, 10);

iẓṭirāb-īdan смущаться, волноваться от iẓṭirāb — волнение (ma-iẓṭirāb, 14);

taʻajjub-īdan удивляться от taʻajjub — удивление (ma-taʻajjub, 14).

Количество примеров этого типа может быть с легкостью умножено до нескольких тысяч, так как в каждом бейте таких глаголов имеется по несколько.

В первый момент они удивляют читателя, к середине дивана начинают утомлять своей навязчивой монотонностью, но под конец уже воспринимаются как нечто совершенно нормальное и понятное.[1]

c) *Турецких*:

Эти образования наиболее резко выделяются своей необычностью. Их довольно много, но все же значительно меньше, чем образований от арабских основ. Характерная их особенность в том, что бо́льшая часть их образуется от турецких глагольных основ, которые используются совершенно так, как если бы они были основами персидскими. Однако есть и образования отыменные, как в первых двух группах.

1) *От глагольных основ*:

kas-īdan резать от √kes — резать (kasand — чтобы они отрезали, 4);

qil-īdan делать от √qil — делать (qilīd — сделал, 33);

min-īdan садиться верхом от √min — садиться верхом (mī-minad — садиться верхом, 49);

īc-īdan пить от √ic — пить (na-mi-īcad — не пьет, 74);

āc-īdan открывать от √ac — открывать (ācīdam я открыл, 104);

qāc-īdan бежать от √qac — бежать (qācīdam — я обратился в бегство, 105).[2]

2) *От именных основ*:

qarāc-īdan стать цыганом от qaraci — цыган (qārācīdam — я оцыганился, 104);

ūzūn-īdan удлинять от uzun — длинный (ūzūnīda am — я удлинил, 7).

B. Глаголы, образованные от сложных слов

Эта категория чрезвычайно разнообразна, так как здесь основы берутся самого различного типа — имена в соединении с суффиксами, предлогами, пары имен, соединенные союзами, предлогами и т. п. Лучше всего

[1] Отмечу между прочим еще, что глаголы этого типа имеют широчайшее применение в пушту, где они как раз заменяют персидские сложные с kardan и shudan глаголы, напр. ghalatedal — ошибаться, qatledal — быть убитым, mashghūledal — быть занятым и т. п.

[2] Аналогичное явление — смешение глагольных основ — наблюдается в ходжендском диалекте таджикского языка, где точно так же пользуются узбекскими основами при сохранении структуры таджикской, в результате чего получаются формы вроде me-qorqam — я боюсь и т. п. Весьма вероятно, что и у Ṭарзӣ это явление указывает на характерное для Азербайджана смешение двух языковых стихий и что это формы, имевшие известную базу в живой речи его среды.

это будет видно на примерах. Здесь опять-таки удобства ради можно разделить все богатство дивана на те же три категории, которые мы имели выше.

a) *Персидские основы:*

parī-vār-īdan поступать как пери, от parī + vār — подобный пери (parīvārad, 3);

namak-ba-ḥ(a)rāmīdan нарушать хлеб-соль', быть неблагодарным от namak-ba-ḥarām — неблагодарный (namak ba-ḥrāmīda, 8);

dast-pāc-īdan теряться, волноваться от dast + pāca, растерянный соотв. обычным dastpāca shudan (ma dastpāca, 14);

cār-cashm-īdan высматривать, глядеть «во все четыре», по аналогии с cār cashm shudan (na-mī-cār-cashmad, 16);

bāla-sar-īdan поднимать вверх голову из sar bālā kardan (na-mī-bālā-sarad, 23);

bād-u-burūt-īdan пыжиться, важничать из bād u burūt kardan в том же значении (mī-bād-u-burūtad, 52);

ham-az-ū-t-īdan и тебе тоже от него доставаться. Необычайно сложное образование из ham az-ū + t (мест. суфф. 2-го л.) mī-ham-az-ūtad, 52;

rūz-i-khūn-īdan проводить дни в тоске от rūz-i khūn, причем изафет тоже втянут в глагол (mī-rūz-i-khūnad, 54);

naṣīḥat-pazīr-īdan быть доступным добрым советам от naṣīḥat-pazīr — принимающий добрые советы (mī-naṣīḥat-pazīrī, 54).

b) *Арабские основы:*

Здесь таких образований естественно меньше. Мною отмечены:

lau-lā-k-īdan обращаться со словами lau lā-k (если бы не ты | lau-lākīda, 3);

anīs-u-mu'nis-īdan быть другом и возлюбленным из anīs u mu'nis shudan (anīs u mu'nisad, 3);

anzak-īdan быть более тонким; крайне сложное образование от anzak — арабской сравн. степ. от персидского nāzuk — тонкий (anẓakad, 16).

c) *Турецкие основы:*

Все основы сплошь глагольные, отличие их от группы Ac только в том, что здесь мы имеем не голые корни, а осложненные разными суффиксами.

sāyil-īdan считаться от $\sqrt{\text{sayıl}}$ — стр. зал. от $\sqrt{\text{say}}$ — считать (sāyilīda am, 8);

ācil-īdan открываться от √acıl — стр. зал. от √ac — открывать (ācilīd, 59, mī-ācilad,60, ācilīdan, 105);

gal-īdīdan приходить; странное образование от √gel приходить с двоекратным наращением окончания.

Переходим теперь ко второй особенности сложных глаголов у Ṭарзӣ, которая заключается в своеобразной расстановке образующих эти глаголы частей.

Исходя из того положения, что в персидском сложные глаголы, полученные путем сложения имен со вспомогательными глаголами, различными префиксами вроде mī-, na-, bi-, ma- разрываются пополам, Ṭарзӣ считает возможным применять это же и к созданным им самим глаголам, вследствие чего внешний вид их еще более усложняется. Приведу ряд примеров, причем опять-таки начну с более простых и буду постепенно восходить к более сложным. В основе всех этих форм лежит постановка префикса не перед основой, а после ее, простейший пример чего мы находим в такой форме qanāʿat mī !(6) — довольствуйся; пов. накл. от гл. qanāʿatīdan, образованного по указанной выше системе.

Когда от этих глаголов берется настоящее время, то они в силу такой перестановки могут принимать следующий вид:

naqṣ-mī-ad (22) является недостаточным вм. mī-naqṣad от гл. naqṣīdan;
luṭf-mī-ad (27) относится любезно вм. mī-luṭfad от гл. luṭfīdan;
rājiʿ-na-mī-ad не возвращается вм. na-mī-rājiʿad от гл. rājiʿīdan;
rīz-mī-ad (105) измельчивает вм. mī-rīzad от rīzīdan = rīza kardan.

То же в ином порядке:

na-mī-ad-inqiṭāʿ (81) не отрезает вм. na-mī-inqiṭāʿad от гл. inqiṭāʿīdan;
mī-am-umīd (115) я надеюсь вм. mī-umīdam от гл. umīdīdan.

Этот принцип оказывает обратное действие и на самые простые глаголы, в результате чего получаем формы типа kush-mī-am убиваю, вм. mī-kusham.

То же может происходить и с личными окончаниями в самых простых формах, напр. am-kīst — кто я? вм. kīst-am? и даже с частицами ci agar вм. agar ci.

Когда от этих глаголов применяется прошедшее совершенное (perfectum), то и тут окончание может отрываться от основы и становиться впереди ее, как, напр.:

īda-yī-ṣayd (52) ты, изловил, вм. ṣaydīda-y-ī от гл. ṣaydīdan (صيد)
или весьма сложное:

ایده است خشت بالشی و خاك بستری

вм. khisht-bālishīda va khāk-bistarīda-ast (153) сделал себе подушкой кирпич и ложем прах.

na-īda-farq не отличив вм. na-farqīda от гл. farqīdan.

Еще усложняются эти формы путем включения в них местоименных суффиксов, которые опять-таки могут становиться на любое место, так что получаются формы:

qatl-mī-ad-at (22) убивает тебя, вм. mī-qatlad-at от гл. qatlīdan;

mī-am-kīnad (38) ненавидит меня из mī-kīnad-am от гл. kīnīdan;

mī-ash-bar-zamīnad уложит его на землю из mī-bar-zamīnad-ash от гл. bar-zamīnīdan;

na-sh-riʿāyatāndī (206) ты не соблюл его вм. na-riʿāyatāndī-ash от гл. riʿāyatāndan.

Так же могут включаться и суффиксы сравнительной степени:

buland-mī-tar-ad (125) он более возвышается вм. mī-buland-tarad от гл. bulandtarīdan.

Интересны формы:

ba-zar-mī-ad-musakhkhar (152) покоряет золотом и mī-ad ṭabʿ-i navvāb-rā ṭarz-i dīgar (159) — перестраивает настроение наввабa на другой лад, где благодаря применению основного принципа личное окончание + mī выделяется в какой то своеобразный вспомогательный глагол вроде облегченного mī-kunad.

Чрезвычайно сложна структура стиха

* من خود قتیل خنجر مژگانتیده ام

«я сам стал жертвой кинжала твоих ресниц» (26), где мы можем понимать глагольную форму как образование от гл. qatīl-i-khanǰar-i muzhgān-at-īdan или по-просту воспринимать это īda-am как эквивалент обычного shuda am.

Не менее сложен и стих

* میصدا در ساعد سیمینت چون تار نبض *

«как тар пульс звучит в твоей серебряной руке» (76), где глагольная форма mī-ṣadā-ad разорвана включением целых трех слов.

Или:

* مه چون مناد گرفتار *

«пусть не пленит тебя, как меня» (63), где мы имеем желат. накл. от глаг. giriftārīdan-giriftārād, разорванное включением слов cūn man.

В заключение укажу еще, что эта жажда перестановок так охватывает Ṭарзӣ, что даже и в самых неожиданных сочетаниях мы опять их встречаем, как, напр. ma-jānā-ranj (34) не обижайся, душа (моя) вм. jānā ma-ranj.

Я думаю, что этих примеров, которые, как сказано, можно умножить до громадного количества, достаточно. Метод Ṭарзӣ стал вполне ясным, и можно перейти к выводам.

IV. Причины, вызвавшие словотворчество Ṭарзӣ

Если мы пробежим всю классическую персидскую поэзию феодального периода, мы увидим, что в отношении языка она является крайне устойчивой. Разница между языком поэтов XII—XIII и XV—XVI вв. чрезвычайно невелика, что, впрочем, и понятно, так как в основном условия, в которых работали поэты, менялись сравнительно очень мало. Основная линия развития персидской придворной поэзии чрезвычайно интересна. Как тематика, так и формы ее уже в X в. очерчиваются совершенно определенно и с тех пор остаются почти неизменяемыми. Измениться они и не могли, ибо откуда же могли бы поэты находить новые темы, когда строй жизни на всем этом протяжении оставался неизменным. Менялись династии, на место турок приходили монголы, их опять сменяли турки, но, несмотря на все эти изменения, Персия оставалась типично феодальным государством, в котором менялись только размеры наделов, их сочетания в те или иные группировки и национальность правящей верхушки, всегда, однако, стремившейся подражать своему идеальному образцу — персидской аристократии.

Но если не могла меняться тематика, то не могли изменяться и формы, ибо формы эти опять-таки порождение феодального строя и до мельчайших деталей связаны с характерными для него производственными отношениями.[1]

Но какое-то изменение в поэзии все же должно было происходить. Она не могла оставаться застывшей и неизменной на протяжении долгих веков. Она и менялась действительно, ведь мы же безошибочно по нескольким строкам можем определить, относится ли то или иное произведение к XII или XVI вв. Что же в таком случае менялось? Менялась преимущественно техника, построение образов, которые, не изменяя своего содержания, постепенно все более и более усложняются, опутываются все более

[1] Анализу форм персидской классической поэзии и их связи с производственными отношениями феодализма посвящена подготовленная мною к печати работа «Персидская поэзия X века».

запутанной тканью слов и постепенно превращаются в своего рода криптограммы, доступные только для немногих знатоков и ценителей, прошедших длинную школу.

Затяжной характер феодализма на Переднем Востоке ведет, таким образом, к полному окостенению содержания и превращению поэзии в сплошную игру формой, любование техническим мастерством поэта, повторяющего все те же давно надоевшие мысли в новых и новых оболочках поэтических фигур.

К XVII в. изощрение техники успело достичь своего крайнего предела. Достаточно только припомнить, что в Тимуридский период пышным цветом распустилась «muʻammā» — поэтическая шарада, т. е. превращение поэзии в загадку было даже санкционировано особой формой. Таким образом для Ṭарзӣ, если он желал внести что то новое и свое в сокровищницу придворной поэзии, вопрос мог стоять только так: или еще более усложнить технику, или попытаться в формальной игре языком создать что-то, до тех пор неслыханное. Это утверждение не является моей догадкой, сам поэт в ряде мест своего дивана подкрепляет его. Ṭарзӣ прежде всего гордится новизной своего стиля и неоднократно это подчеркивает.

* از پادشاه می عجبم کش نمی صلد *
* این اختراع تازه و طرز عجیب را *

«Я дивлюсь падишаху, что он не награждает это новое изобретение и изумительный стиль» (стр. 10).

Этот стиль по заслугам может быть оценен только знатоком:

* بصرّاف معانی طرز خودرا عرض ای طرزی *
* مپرس از بیوقوفان قیمت لوء لوء لالارا *

«Банкиру (торгующему) глубоким смыслом предлагай свой стиль, о Ṭарзӣ, не спрашивай несведущих о цене несравненных жемчужин» (стр. 9)

* طرز طرزی که مطرّز بطراز طربست *
* بشنو ای دلبر فرزانه که اینهم طرزیست *

«Обшитый каймой веселья стиль Ṭарзӣ выслушай, о счастливая красавица, ведь это же (изумительный) стиль» (стр. 24).

Ṭарзӣ признает, что стиль этот покоится на достижениях его предшественников, которых он и упоминает с уважением:

* بیاد سعدی و اهلی و حافظ *
* غزل خوانم غزلخوانم غزلخوان *

«В память Са'дӣ, Ахлӣ и Ḫāфиẓа, пою я газели, пою я газели, пою я газели» (стр. 114).

Это подчеркивается и тем, что Ṭарзӣ не раз вплетает в свои стихи, применяя прием taḍmīn, строчки Ḫāфиẓа, как мы это видим на стр. 111 и 124.

Но зачем все-таки он изобрел этот стиль, почему не довольствовался теми достижениями, перед которыми он сам преклонялся? И на это мы находим у него ответ:

* لفظ مکرّر شده‌ء کهنه نمی لذّتد *

«Повторявшееся (= затрепанное), устаревшее слово не доставляет удовольствия» (стр. 62).

* طرز من انصاف ده ای مدّعی *
* نیست ز اشعار مکرّر الذّ؟ *

«Признай, о противник, разве мой стиль не приятнее затрепанных стихов» (стр. 61).

И еще:

* یك لحظه بگوش ای گل تر تا که بطرزد *
* طرزی سخن تازه و تر غیر مکرّر *

«Один миг послушай,[1] о влажная роза, тебе сочинит[2] Ṭарзӣ свежие и сочные не затрепанные слова» (стр. 65).

Другими словами, именно эта затрепанность, изношенность старого поэтического языка заставила Ṭарзӣ искать новых путей и создать такой необычайно сложный и своеобразный стиль.

Остается еще один вопрос. Почему именно Ṭарзӣ, а не какой-нибудь другой, может быть более крупный поэт, рискнул предпринять такую дерзкую попытку? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, содержится в тех биографических данных, которые были приведены выше. Ṭарзӣ не удалось втянуться в орбиту феодального замка так, как может быть ему самому этого хотелось бы. Он все-таки остался outsider, не допущенным

[1] Букв. «по-ух-ай!».
[2] Букв. «на-ṭарзит».

в сферы, презираемым военной аристократией горожанином. Это ясно ощущается из его враждебных выпадов по адресу аристократии. Да, наконец, и самая то его реформа, в конце концов, ведь свидетельствует о том, что он чутко прислушивался к языку базара, к живому языку своей среды, не закованному в латы феодальных традиций. Об этом говорит и обилие турецких слов, несомненно, имевших в то время широкое распространение в обиходе, и обилие упоминания о «прозаических» предметах обихода, не допускавшихся в стихах классическими традициями.

Но та же самая причина, которая дала ему возможность сделать свою попытку, одновременно с этим сделала эту попытку неприемлемой для тех кругов, для которых он ее предназначал. Аристократия почувствовала скрытую враждебность «нового стиля» Ṭарзӣ и отвергла его. Правда, мы не имеем отзывов современников о его поэзии, но самый факт полного молчания тезкире и, наконец, необычайная редкость рукописей показывает, что распространением его стихи не пользовались, т. е., другими словами, не нравились или были непонятны.

Так бесславно мелькнул на небе персидской поэзии этот блестящий метеор и угас, не оставив после себя следа. А блестящим, мы назвать его имеем полное право, ибо, помимо его реформы, художественная ценность которой все же весьма сомнительна, в целом ряде стихотворений более простых и искренних он предстает перед нами как поэт, одаренный настоящим поэтическим талантом. Некоторые небольшие его стихотворения проникнуты мягкой певучестью и в своей простоте и задушевности могут быть причислены к прекрасным образчикам персидской поэзии.

К числу таких газелей нельзя не отнести следующую газель (стр. 59):

میطرزم و میلرزم دیوانه چنین باید * میسوزم و میسازم پروانه چنین باید
نه خان و نه سلطانم نه بنده ء ایشانم * ام کیست نمیدانم فرزانه چنین باید
جز کنج غمت جانا نیدر دل و یرانا * در ملك سلیمانا ویرانه چنین باید
بگشا لب خندان را بنما دّر دندان را * گو خازن عمّان را در دانه چنین باید
* بروی ذقن طرزی آن خال خوش افتاده *
* بر سیب صفاهانی بهدانه چنین باید *

«Я слагаю стихи и дрожу — таким должен быть дивона.
«Я горю и мирюсь — таким должен быть мотылек.

«Я—не хан, не султан и не раб я их, кто я—не знаю, таким должен быть мудрый.

«Кроме сокровища тоски по тебе, нет ничего в руине сердца, душа моя, в царстве Сулеймана, таковы должны быть руины.

«Открой смеющиеся уста, покажи жемчуга зубов, скажи казнохранителю южных морей—вот каковы должны быть жемчужины.

«На подбородок, о Ṭарзӣ, прекрасно упала та родинка, таким должно быть зерно айвы на исфаханском яблоке».

По содержанию она, конечно, ничего особенного не представляет, но искусно использованный мѐтр هزج مثمن اخرب – – ⏑ ⏑ | – – – | – – ⏑ ⏑ | – – – в сочетании с внутренней рифмой показывает, что Ṭарзӣ внимательно читал стихи Джала̄ладдӣна Рӯмӣ и вполне усвоил их песенную форму. Газелей этого типа в диване имеется около десятка.

Интересны опыты Ṭарзӣ в области метрики. Он не довольствуется обычными широко распространенными метрами и иногда прибегает к сравнительно редким схемам. Так, на стр. 81 находим довольно интересно построенный **камиль** с таким началом:

* منم آنکه از برای تو طرزك تازه کردم اختراع *
* توئی آنکه می تغافلی و غزلی نمیکنی استماع *

«Я тот, который ради тебя изобрел новый стильчик, ты—тот, который не обращает внимания и не слушает даже и одной газели».

Забавным метрическим фокусом является baḥr-i ṭavīl (стр. ک).

Ṭавӣль этот, применяемый персидскими поэтами в шуточных стихах, не имеет ничего общего с арабским метром того же названия. Слово ṭavīl здесь взято в своем основном значении, т. е. «длинный», и основной чертой этого типа стихотворения является совершенно непомерная длина его полустиший, которые могут быть построены по любому метру. Ṭарзӣ использует для этой цели обычную схему **рамаля** и строит такие чудовищные бейты (привожу две первых строки):

شکر لله که بکحلید مرا دیده، ز خاك در قومی، که ز اولاد رسولند، بر افلاك قبولند، گروهی، همه پاکیزه و خوشصورت و نیکو سیر و پاك سرشت و ملکی خوی، یافتم از اثر صحبتشان، فیض فراوان و برون از حد واندازه و درسیدم و درکیدم و علمیدم و فهمیدم، اگر بگذرد ایّام من این نوع بماتم علمارا.

گرچه عمرم بجهان بیهده گر دیده، فرنگیدم و ترکیدم و تاتیدم و گرجیدم و روسیدم و لزگیدم و بیافایده گشتم، پس ازین دست من و دامن آن طایفه کز همّت ایشان بخروجم ز صفاهان و بشیرازم و آنگاه حجازیده و حجیده زیارت بکنم مرقد پاك شهدا را.

«Слава Аллаху, что насурмил он мне очи прахом порога людей, которые принадлежат к потомкам пророка (находятся) на небосводах приятия, людей, которые все чисты и прекрасны собой и добры нравами и чисты по происхождению и ангелы по характеру. В результате общения с ними я обрел великое благо свыше предела и меры и учился и постигал и изучал и понимал. Если так пройдут мои дни я дам мат[1] (всем) улемам.

Хотя жизнь моя и бесполезно прошла в мире, я франкствовал и туречился, и отатился, и огрузинился, и обрусел, и олезгинился, и бесполезно блуждал, но теперь рука моя всегда будет у полы тех людей, заботами которых я ухожу из Исфахани и направляюсь в Шираз, а потом в Хиджаз и хаддж и поклонюсь чистой гробнице мучеников».

Здесь бейт растянут на 31 стопу в то время как нормальной длиной рамаля обычно является восемь стоп, т. е. раздут в четыре раза. Конечно, при таких условиях художественный эффект стиха почти пропадает, так как, пока доберешься до его конца, почти забываешь первую рифму и, таким образом, связь между бейтами, которая и так в персидской поэзии весьма слаба, окончательно разрывается. Однако, как шутка, этот метр, конечно, чрезвычайно эффектен и требует значительного искусства версификатора.

Интересно здесь и перечисление национальностей, с которыми общался Ṭарзӣ, хотя определить, в какой мере эти утверждения соответствуют действительности, возможности пока не представляется.

В заключение отмечу, что издана книга тщательно и аккуратно, опечаток значительно меньше, чем это наблюдается обычно в персидских изданиях, разночтения двух рукописей, видимо, вписаны добросовестно.

Следует поблагодарить издателя М. Тамаддуна за то, что он защитил от исчезновения этот своеобразный памятник персидской литературы и сделал его доступным для более широких кругов исследователей.

Ленинград, 29 мая 1933 г.

---

1 bi-mātam от глагола mātīdan = māt namūdan.

Я. С. ВИЛЕНЧИК

Проблема орфографии на современном арабском Востоке

Споры об алфавите не новы для арабского Востока. Возникновение их относится к концу прошлого столетия и совпадает с укреплением британского влияния в Египте. Но широкое обсуждение этих вопросов началось только лет десять тому назад, когда арабские страны, в результате ряда мирных договоров, были включены в экономическую систему мирового хозяйства и быстро стали высвобождаться из рамок старых феодальных производственных отношений. С тех пор дискуссия об орфографии не утихает. Из газет она перекинулась в ежемесячники, и редкий номер получаемого журнала не содержит какой-нибудь статьи или заметки о латинизации или изменении существующей орфографии. Многие склонны видеть в этом влияние турецкой реформы. Пример турок, бесспорно, не прошел бесследно и явился могучим стимулом к активизации подобного умонастроения; но считать все движение результатом простого подражания было бы методологически неправильным. Причины, вызвавшие его, лежат значительно глубже и являются одинаковыми и для турок и для арабов.

Прогресс современного человеческого общества возможен лишь на основе той материальной культуры, которая возникла на базисе высокоразвитой машинной техники. Усвоение последней происходит как непосредственно, в виде машин и станков, так и путем ознакомления с мыслями, вызванными в жизнь применением машин и, в свою очередь, вызывающими дальнейшее усовершенствование техники и общий рост культуры. Известно, что письменная форма языка — устная речь в снятом виде — в нашем обществе играет бо́льшую роль, чем ее исходная точка. В соответствии с этим распространение прогрессивно-технической мысли происходит преимущественно в печатном виде, притом чаще всего посредством латинского алфавита. Отсюда важность латинизации письменности для народов, от-

сталых в технико-экономическом отношении. Она является для них мостом к усвоению передовой техники и тем самым становится стимулом к общему их прогрессу. В свете этих фактов вопрос о бо́льшей целесообразности латинского шрифта теряет свое принципиальное значение. Именно потому, что он развивался вместе с ростом современной техники, приспособляясь к производственным ее возможностям и используя их для культурных потребностей передового общества, он и стал целесообразным.

Письменное и печатное оформление литературного арабского языка происходит посредством туземного алфавита, идущего справа налево и состоящего в основном из 28 букв согласных. Из этих знаков 22 имеют по четыре варианта, а остальные 6 по два, в зависимости от того, стоит ли буква изолированно, связана ли она налево (со следующей литерой), направо (с предыдущей буквой), или в обе стороны. Вследствие этого в арабской наборной кассе имеется около 100 литер одних простых согласных. Кроме последних есть ряд лигатур, из которых не менее 12 встречаются в обычном газетном тексте. Тем самым набор одних согласных доходит до 148 литер. Для обозначения гласных имеется 11 специальных надстрочных и подстрочных знаков. Чтобы печатать вокализованный текст, литеры для согласных обычно отливаются вместе с огласовкой.[1] Так как это влечет за собой колоссальное увеличение арабской шрифткассы (148×11 плюс знаки препинания), то применение огласованного текста на практике ограничено коранами, научными изданиями, где необходимо фиксировать критически установленный текст, и начальными учебниками. Но вследствие того, что долгие гласные по правилам арабской орфографии всегда обозначаются определенными согласными[2] и, следовательно, специальные знаки для гласных в данном случае вообще излишни, мы в арабских газетах фактически встречаем не неогласованный текст, а лишь полуогласованный. Это обстоятельство само по себе не является минусом, давая к тому же известную экономию средств и времени, ибо человек грамотный прочтет любой связный, даже целиком неогласованный текст, если сам язык ему вполне понятен. В отношении арабского языка дело обстоит еще более благоприятно, так как роль неударенных кратких гласных здесь ничтожна. Если же современное арабское письмо является крупнейшим тормозом к распространению грамотности и повышению культурного уровня населения, то это объясняется, прежде всего, тем, что язык литературы на арабском Востоке далеко не идентичен с языком народных масс.

[1] Но бывает, что гласные набираются отдельно от букв.

[2] Случаи, как الرحمن и الله, не в счет.

Литературный язык и обиходный вообще редко совпадают друг с другом. Но степень их взаимного отличия сильно колеблется от случая к случаю, доходя от незначительных расхождений до полного непонимания. Положение с языками на арабском Востоке приближается к последнему состоянию. Тот язык, на котором написаны газеты, журналы и книги, представляющий собой упрощенную форму строго классического языка со многими формальными и смысловыми новообразованиями и заимствованными фактами, в обиходе мало понятен.[1] Здесь даже люди образованные пользуются так называемыми народно-арабскими диалектами, по всему своему разрезу отличными как от классического староарабского языка, так и от языка современной литературы.

В городах вопрос об использовании общепонятного языка в качестве орудия идеологической активизации широких слоев населения стал наиболее назревшим.[2] Дело, однако, нельзя себе представить в виде простой замены одного языка другим; подобно тому как в петровской России произошло не просто вытеснение литературного языка того времени — церковно-славянского — народно-русским, а был выработан ново-русский, наш современный литературный язык, включивший в себя значительное число фактов из «церковного» языка, так и на арабском Востоке постепенно выковывается ново-арабский язык, в основе своей — народный, но воспринимающий из литературного языка тот готовый материал, который ему нехватает. И так как народные диалекты отдельных стран более или менее значительно отличаются друг от друга, то мы стоим перед фактом возникновения не одного, а нескольких новоарабских языков.[3]

Проследить развитие идеи латинизации на современном арабском Востоке, показать отношение различных общественных слоев к этому движению и вскрыть причины их поведения — и должно явиться конечной целью данной работы. К сожалению, доступный нам материал далеко не достаточен для исчерпывающей разработки выставленной темы. Приходится

[1] «Путешественник, который пожелал бы в Аравии, все равно как и в других странах арабского языка, обойтись одним лишь классическим арабским языком, имел бы такой же успех, какой имеют те северные путешественники, которые стараются объясниться с итальянскими кельнерами, употребляя нечто вроде латинского языка». [Крымский. Семитские языки и народы 3 (1912) 367]. О взаимоотношениях между арабским литературным и народным языками см. предисловие к грамматике египетского диалекта J. S. Willmore. The Spoken Arabic of Egypt. 2nd ed. (London 1919) XXVIII + 454 p.

[2] См. обстоятельную рецензию И. Ю. Крачковского || ZKV 3,1 (1928) 186-91, на работы сторонника народного языка Mārūn'a Yuṣn.

[3] Вопрос о языках на арабском Востоке мы надеемся подробно рассмотреть в специальном этюде.

поэтому ограничиться выявлением наличных материалов, в подавляющем большинстве извлеченных из первоисточников, и попытаться наметить основные контуры движения, победа которого вызовет крупнейшие сдвиги на всем арабском Востоке.

Впервые вопрос о переводе арабской орфографии на латинский шрифт был поднят в Египте в 1897 г. «Общество обучения всей египетской молодежи» — Society for the Education of every Egyptian Youth развило энергичную деятельность по пропаганде идеи создания латинизированного литературного языка на базе народного диалекта. Во Флоренции, Каире и Нью-Йорке был издан ряд анонимных брошюр на английском языке,[1] вокабулярий в латинизированной орфографии,[2] а также статья на арабском языке, приложенная к № 16 каирского журнала al-Hilāl (от 15.4.1898). Издатель последнего, Žirži Zaidān в № 20 (от 15.6.1898) выступил с резким ответом.[3] Годом позже египетский лингвист Ibrāhīm al-Jāziži изобрел формы несвязывающихся арабских букв, с тем, чтобы каждая из них сохраняла один и тот же вид безразлично от ее места в слове. Образцы этих букв были напечатаны в журнале «aḍ-Ḍijā'» и оказались неудачными. Но дальше этого дело не пошло, и после прекращения названного журнала проект был забыт.[4] Сходная судьба постигла предложение того-же al-Jāziži относительно введения специальных знаков над буквами ', *w*, *j*, для обозначения гласных европейских языков, не имеющихся в арабском.[5] Примерно к тому же времени Anastās al-Karmalī в своих статьях, печатавшихся в органе бейрутских иезуитов «al-Mašriq», стал употреблять специальные надстрочные знаки для передачи французских гласных, именно: опрокинутую фатху для *è*, опрокинутую дамму для *o*, вертикальный полукруг для *eu* и горизонтальный полукруг или маленький *u* для французского *u*.[6] Этот проект имел не больше успеха, чем предыдущий, и в дальнейшем сам

[1] An Egyptian Alphabet for the Egyptian People (Florence, The Landi Press 1315/1897); — All about Postal Matters in Egypt (Florence 1898).

[2] [Gam'yjet ta'lym kull wilād maṣr]. Kılmāt 'araby, containing a list of 7000 words in the modern Egyptian tongue, with paradigms of the verbs and numerous grammatical examples (Felōrensa 1311/1893) 148 p. — В ноябре 1898 г. обещалось новое, расширенное издание на 12000 слов.

[3] См. M. Hartmann. Die gam'yjet ta'lym ḳull wilād maṣr (Gesellschaft für den Unterricht der ägyptischen Jugend) || ZA 13 (1898) 277—87. Ср. OLZ 1 (7. 1898) 227.

[4] F. Xūrī || Sūrīja (12. 1928) = RAA 9 (7.-8. 1929) 438.

[5] Т. е. французских *e*, *o*, *u*. См. Ž. Yazāla || RAA 12 (1.-2. 1932) 22. Ср. A. S. Marmarži || RAA 8 (7.-8. 1928) 461.

[6] A. S. Marmarží, ibid.

автор к нему не возвращался. В 1899 г. председатель «Египетского Общества» Aḥmad Luṭfī Bey предлагал вместо вокализационных знаков обозначать краткие гласные «слабыми буквами», т. е. так, как сейчас пишут долгие гласные; для последних же ставить дополнительно мадд над соответствующей буквой-гласным. Тенвин должен передаваться полностью, удвоение обозначаться через две буквы, напр. محمد = موحاممادون, ل определенного члена пишется в соответствии с фактическим произношением.[1] О судьбе этого проекта нам ничего не известно. В 1902 г., рассматривая в предисловии к своей грамматике разговорного арабского языка Египта возможность превращения египетского народного языка в литературный, судья туземного апелляционного суда в Каире, J. Selden Willmore, вновь поставил на повестку дня вопрос о латинизации.[2] Цитируя одного американского филолога, Willmore указывает, что было бы трудно создать алфавит, более соответствующий своей цели, чем Spitta'ский. Всеобщее применение его к национальному диалекту Египта очень скоро значительно бы облегчило распространение знаний и несравненно сократило бы труд учителя во всех нильских странах; притом оно могло бы быть проведено в жизнь без того, чтобы в какой-либо степени было затронуто положение старо-арабского алфавита как средства для почитаемого классического языка.[3] A. H. Sayce в введении к той же грамматике Willmore'а также защищал необходимость перехода на латинизацию, притом народного языка. «Нам нужно иметь систему обозначений, которая передавала бы с приблизительной точностью произношение языка. Несовершенный арабский алфавит с его диакритическими знаками и отсутствием достаточного числа обозначений для гласных отпадает. Он относится к донаучным веку и народу и совершенно неприспособлен для передачи живых звуков современного арабского языка. Для этого мы должны прибегнуть к какой-нибудь модификации латинского алфавита. Что это будет за модификация будет зависеть от непосредственной цели. Если цель чисто научная, то мы можем выбирать между алфавитами Lepsius'а, Alexander J. Ellis'а или Sweet'а; если же она, прежде всего, практическая, то нет лучшего алфавита, как тот, который употребляется в „Sacred Books of the East" или у Spitta-Bey'я».[4] Книга Willmore'а, точнее ее предисловие, вызвала бурю нападок и возражений

[1] aṭ-Ṭanāḥī || Hi 42 (1933/4) 830—1.

[2] Willmore J. Selden. The Spoken Arabic of Egypt. (London 1902), второе изд. (London 1919).

[3] Стр. XXVII 2-го издания.

[4] Ibid., стр. VI.

со стороны туземных писателей.[1] В следующем году вопросом о сокращении числа арабских литер занималась специальная комиссия по реформе и улучшению арабских букв при Национальной типографии в Булаке (*Laǧnat iṣlāḥ wa taḥsīn al-ḥurūf al-ʿarabīja bi maṭbaʿat būlāq*), которая вынесла свое предложение по этому делу.[2]

Этими данными исчерпываются наши сведения о движении по реформе арабской орфографии до мировой войны. Военные действия и последовавшие за ними события мало благоприятствовали оживлению подобного рода проблем, и неудивительно, что очередную статью о латинизации (отрицательно) мы регистрируем уже в 1924 г.[3] Полностью, однако, дискуссия развернулась с 1928 г. в связи с докладом L. Massignon'а в парижском «Обществе арабской культуры» (*ǧamʿījat aṯ-ṯaqāfa al-ʿarabīja*), объединяющем студентов из различных арабских стран. Докладчик указывал, что наряду со многими достоинствами арабский язык обладает крупным недостатком — туземным письмом, которое является большим тормозом в деле распространения знаний. Выход он видит в замене арабских букв латинскими. Из выступавших в прениях кое-кто возражал докладчику, но большинство его горячо поддерживало. На выдвинутое предложение вскоре откликнулся ʿabd-al-Qādir Ḥamza.[4] Он с Massignon'ом не согласен. Весь проект будто бы навеян примером турок. Но арабский язык находится в другом положении. Его алфавит на протяжении многих веков служил орудием для передачи новой европейской культуре сокровищ греческой науки, персидской, индийской и римской литератур. Нельзя, следовательно утверждать, будто арабский алфавит не удовлетворяет требованиям, ставимым к средству культурного воздействия. Переходя к латинизации, Ḥamza выражает беспокойство, как бы в результате этого 12 арабских звуков, не имеющих соответствий в латинском алфавите, не подверглись забвению и исчезновению. Это дает Ḥamz'е повод обвинить инициаторов проекта в стремлении разрушить арабский язык. Но одновременно он вынужден признать, что нынешнее арабское письмо имеет много недостатков, что даже интеллигентные люди часто неправильно читают слова или же вынуждены смотреть в справочники. Он допускает также, что требования, ставимые в наше время писан-

[1] См. ответ Faraḥ'а Anṭūn || al-Ǧāmiʿa 3 (1902=1319) 426 [по J. Lecerf || BEOIF 1 (1932) 204] и ряд статей в al-Muqtaṭaf'е. Ср. al-Muqaṭṭam (10. 7. 1929) [по RAA 9 (7. 8. 1929) 433].

[2] Ḥ. Yazāla || RAA 12 (1.- 2. 1932) 22.

[3] Yazāla Ḥabīb || al-Muqaṭṭam (19. 4. 1924) [по RAA 12 (1.- 2. 1932) 23].

[4] Ḥamza ʿ. Al-luɣa al-ʿarabīja wal-ḥurūf al-latīnīja || RAA 8 (9.—10. 1928) 567—73 с сообщением о докладе Massignon'а.

ному языку, не могут быть сравнены с положением в средние века, когда наука была привилегией узкого круга лиц. Но выход Ƨamza видит не в латинизации; самое большее, на что он решается, — это реформа существующей орфографии. Вспоминая, что какой-то мыслитель в течение целых 20 лет размышлял об этом и пришел к выводу ставить гласные буквы рядом с согласными, он этот проект не одобряет, считая, что от этого проблема еще более запутается. По мнению Ƨamz'ы, этим вопросом должна заняться авторитетная научная организация, решения которой были бы обязательны для всех. Конкретных предложений, таким образом, не делается.

В конце того же 1928 г. два французских востоковеда, вышеупомянутый Massignon (член арабской Академии наук в Дамаске) и Beynard (?), глава светской миссии на Востоке, на собрании, устроенном в Бейруте в их честь, выдвинули проект перевода арабской орфографии на латинский шрифт.[1] Они при этом указывали, что такой шаг облегчит печатание, чтение, передачу французских слов и классическое произношение литературного арабского языка. В ответ на этот проект выступил со статьей в газете «as-Sūrīja» от декабря 1928 г. член арабской Академии Наук в Дамаске Fāris al-Xūrī.[2] Не отрицая за латинизацией определенных плюсов, Xūrī отмечает ряд недостатков, в результате которых будто бы обесценивается предлагаемый проект, а именно: 1) Не в пример турецкому языку, одиннадцать арабских согласных не имеют соответствий в латинском алфавите (ṯ, Ƨ, x, ḏ, ṣ, ḍ, ṭ, ẓ, ε, ɣ, q); принимая данный проект, пришлось бы изобрести для этих согласных новые знаки, благодаря чему письмо получило бы своеобразный характер, и латинские буквы стали бы перемежаться с другими, «примерно как это имеет место в русской орфографии». 2) Переход на латинизацию повлек бы за собой разрыв с культурным прошлым арабов, имеющим огромную ценность для всего человечества, и забвение его, так как всё, что написано старым алфавитом, стало бы недоступным, заново же всё перепечатать немыслимо. Турок это обстоятельство менее смущало — у них нет столь обширной старой литературы. 3) Три арабских гласных — a, i, u — долгие и краткие имеют определенное произношение и не вызывают недоразумений, исключая разве злополучной imāl'ы. Но тут, для обеспечения правильного произношения, нет нужды прибегать к латинским гласным. Иным было положение в турецком языке: كول напр., можно было прочесть и как gul, и как göl, получая слова с различным значением.

[1] RAA 9 (7.—8. 1929) 434.
[2] Перепечатано в RAA 9 (7.—8. 1929) 434—9.

4) Арабское письмо представляет собой род стенографии, в которой соединены скорость и экономность. Переход на латинизацию потребовал бы вдвое больше времени и бумаги. 5) Арабские буквы больше отличаются друг от друга, легче, поэтому, разбираются. По-арабски можно еще читать без очков, когда европейский шрифт невооруженным глазом разобрать уже нельзя. 6) Переход арабов-сирийцев на латинизацию привел бы к разрыву между ними и арабами прочих стран. 7) Арабские гласные сейчас не оказывают влияния на правописание, потому что они не фиксируются, и поэтому люди, говорящие по-народно-арабскому, вслух огласуя слова неправильно, все же верно их пишут. Если же состоится переход на латинизацию, с обязательным обозначением всех гласных — в данном случае классических — возникнут не только ортоэпические ошибки, как это сейчас имеет место, но и орфографические. Например, сейчас слова الحضارة والبداوة можно написать правильно, и не зная огласовки первой коренной,[1] при латинизации же этого нельзя будет. В результате каждый станет писать как ему вздумается, и читатель потеряется между правильными и неправильными надписаниями. Xūrī признает, что арабское письмо нуждается в известных коррективах, но считает латинизацию нежелательной крайностью. Он подходит к вопросу более осторожно. Так как современная система над- и подстрочных гласных делает печатание книг с огласованным текстом экономически невыгодным, то следует превратить гласные в рядовые буквы, применение которых будет условным, в зависимости от грамотности пишущего. При этом считается возможным грамматических окончаний не обозначать. Затем необходимо унифицировать форму букв, уничтожив соединительные варианты, примерно в таком виде, как это в свое время сделал Ibrāhīm al-Jāziǰī,[2] о проекте которого Xūrī одобрительно отзывается. Этих двух мероприятий, по его мнению, будет достаточно, чтобы освободить арабскую орфографию от действительных ее недостатков.

Известная доля правды в аргументах Xūrī имеется. Но он не вполне последователен и приходит поэтому к совершенно неправильным выводам. Если перевод литературного языка на вокализованную латинскую орфографию связан с значительными затруднениями вследствие разрыва между литературным и народным языками, то те же возражения останутся в силе и при введении специальных «арабских» гласных-букв. Говоря о скорости и экономности арабского письма — рукописного! — Xūrī упускает из виду

[1] Произношение этих двух слов в классическом языке колеблется между ʒiḍāra, bidāwa и ʒaḍāra, badāwa. В народном же есть только ʒḍāra, bdǣwə.

[2] В журнале aḍ-Ḍijā’, см. выше, стр. 128.

медленность и, как следствие этого, дороговизну и недоступность арабского печатного набора. А между тем, именно последнему предстоит сыграть ведущую роль в распространении грамотности. Да и все предложение Xūrī сводится, в конце-концов, к изобретению нового алфавита со всеми вытекающими отсюда последствиями, приведенными Xūrī в качестве аргументов против латинизации. И если Xūrī фактически признает необходимость заменить существующий алфавит более удовлетворительным, то нет причины отказаться от самого распространенного латинского алфавита ради какой-то выдумки, где арабским, может быть, будет одно только направление письма.

Следующим проектом является «предложение об иностранных буквах и вторичных гласных.[1] Автор его, доминиканец, A. S. Marmaržī, профессор Библейско-археологического института в Иерусалиме, предлагает ввести в арабскую орфографию те знаки, которые были выработаны персами и турками для передачи известных согласных их языков, не имевших соответствий в арабской графике, именно: پ для p, ج (с двумя точками) для ž,[2] چ для č, گ для g, ڤ для v. Введение этих знаков вызывается необходимостью более точно передавать иностранные слова и выражения (главным образом в газетном языке), иметь возможность транскрибировать в лингвистических сочинениях слова из других семитских языков, равно как и зафиксировать в письме звуки народного языка. Переходя к гласным, Marmaržī указывает, что вокализационная система арабской орфографии, т. е. надстрочные и подстрочные знаки, так и не проникли в жизнь, и употребление их крайне ограничено. Отсюда исключительная трудность правильно прочесть литературный текст, в результате чего даже человек ученый, знакомый с морфологией и синтаксисом, не в состоянии избежать погрешностей. Marmaržī указывает, что он не является сторонником консерваторов (muʒāfiẓūn «охранителей»), противодействующих какой бы то ни было реформе орфографии и предлагающих в случае надобности пользоваться имеющимися вокализационными знаками. Но вместе с тем он не одобряет позиции «обновленцев» (mužaddidūn), видящих выход из тупика в переходе на латинский алфавит. Как «практик», он того мнения, что достаточно ставить огласовку там, где есть опасность двусмысленности; спорный вопрос тем самым не решается, а обходится. Зато выдвигается

[1] A. S. Marmaržī. Iqtirāʒ fil-ʒurūf ad-daxīla wal-ʒarakāt al-farɛīja || RAA 8 (7.—8. 1928) 456—64. Извлечения в RŠ 1 (15. 10. 1928) 46—7.

[2] Турецкое ژ оказалось неудобным, ввиду того, что в народном языке Сирии ž очень распространенный звук, соответствующий классическому ج.

проект о введении в нынешнюю арабскую орфографию дополнительных вокализационных знаков для «вторичных» гласных, наличие которых можно проследить вплоть до доисламских времен.[1] Гласные эти, не предусмотренные существующей арабской вокализацией, следующие: 1. tafxīm — «между даммой и фатхой», по М. = o, в действительности a заднего образования, resp. ɔ; 2. imāla — «между фатхой и кесрой», по М. = франц. é, в действительности передний a или æ; 3. išmām — «между кесрой и сукуном», по М. = франц. e muet, на деле звук, близкий к русскому ы; 4. rawm — «отклоненение от даммы», по мнению М. = франц. u, в действительности лабиализованный ы. Знаки для передачи этих гласных должны быть упрощенной формы, легкими для писания, легко запоминаемыми и удобными в смысле отливки. Из своих предшественников Marmaržī называет Ibn-Xaldūn'a, Ibrāhīm al-Jāzižī и Anastās al-Karmalī. Предложенные двумя первыми обозначения не встречают у Marmaržī одобрения вследствие сложности и двусмысленности их. Зато приветствуются знаки для гласных, употреблявшиеся A. Karmalī в его статьях в первых томах al-Mašriq'a (см. выше, стр. 128); лишь в отношении знака для išmām (ـٜ у Karmalī) Marmaržī предпочитает вертикальному полукругу — опрокинутую кесру ـٚ, в остальном же он согласен с Karmalī. Помимо сего Marmaržī считает нужным обозначать редуцированный гласный ə народных диалектов, для чего он рекомендует знак арабского сукуна, с тем отличием, чтобы его кружок немного раскрывался с правой стороны; получится тот самый знак, которым A. Karmalī обозначает išmām. В отношении названия этих знаков Marmaržī исходит из принципа, что все они должны быть представлены словами, образованными по форме faɡla, по примеру названий уже имеющихся вокализационных знаков: fatʒa, kasra, ḍamma. Поскольку išmām, tafxīm и imāla являются приращенными формами, необходимо завести новые термины. Marmaržī предлагает заимствовать таковые из сирийского языка, именно: rabṣa для imāl'ы, rawʒa для tafxīm'а, xarsa для išmām'а. Вместо rawm берется термин lamma, что должно указывать на лабиализацию; редуцированный гласный называется xalsa, а нынешний sukūn переименовывается в sakna. — Практическая ценность выдвинутого проекта ничтожна. Рекомендуемые согласные (за исключением ڿ) уже известны, и если арабы их тем не менее не употребляют, то очевидно потому, что потребность в них не очень ощутительна. В самом деле, эти буквы нужны арабскому

[1] Ср. статью Anastās al-Karmalī. Al-ʒarakāt al-ɡarabīja al-mažhūla || LA 5 (1927) 129—36.

языку не больше, чем h русскому, специально для передачи иностранных названий вроде Гамбург, Ганновер и т. п. Зато принятие их потребовало бы увеличение шрифткассы на 20 клеток, тем самым еще более затруднив печатание книг и газет. И те же возражения можно выдвинуть против введения специальных знаков для гласных, с той разницей, что даже принятые, эти знаки оказались бы практически столь же неприменимыми, как ныне имеющиеся вокализационные знаки. Единственный эффект, который был бы достигнут в результате осуществления этого предложения, выразился бы в дальнейшем проникновении французского языка в Сирию — притом под маской «арабских» букв, для популяризации же арабского печатного слова проект ничего не дает.

Следующая статья по интересующему нас вопросу появилась в реакционном бейрутском журнале.[1] В ней автор крайне резко высказывается против латинизации. Между турецким и арабским языком будто бы имеется принципиальное различие. Турецкий язык не однообразен, а в большинстве своем состоит из заимствованных элементов. Легко, поэтому, было туркам скинуть одно чужое платье, чтобы надеть другое. Для арабского же языка его алфавит является коренным и, отказавшись от него, арабы отрываются от своих истоков. Автор статьи резко обрушивается на «кемалистов», обвиняя их в посягательстве на ислам и призывая «исламскую молодежь во всех странах земли», в частности арабскую националистическую молодежь, заявить решительный протест, который был бы более эффективным, чем крестовые походы. — Доводы al-Manār'а не выдерживают никакой критики. Чужого лексического элемента в арабском языке не меньше, чем в турецком;[2] национально-арабского в арабском шрифте ровно столько, сколько национально-немецкого в готическом, т. е. мы имеем в обоих случаях дело с чужими алфавитами, графически своеобразно обработанными и фонетически — не всегда удачно — приспособленными к нуждам данного языка. Лишь говоря об ослаблении влияния ислама, точнее, мусульманского духовенства, в результате латинизации, al-Manār прав, так как грамотность, конечно, не столь способствует распространению религиозного фанатизма, как невежество. Поэтому данная статья является очень характерной для отношения мусульманских духовных кругов к возможной реформе арабской орфографии.

1 Al-Manār (10. 1928) 458 [по Ma 27. (1. 1929) 55—6].

2 Ср. указания на литературу по арабским заимствованиям из греческого, латинского, арамейского и персидского языков у Крымского. Семитские языки и народы 3 (1912) 479—81. К этим старым заимствованиям впоследствии прибавилось огромное количество итальянских, турецких, французских, новогреческих, и, особенно в последнее время, английских слов.

Но не одно лишь мусульманское духовенство придерживается такой точки зрения. Иезуит F. Tawtal, выступая в католическом бейрутском журнале «al-Mašriq»,[1] полностью солидаризируется с al-Manār'ом, прибавляя еще один довод: арабский алфавит будто бы необходим для того, чтобы сохранить традиционную связь между старым и новым языками и между народами, говорящими по-арабски на Востоке и Западе. В действительности же арабская орфография лишь формально прикрывает фактически уже созревший разрыв между языками и является крупнейшим тормозом к установлению связи между арабскими народами, так как не дает возможности этим самым «народам» пользоваться печатным словом, ввиду недоступности его в нынешней форме.

Отрицательное отношение клерикальных кругов к латинизации хорошо иллюстрируется отзывом французского востоковеда E. Dinet, перешедшего еще в 1914 г. в мусульманство.[2] Проект латинизации он оценивает как недобросовестную попытку нанести удар Корану. С эстетической стороны арабское письмо значительно превосходит латинское. Арабское письмо — мать всех мусульманских искусств. Турки, приняв латинский алфавит, только заменили чужое чужим, у арабов же их письмо вышло из глубины арабского языка.[3] Недостатков в арабском языке не больше, чем в латинском, зато много достоинств. Отсутствие гласных может считаться дефектом, но оно дает возможность сразу установить корень слова. Для передачи 13 звуков арабского языка, не имеющих своих соответствий в латинском, пришлось бы прибегнуть в случае латинизации к специальным значкам и точкам, что привело бы к большим неудобствам. Вообще писать арабский язык латинскими буквами столь же абсурдно, как и передавать латинские слова арабским алфавитом. Доводы Dinet не убедительны. Вся проблема рассматривается с точки зрения эстетики,[4] конкретное же значение латинизации, как средства распространения грамотности, не затрагивается.

Через полгода после выступления Marmarǯī, в египетском журнале «al-Hilāl» появилась статья председателя бюро переводчиков при верхов-

[1] Tawtal Fardinān. Al-luɣa al-ʒarabīja wal-ʒurūf al-latīnīja || Ma 27 (1. 1929) 55—6.

[2] Dinet E. (el-Hadj-Nasir-ed-Dine) et Baâmer el-Hadj-Sliman-Ben-Ibrāhīm Al-ʒažž ilā bait allāh al-ʒarām. Le pélérinage à la maison sacrée d'Allah. Illustr. de E. Dinet.-Paris, Librairie Hachette (1930 = 1348) 178—83. Книга представляет собой описание паломничества в Мекку весной 1929 г. и имеет целью «способствовать установлению сердечного согласия между юдаизмом, христианством и исламом».

[3] Ср. выше аргументацию al-Manār'a.

[4] Dinet сам неплохой художник, в чем можно убедиться на иллюстрациях, которыми он снабдил свою книгу.

ном комиссариате в Бейруте Jūsuf'a Yaṣṣūb о реформе арабского алфавита.[1] Аргументация Yaṣṣūb'a сводится к следующему: наличие четырех форм от каждой буквы делает арабскую наборную кассу весьма громоздкой и неуклюжей. Из-за этого работа наборщика становится нерациональной, а если бы взяли за правило выпускать издательскую продукцию огласованной, то невозможно было бы напечатать газету среднего размера за один день. Эти препятствия на пути прогресса арабской печати вынудили некоторые передовые народы заменить арабский алфавит латинским; он предпочтительнее благодаря бо́льшей своей легкости и возможности полностью выражать гласные и согласные, в то время как обычный, т. е. неогласованный, арабский текст очень трудно правильно прочесть, если неизвестна тема. Во избежание перехода на латинский шрифт, Yaṣṣūb предлагает египетскому правительству провести два мероприятия, которые смогли бы восполнить указанные недостатки. Во-первых, должна быть установлена для каждой буквы одна форма безразлично от ее места в слове. Затем надо нынешние вокализационные знаки ставить не над или под буквами, а за ними, в один ряд с ними. При этом кесре должно быть придано направление, противоположное фатхе, всё же прочее остается без изменения. В результате этого станет возможным без особых затруднений читать арабский текст в классическом произношении. Литературный язык получит широкое распространение, и «может быть таким путем удастся ликвидировать народный язык и воспитать подрастающее поколение на классическом языке».

Против ожидания Yaṣṣūb'a статья его не вызвала никаких откликов. Это вынудило его вторично выступить, на этот раз в Сирии, с более конкретными предложениями.[2] Унификация формы арабских букв обещает ряд преимуществ: 1) вместо 1500 типографских знаков можно будет обойтись 70, что даст большой материальный эффект и может стать стимулом к прогрессу арабского печатания; 2) арабские слова будут передаваться полностью, со всеми гласными, что сделает возможным читать их правильно, т. е. в классическом произношении; 3) возможно будет включить в арабский алфавит латинские буквы для обозначения звуков, отсутствующих в арабском языке; 4) ряд арабских гласных, не выражаемых в письме, но известных по традиции: ṭafxīm = французское o,[3] imāla = фр. é,[4] išmām = фр. e muet[5]

1 Yaṣṣūb Jūsuf. Iṣlāʒ al-abžadīja al-ɡarabīja || Hi 37 (4. 1929) 731—2.

2 Yəṣṣūb Jūsuf. Iṣlāʒ al-abžadīja al-ɡarabīja || Ma 28 (1. 1930) 29—34.

3 Точнее a заднего образования, или ɔ.

4 Точнее æ.

5 На деле звук, близкий к русскому ы.

и išmām aḍ-ḍamm (или ar-rawm) = фр. u,[1] сможет быть обозначен соответствующими французскими буквами. Старые вокализационные знаки Yaṣṣūb предлагает попрежнему ставить выше букв, но не над ними, а между. При этом наклон кесры направляется в сторону, противоположную фатхе, т. е. слева направо. Отдельно должна писаться и хамза, сделав тем самым излишними специальные правила ее употребления. Знак тешдида исключается, а удвоение выражается двойным надписанием буквы, по примеру романских языков. Вся предлагаемая система имеет следующий вид:

ا ب ت ث ج ح خ د ذ ر ز س ش ص ض

ط ظ ع غ ف ق ك ل م ن ه و لا ي

P V E O U

В качестве иллюстрации даются два отрывка в предлагаемой орфографии с параллельным текстом в нынешнем надписании:[2]

Без огласовки:

« وصلت الباخرة شامبوليون من مرسيليا وعليها خمسون راكباً من باريس
وعشرة ركاب انكلوسكون قادمين من ليفربول لبيع بضائعهم في بيروت. »

[1] В действительности лабиализованный ы.

[2] Во второй строчке первого отрывка (в современной орфографии) читай انكلوسكسون вместо انكلوسكون. В последней строчке второго отрывка (в предлагаемой орфографии) в слове, соответствующем нынешнему بِمَثَابَةِ, перепутаны гласные.

С огласовкой:

«حَدَّثَنَا عِيسَى بْنُ هِشَامٍ قَالَ : لَمَّا بَلَغَتْ بِيَ الْغُرْبَةُ بَابَ الْأَبْوَابِ .
وَرَضِيتُ مِنَ الْغَنِيمَةِ بِالْإِيَابِ . وَدُونَهُ مِنَ الْبَحْرِ وَثَّابٌ بِغَارِبِهِ . وَمِنَ
السُّفْنِ عَسَّافٌ بِرَاكِبِهِ . اسْتَخَرْتُ اللهَ فِي الْقُفُولِ وَقَعَدْتُ مِنَ الْفُلْكِ .
بِمَثَابَةِ الْهُلْكِ .»

[illegible]

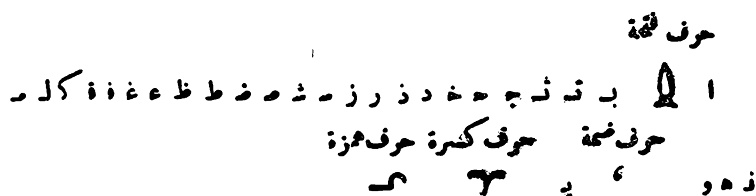
' Новый шрифт предполагается лишь для печатания, в письме же можно попрежнему пользоваться современным арабским шрифтом. — Предложение Yaṣṣūb'a теоретически не дает ничего нового в сравнении с проектом Fāris'a al-Xūrī (выше, стр. 131—3); но в то время как Xūrī учитывает те затруднения, которые могут возникнуть вследствие антагонизма между литературным и народным языками, Yaṣṣūb повторно указывает, что преследуемая им цель состоит лишь в том, чтобы способствовать распространению классического языка и дать ему возможность вытеснить народные диалекты, т. е. он предлагает арабам отказаться от «арабского» языка и перейти на «грамматический» язык.[1] Этой идее Yaṣṣūb'a вполне соответствуют выдуманные им буквы: арабского в них почти ничего нет, скорее есть сходство с (церковно-)сирийским шрифтом. Зато не забыты латинские буквы для тех европейских звуков, которые отсутствуют в арабском языке, но могут оказаться полезными для усвоения туземцами правильного французского произношения. Таким образом противники латинизации, сознательно или бессознательно, способствуют галлицизации арабского Востока.

Почти одновременно с предложением Yaṣṣūb'a появился проект Zuhair'a aš-Šihābī. Как и первый, он сначала выступил в египетской печати.[2] Во время интервью в Иерусалиме с немецким востоковедом

[1] В Египте разговорный язык называется ʿarabī, а литературный naḥwī, т. е. грамматическим.

[2] Под псевдонимом Ibn-abī-sulmā: Hal taḥull al-ḥurūf maḥall al-ḥarakāt al-ʿarabīja || Muqt. 75 (7. 1929) 182—7.

Dr. Moritz он изложил ему свой проект, имеющий целью «заменить огласующие знаки арабскими буквами, чтобы письмо было полным, в соответствии с произношением и чтение легче и точнее и чтобы облегчилось распространение классического языка среди народов вообще, и арабов в частности». Над проектом своим aš-Šihābī стал работать еще девять лет тому назад, в начале своей педагогической деятельности, когда он убедился, что многочисленные формы букв и знаков, которые детям приходится усвоить — по двум шрифтам, для печати и письма, до 230 знаков — являются крупным препятствием при обучении детей грамоте. Но даже научившись читать огласованнный текст, ученик оказывается беспомощным перед обычным, невокализованным текстом. Писать же по-арабски с полной огласовкой нельзя, так как пришлось бы каждое слово фактически писать в три ряда (один для согласных и два для вокализации), что потребовало бы лишнего труда на поднимание руки и чтение, да и с типографской стороны было бы связано с громадной тратой сил и средств. Новый проект этих недостатков не имеет, обладая рядом достоинств, именно: 1) требуется всего 32 буквы; 2) печатные и рукописные буквы одинаковы, причем их можно, по желанию, писать отдельно или связно, не нарушая основной формы; 3) слова пишутся полностью в классическом произношении безо всяких сокращений или лишних знаков (тенвинов, алифа максура, особых обозначений для хамзы и т. п.); 4) поднимать руку от строки не приходится, раз гласные имеют свои эквиваленты, которые пишутся в одну строку с согласными; 5) новое письмо немногим отличается от старого, не получится, таким образом, разрыва со старой литературой. Исходя из шрифта несх, получится следующая система:

Dr. Moritz одобрительно отнесся к проекту, считая его более удачным, чем латинизация, но выразил сомнение в возможности добиться согласованности всех арабов по этому вопросу. Aš-Šihābī же предполагает, что подобно тому как в свое время куфийский шрифт уступил место современному, так и последний будет заменен более совершенной его формой.

Оценивая выдвинутый проект, перепечатанный в «Известиях Арабской Академии наук» в Дамаске,[1] an-Nakadī выражает свое согласие с aš-Šihābī. Лишь два пункта вызывают с его стороны возражения. Во-первых, он полагает, что igrāb, т. е. гласные грамматических окончаний, не должны отмечаться буквами, поскольку их легко запомнить из теории и нежелательно возникновение разных письменных форм одного и того же слова. Второе замечание касается формы предлагаемых букв. Нерационально пользоваться для печати и для письма одним и тем же шрифтом. Унификацию форм букв не следует смешивать с унификацией шрифта. Достаточно посмотреть на латинский алфавит, буквы которого унифицированы, но где налицо ряд шрифтов, как-то: курсивный, готический, капительный и др. Поэтому можно допустить следующий компромисс: в письме попрежнему остается современный арабский шрифт — благодаря чему сохраняется связь с старым культурным наследием, для печатания же вырабатывается особый алфавит. An-Nakadī предлагает следующие буквы:

U9BÜJJĴJĊCẆWƆƆŻZZŮÜŲI

Гласные: J — дамма, Í — фатха, Į — кесра. Для последних двух можно выбрать и другие формы. Можно также изобразить алиф через H, удваивая нынешнюю его форму, или в виде Δ, фатху через I, т. е. пол-алифа, а кесру посредством !, т. е. пол-йā. В отношении r, z, s, ḍ, ṭ, ẓ и m an-Nakadī новых форм не приводит, и вопрос остается открытым. — Предложение Šihābī-Nakadī, примыкая к проектам Xūrī и Yaṣṣūb'a, не отличается особыми достоинствами. Мысль об унификации формы букв выдвигалась уже раньше, как и вопрос о превращении огласовочных знаков в рядовые буквы. Дело и здесь фактически сводится к замене современного арабского шрифта новоизобретенным, не имеющим ничего общего ни с арабским алфавитом, ни с латинским. Рекомендовать такую вещь можно лишь, убедившись в непригодности нынешних арабских букв и являясь принципиальным противником латинизации.

После сказанного статья Ṭāhir'a al-Žazā'irī[2] дает мало нового. В ней приводятся кое-какие данные по истории вокализации и мимоходом вос-

1 aš-Šihābī Zuhair. Mašrūg bi kitābat al-ʒarakāt bi ʒurūf garabīja wa istigmāl abžadīja wāʒida lit-ṭabg wal-kitāba || RAA 9 (11.—12. 1929) 654—60.

2 Žazā'irī Aš-šaix Ṭāhir al. Al-xaṭṭ al-garabī || RAA 12 (3—4. 1932) 180—8. Статья — посмертная — является извлечением из большого труда под названием «Tawžīh an naẓar ilā uṣūl al-aṯar».

хваляются достоинства арабского письма, скорость его, наличие многообразных шрифтов. Отсутствие гласных al-Žazā'irī, само по себе, недостатком не считает. Дело, по его мнению, в достаточной степени регулируется применяемой сейчас вокализацией, надо лишь ввести дополнительные знаки для гласных, не имеющих своих эквивалентов, с тем, чтобы иметь возможность более точно передавать иностранные слова. Дополнительных вокализационных знаков al-Žazā'irī предлагает четыре: 1) Для æ, е — по терминологии Ž. «алифа, склонного к кесре» — опрокинутую фатху, напр. درجه; название знака — fatʒa mumāla, т. е. «ималлированная фатха». 2) Для о — «алифа, склонного к дамме» — опрокинутую дамму, напр. صلوة;[1] название — ḍamma mašūba, т. е. «мутная дамма». 3) Для лабиализованного ы, которого Ž. считает идентичным с французским u (фонетически у) — дамму с кесрой под ней, напр. رد, с названием ḍamma mumāla, т. е. «ималлированная дамма». 4) Для ы, которого Ž. не отличает от французского eu (фонетически = ø и œ) — тот же знак, что в предыдущем случае, но в опрокинутом виде, таким образом, чтобы кесра оказалась над даммой, напр. هبت; название — kasra mušimma, т. е. «отклоненная кесра». Переходя к знакам препинания al-Žazā'irī, после интересного экскурса по истории вопроса, предлагает ввести следующие знаки: 1) ʒalāmat as-saqt «знак покоя» — тире. 2) ʒalāmat al-waqf al-ʒasan «знак одобряемой паузы» — опрокинутый wāw (ﹸ) в значении запятой. 3) ʒalāmat al-waqf al-kāfī «знак дополнительной паузы» — опрокинутый wāw с точкой над ним или тире после него (ﹸ или —ﹸ) = точка с запятой. 4) ʒalāmat al-waqf at-tāmm «знак полной паузы» — точка, или троеточие, или кружок, или полукруг. Возможны и все четыре знака для различных оттенков. — Поскольку арабские газеты печатаются без огласовки, польза от предлагаемых дополнительных знаков будет невелика. Что же касается до знаков препинания, то нет нужды выворачивать их наизнанку. Лучше, пожалуй, оставить их такими, как в европейских языках, что будет менее оригинально, но зато более практично.

До чего может довести стремление к оригинальности, в особенности когда дело идет о том, чтобы избегнуть перехода на латинизацию, видно на примере Xālid'a-ibn-Muʒammad al-Faraž.[2] Как и Fāris al-Xūrī,[3] он

[1] Пример неудачный, так как налицо лишь устарелая орфография с сохранившимся в письме согласным, из чего нельзя судить о произношении гласного.

[2] Faraž Xālid-ibn-Muʒammad al. ʒāžat al-ʒurūf al-ʒarabīja ilal-iṣlāʒ || RAA 10 (1.—2 1930) 53—9.

[3] См. выше, стр. 131—3.

вполне здраво рассуждает пока речь идет о критике существующего положения, но лишь только приходится делать из этого надлежащие выводы, как появляются проекты, граничащие с наивностью. Al-Faraž с полным основанием подчеркивает, что нынешний арабский алфавит сделался препятствием для развития языка и одной из главнейших причин неграмотности подрастающего поколения. Он крайне усложняет работу наборщиков, удорожая тем самым стоимость книг и делая их недоступными для людей среднего достатка, в особенности учащейся молодежи. Та же сложность арабского алфавита сводит к нулю пользу от применения пишущей машинки. Помимо сего одно лишь усвоение арабского шрифта требует от детей ненужной траты больших сил и стараний. Было, правда, время, когда арабы распространили свою культуру, в том числе и алфавит, среди многих народов. С тех пор положение изменилось: былое могущество исчезло, культурная мощь ослабла. Если не будут приняты меры к исправлению недостатков арабского письма, то мусульманские народы скоро перестанут им пользоваться. В Турции перешли на латинизированный алфавит; обучить всех турок грамоте на арабском алфавите было бы невозможно. У малайцев также уже есть латинский алфавит, и если бы не необходимость изучать Коран, то они бы вовсе забросили арабские буквы. Индусы оставили арабский шрифт и перешли на свой старый индийский алфавит и даже многие мусульмане внутренней Индии, напр. в Бенаресе, употребляют балибандийские буквы (? al-ʒurūf al-bālibandīja), происходящие от санскритского письма, вместо старой арабской орфографии языка урду; только для Корана и некоторых обрядовых книг сохранился арабский шрифт. Афганцев лишь падение Амануллы-хана удержало от того, чтобы последовать примеру турок. Во избежание полного исчезновения арабского шрифта надо, поэтому, провести ряд реформ. Рассматривать их как покушение на основы религии нет никакого основания. Ведь не обвинили же в отступничестве визиря Ibn-Muqla, который ввел в IV в. хиджры нынешний шрифт взамен прежнего куфийского. Но сейчас одной красоты арабского шрифта недостаточно, и ничего не остается, как приспособить его к типографии и пишущей машинке. Известно, что сто килограмм латинского набора хватает на много печатных листов, в то время как такое же количество металла арабским шрифтом дает едва четверть того. Этот минус устраняется следующим путем: 1) Арабский алфавит составляется из 28 простых букв, а все прочие отменяются. 2) Размер букв должен быть симметричным, чтобы можно было отливать шрифт на 6.9 пунктов. 3) Гравируются специальные заглавные буквы, которым придается вид европей-

ского жирного шрифта. Для этого достаточно выбрать один из вариантов арабских букв, именно связанные со следующими, и придать им квадратную форму. Последняя будет стандартной, причем для объединения группы букв можно вставить между ними соединительные черточки, для одних горизонтальную, а для других вертикальную. Получится следующий ряд:

[illegible]

Соединительные (а также конечные) формы:

[illegible]

или:

[illegible]

и т. д. žīm и ḥā' идентичны с опрокинутыми ʿajn и ɣajn, можно, поэтому, не отливать их дважды. Возможно также выбросить некоторые неясные буквы и обозначить их несколько измененными знаками других букв, напр. sīn ش превратить в šīn س, а hā' Δ в опрокинутом виде: ∇ использовать для tā' и т. д. Название Арабской Академии наук в Дамаске можно будет писать следующим образом:

المجمع العلمي العربي بدمشق الشام

Если предлагаемые реформы будут проведены в жизнь, то повсеместное распространение арабского шрифта обеспечено, «без необходимости прибегать к виселицам и полевому суду». Но есть и другой выход, который обеспечит стопроцентную грамотность среди арабской нации. Он, правда, связан с утратой кое-чего из старого наследия, но всё же лучше латинизации и к тому еще очень удобен. В этом алфавите всего 9 букв! Надо лишь использовать систему передачи чисел буквами в обратном смысле, т. е. писать индийские цифры вместо букв, имеющих соответствующее числовое значение. Для этого достаточно иметь 9 цифр, в квадратной форме: ٩٨٧٦٥٤٣٢١ и три знака: точку — для десятков, двоеточие — для сотен, троеточие — для тысяч. Получится примерно такая система: alif = ١, jā' = ١., qāf = ١:, ɣajn = ١⁝, bā' = ٢, kāf = ٢., rā' = ٢:, žīm = ٣, lām = ٣., šīn = ٣: и т. д. Название арабской Академии наук в Да-

маске можно будет передать, ставя буквы справа налево, следующим образом:

[illegible]

или, располагая буквы слева направо:

[illegible]

Простота системы позволит сократить курс обучения грамоте до одной недели, максимум до месяца. Станет легко приобрести себе типографии и пишущие машинки и значительно увеличится, благодаря их исключительной дешевизне, распространение газет и печатных изданий, а тем самым повысится общий культурный уровень. — Проект Faraž'а мог бы поразить своим радикализмом, если бы не был лишен всякой новизны. Передача слов цифрами практикуется вкаждом воскресном номере немецких газет, где в отдел «задачи и шарады» подаются специальные «Zahlenrätsel». Но, даже оставив в стороне этот момент, нельзя согласиться с Faraž'ом в особой экономности предлагаемой им цифровой системы. Дело в том, что он рекомендует ставить точки, двоеточия и троеточия не отдельно от цифр, а внутри их (см. образцы), что повлечет за собой необходимость отливать столько литер, сколько букв в алфавите, т. е. 28. Мы имеем, следовательно, перед собой проект двух новых алфавитов взамен арабского, алфавитов, лишенных плюсов нынешнего и обладающих лишь тем весьма сомнительным достоинством, что они не латинские.

На этом кончаются доступные нам материалы, характеризующие отношение сирийцев к возможной реформе орфографии. Определенно отрицательно относятся к ней лишь клерикальные круги, в особенности мусульманские. Остальные же цитированные писатели отнюдь не скрывают недостатков существующей орфографии, но не имея достаточно гражданского мужества открыто призвать к переходу на латинизацию, предпочитают заниматься невыполнимыми и подчас нелепыми проектами. В этом отношении появление цифрового алфавита al-Faraž'а весьма характерно для того тупика, в котором очутились указанные круги.

Несколько более положительные результаты дала дискуссия о латинизации, поднятая в иракской печати. О ней мы узнаем из обстоятельного ответа Anastās'а al-Karmalī на письмо в редакцию багдадского лингвистического ежемесячника «Luɣat al-ʕarab».[1] Читатель — сторонник перехода

[1] Al-ʕarabīja bil-ḥurūf al- lātīnīja || LA 7 (3. 1929) 251—4. LA прекратился изданием с 1932 г.

на латинский шрифт, так как тем самым станет возможным включить в арабский язык ряд научно-технических терминов. Отвечая ему, Karmalī указывает, что латинизация арабского алфавита имеет и достоинства и недостатки. Первые состоят в следующем: 1) легко будет изучать иностранные языки, в большинстве пользующиеся латинским алфавитом; 2) распространение унифицированного алфавита сделает возможным ознакомление с новейшими открытиями и изобретениями. Унификация алфавита есть шаг к унификации языка. В свою очередь противники латинизации ссылаются на следующие недостатки ее: 1) арабам приходится рвать со своим культурным прошлым; 2) новому поколению нетрудно будет изучать иностранные языки и столь же легко забыть свой собственный. В лучшем случае, арабский язык будет наводнен иноязычными элементами; 3) иностранцы смогут легко овладеть арабским языком и использовать это во вред арабам; 4) народный язык подавит язык литературный. По мнению A. Karmalī, мотивы сторонников латинизации имеют значительный перевес над аргументами их противников. Исконне-арабский характер туземного алфавита ни на чем не основан: в свое время арабы писали и муснадом, и по-сафски, и набатейским письмом. Язык не теряет своего национального лица оттого, что он будет писаться чужим алфавитом, как это видно на европейских языках, пользующихся латинским письмом. То же относится к религии, которая не связана с национальностью или письмом. Зато очевиден крупный недостаток арабского письма: отсутствие знаков для обозначеиия ряда согласных[1] и гласных, имеющихся в европейских языках, напр. e, é, è, ê, o, u, g, j, p, v. Дополнить существующий алфавит новыми знаками нецелесообразно, так как получится очень громоздкая система и придется писать в три линии.[2] Письмо получит крайне неказистый вид, и всё же его нельзя будет прочесть без твердого знания всех грамматических правил. Латинская же орфография сократит до минимума требования по отношению к грамматике и сэкономит бесполезно затрачиваемое время для более эффективных занятий новыми языками. Лично A. Karmalī за сохранение существующих букв, так как боится, как бы арабы в результате латинизации не утратили произношение эмфатических и гортанных. И вместе с тем он считает латинизацию неизбежной, как неизбежен и единый унифицированный алфавит. Классический арабский язык ожидает та же участь, что постигла в свое время древне-греческий и латинский. Они

[1] Karmalī говорит о ʒurūf muʒtadila, имея в виду так наз. mediae.

[2] Имеется в виду: линия согласных и по линии для надстрочных и подстрочных знаков.

погибли, но из-под их обломков возникли современные, живые языки. — В сравнении с высказываниями сирийских «реформаторов», статья A. Karmalī является большим шагом вперед. Он, конечно, неправ, когда говорит, что латинизация повлечет за собой утрату специфически арабских звуков речи, но в общем его рассуждения показывают, что он значительно выше той провинциальной ограниченности, которая столь характерна для упомянутых нами выше сирийцев.

Здраво рассуждает также иракский поэт Maꞩrūf an-Ruṣāfī.[1] Говоря о трудности избежать ортоэпические ошибки при чтении неогласованных арабских текстов, он указывает, что десятилетние штудии над языком не уберегают его от погрешностей, что даже на заседаниях крупных специалистов ему приходится встречаться с аналогичными фактами. «Я избегаю ошибки в флексии окончаний слов благодаря тому, что я знаю из правил грамматики, но чем же я избегу ошибок в начале их или в середине..? Ведь произношение этих слов целиком определяется слухом, и мы не можем знать его из грамматических правил... Следовательно, нужно, чтобы я знал каждое слово в отдельности, справившись в словарях, и сохранил его в своей памяти, чтобы мне стало возможным прочесть его правильным образом, когда я наткнусь на него в книге или касыде... Я понял, что эти погрешности происходят не от невежества и постиг, что здесь есть пробел, который надо заполнить. Ведь уже древние заметили этот пробел и поняли это, когда пытались сгладить дефект огласовкой... Их старание оказалось бесполезным, потому что в огласовке кроется трудность... Из-за этого популярные книги выпускаются без огласовки, так как эти затруднения оказались удвоенными в типографиях... Искусство чтения у нас одно из самых трудных, ...мы должны понимать, чтобы прочесть, другие же читают, чтобы понимать».

Как видно, отсталый Ирак в отношении латинизации оказался более радикальным, чем передовая Сирия. Объясняется это тем, что контраст между технической мощью Англии и слабостью туземцев здесь дает себя чувствовать в наиболее острой форме. И если в Сирии европейцы Massignon и Beynard(?) выступили застрельщиками латинизации, то для Ирака мы имеем отзывы двух востоковедов-европейцев диаметрально противоположного характера. Это — профессора Ernst Herzfeld и Denison Ross. Когда первого, бывшего в Багдаде проездом из Тегерана в Систан, спросили

[1] В третьем выпуске Общества «Taꞩmīm maꞩārif wa islāʒ ʒurūf žamꞩījatī» fil-imbaraṭūrīja al-ꞩuṯmānīja, p. 28. Цитируется по Muqt. (7. 1929) 185—6.

о его мнении относительно присвоения арабскому письму латинских букв, он порицал этот проект и неодобрительно отзывался о нем, говоря: «это колонизаторская выдумка и всякому арабу, которому дороги его национальность, язык и литература, следует [эту мысль] ненавидеть и противодействовать ей всеми доступными средствами». Свою речь он заключил так: «Принятие этих букв имеет много шансов стать фактом, о чем приходится жалеть».[1] В том же духе выразился и D. Ross: «Такие штуки, — сказал он, — может быть, подойдут народному языку, что же касается ясного [т. е. литературного] языка, то говорящим по-арабски следует писать только теми буквами, которые они получили от своих предков».[2]

Обратимся теперь к Палестине. Здесь вопросы латинизации арабского языка связаны с латинизацией второго обиходного языка — еврейского.[3] Застрельщиком перевода еврейской орфографии на латинщину явился Ittamar Ben-Avi, сын известного филолога Eleazar'а Ben-Jehuda. В 1927 г. он выпустил в память отца книгу, написанную по-еврейски в специальной латинской транскрипции.[4] По его же инициативе палестинский еженедельник «Palestine Weekly» в 1929 г. начал выпускать еженедельное еврейское приложение латинскими буквами.[5] К тому времени названный Ben-Avi опубликовал в том же «Palestine Weekly» серию статей о возможности возникновения в Палестине у евреев и арабов общего национального чувства, в которых затронул также вопрос о переводе еврейского и арабского языков на латинскую орфографию. Эти статьи, собранные в один сборник под заглавием «Palestinism», вызвали широкий интерес и реплики со стороны

1 LA 7 (3. 1929) 271.

2 LA 7 (3. 1929) 270.

3 Название «древне-еврейский» в данном случае не подходит, по той причине, что между собственно «древне-еврейским» языком Библии и говором нынешнего еврейского населения Палестины разница не меньшая, чем между языком древне-русских летописей и нашим современным.

4 Ben-Avi Ittamar: Avi. — Yeruçalaym, Hotzaat «Hassolel, Defus Azriël, 1927. XVI, 4, 97 p. [Заголовок по QS 4 (1927—8) 13].

5 Ha Savu'a ha Palestini. Our Hebrew page in Latin characters. Ha'orekh Ittamar Ben-Avi. Hosaphah aleph. Yerusalaym, 5689 [по QS 6 (1929—30) 153]. Ср. OM 9 (4. 1929) 179². [Уже после сдачи настоящей статьи в набор, в NEI 42 (14. 12. 1933) 1030, появилось объявление следующего содержания: «Deror» (Liberty). Ittamar Ben-Avi, Editor. The only Hebrew Weekly Printed in Latin Characters. Easily Read by Everybody. Contents: Local & General News — Stories — Editorials. Special Features in Each Issue: (1) A Hebrew Lesson Translated into English. (2) A Vocabulary of the Difficult Words. (3) A Dictionary in Serial Form, Detachable for Binding Purposes. — По просьбе Института востоковедения Ben-Avi выслал указанное издание, но, к сожалению, оно сюда не поступило. О характере транскрипции можно получить представление из одной строчки сбоку бланка: AL RÉGEL AHHAT: U tamid (always) = ו; G = ג; Z = ז; HH (CH) = ח; TZ (Ç) = צ; KH = ך; Q = ק. Сам бланк гласит: «Deror» Shavuôn Metzuyar Be Otiyot Latiniyot].

арабской печати.[1] Но когда «Palestine Weekly» попытался в своем приложении дать также и арабские статьи латинскими буквами, он подвергся ожесточенным нападкам со стороны палестинской арабской печати, обвинившей его в покушении и насилии над арабским языком. Защищаясь, «Palestine Weekly» указывал на необходимость облегчить чтение соответствующих языков тем арабам и евреям, которые на практике более или менее ими уже владеют, но находят в восточном алфавите непреодолимое препятствие. Лишь таким путем оба народа смогут притти к общему национальному сознанию. Против этих аргументов энергично возражала яффская газета «Filasṭīn».[2] Оставляя в стороне вопрос о языке, она отрицала всякую возможность общего патриотизма. «Палестинизм не есть вопрос алфавита. Если хотят, чтобы оба народа стали братскими, нужно, чтобы они находились в Палестине в равных условиях. Если одному оказывается предпочтение за счет другого, то не может быть между ними ничего общего».[3] Как видно, здесь вопрос о латинизации с самого начала получил политическую окраску и не удивительно, что сторонниками латинизации на этот раз оказались сионисты — идеологи капиталистического пути развития Палестины, в то время как их противники выражают чаяния преимущественно помещичье-феодальных слоев арабского населения.

Послевоенное оживление проблемы латинизации не миновало и Египта. Диспут на тему «Что нам больше подходит, латинские или арабские буквы?», состоявшийся 18. 2. 1929 г. в Египетском университете в Каире, обратил на себя большое внимание.[4] За латинизацию высказался профессор названного университета Ibrāhīm Muṣṭafā, основываясь на том, что 50% арабской молодежи остается малограмотной из-за трудностей арабского письма. Недостаточная точность его якобы была причиной утраты многих оттенков значений и искажения большинства слов. Писать же огласованно почти невозможно, так как вокализационные знаки отнимают больше места, чем само слово. Благодаря этому арабские типографии встречаются с трудностями, неизвестными в Европе. Обычная арабская шрифткасса состоит примерно из 100 клеток, а если взять сложный набор, то потребуется до 5000 клеток. Художественные достоинства арабского письма не могут итти в сравнение с практическими недостатками его. Принципиально защищать арабский алфавит не приходится: он заимствован у чужого народа

[1] OM 9 (4. 1929) 180.
[2] От 16. 5. 1929.
[3] См. L'arabo in caratteri latini e il «palestinismo» || OM 9 (6. 1929) 268.
[4] См. сообщение об этом в журнале al-Ixā' 5 (3. 1929) 1023—6.

и с религией не связан. Возражал Muṣṭaf'e ʿabd al-Wahhāb ʿazām, профессор того же Египетского университета. Редакция «al-Ixā'», целиком поддерживая точку зрения ʿazām'a, вынуждена признать, что он не особенно старался опровергать доводы своего оппонента, а ударился в бесконечные фантазии. Его особенно пленяет внешность арабских букв, он также боится, что с латинизацией арабские классики станут непонятными и потеряются для современности. Лишь с одним аргументом Muṣṭaf'ы он согласен: «мы слабы, а люди Запада сильны и горе слабому от сильного», но выхода ʿazām не видит. — Такой же нерешительностью отличается статья Ḥabīb'a Yazāla, появившаяся в каирской ежедневной газете.[1]

Более определенно высказалась против латинизации газета «al-Muqaṭṭam».[2] По мнению автора статьи, нельзя сравнить арабов с турками. Последние составляют единую нацию, в то время как арабами являются несколько народов, разбросанных по разным странам.[3] Недостатков в арабской орфографии немало, и исправлением их должна заняться специальная лингвистическая академия,[4] предложение же о введении латинского шрифта в момент обостренной национальной борьбы является покушением с негодными средствами.[5]

В официальных египетских кругах идея латинизации не пользуется особым успехом. Когда один голландский ученый предложил египетскому министерству народного просвещения проект введения латинской орфографии, он получил вежливый, но определенный отказ.[6] Вместо того старание правительства было направлено на проведение мер, имевших своей задачей отвлечь внимание египетской общественности от латинизации. В начале 1929 г. в газете «as-Sijāsa»[7] было опубликовано официальное сообщение египетского короля Фуада I о конкурсе на лучшее предложение относительно прописных букв и знаков препинания. Приводим его полностью:[8] «Его величество пожелало содействовать повышению уровня арабского письма, в первую очередь путем введения знаков препинания (tarqīm), как знаки паузы, вопроса, восклицания и т. п.; во вторую очередь, введя в употребление «большие буквы» в начале фразы в письме от руки и печати,

1 As-Sijāsa (14. 2. 1929) [по RAA 12 (1.—2. 1932) 23].

2 От 10. 6. 1929.

3 Египтяне считают себя, конечно, отдельной нацией.

4 Сейчас такое учреждение уже имеется. См. багдадскую газету al-ʿālam al-ʿarabī от 21. 12. 32. и OM 12 (11. 1932) 552—3.

5 См. RAA 9 (7.—8. 1929) 433—4.

6 Ibid.

7 От 7. 1. 1929.

8 По OM 9 (1. 1929) 52.

на тот же манер, как употребляются прописные буквы в французском, английском и прочих языках. Правила интерпунктуации будут разработаны специально создаваемой комиссией; для «больших начальных букв» его величество пожелало устроить публичный конкурс и установило для этой цели три премии для первых трех победителей в сумме 100 египетских лир[1] первому, пятидесяти — второму и двадцати пяти — третьему. Все участники конкурса должны представить прописные буквы, которые будут найдены подходящими [che giudicherà opportune], с образцами, показывающими их употребление совместно с другими буквами. Работы соревнующихся будут приниматься до 1 декабря 1929 года. Они должны быть в запечатанном конверте с надписью Конкурс на большие буквы и направляться в секретариат личной канцелярии (dā'ira xāṣṣa) его величества». Для рассмотрения поступивших предложений в 1930 г. была создана специальная комиссия, в соответствии с выводами которой министерство общественного просвещения издало 26 июля 1930 г.[2] нижеследующий декрет о введении прописных букв и знаков препинания.[3]

«Египетское правительство. Мин. нар. просвещения. Министр просвещения — по ознакомлении с приказом его величества короля, сообщающим, что высочайшее желание его величества направлено к тому, чтобы было создано всеобщее соревнование для изыскания форм букв алфавита, которые бы имели тот же эффект, как большие буквы чужих языков и как можно больше были бы похожи на обычные буквы, а также, чтобы были изложены случаи, в которых большие буквы найдут применение в шрифтах nasx и ruqʻa и чтобы знаки препинания были введены в арабское письмо; по ознакомлении с постановлением арбитражной комиссии, созванной по воле его величества короля, чтобы вынести решение по соревнованию относительно больших букв; и по ознакомлении с решением комиссий, созванных министерством просвещения с целью установления знаков препинания и для всеобщего распространения больших букв и случаев их применения; и по ознакомлении с формами букв в nasxī и ruqʻa, на которые пал выбор, — постановил нижеследующее: § 1. Прописные буквы, показанные в приложении № 1, называются коронными буквами (ḥurūf at-tāž), принимая во внимание фигуру, которая насаживается на обычные буквы, равно как и потому, что они были установлены во исполнение воли короны. § 2. Знаки

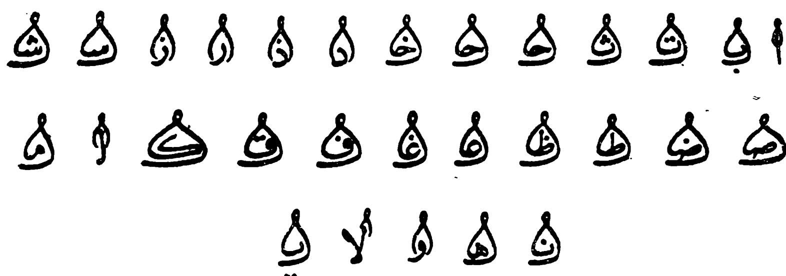
[1] Около 1000 рублей золотом.

[2] 30 Ṣafar 1349 г.

[3] На основании немецкого перевода в Isl 5 (1932) 359—62 и извлечений в OM 11 (12. 1931) 617—8.

препинания (ʿalāmāt at-tarqīm) и случаи их применения определяются соответственно изложенному в приложении № 2. § 3. Коронные буквы употребляются в случаях, приводимых в приложении № 3. § 4. Министерство просвещения воспользуется всеми средствами, чтобы повсюду распространить применение коронных букв и знаков препинания и чтобы обеспечить всё, что окажется нужным для введения их в жизнь: включение их в учебные планы школ, ознакомление публики с их достоинствами, способствование их применению в типографиях. — Издано 30. Ṣafar 1349.

Приложение № 1. Коронные буквы в печатном шрифте nasxī:

То же в рукописном курсиве ruqʿa:

Приложение № 2. Знаки препинания: 1. al-faṣla — запятая — ،. 2. al-faṣla al-manqūṭa — точка с запятой ؛. 3. al-waqfa — точка — .. 4. an-nuqṭatān — двоеточие :. 5. ʿalāmat al-istifhām — вопросительный знак ?.[1] 6. ʿalāmat at-ta'aṯṯur — восклицательный знак — !. 7. al-qawsān — скобки — ( ). 8. ʿalāmat at-tanṣīṣ — ковычки — " ". 9. aš-šarṭa — тире —. 10. ʿalāmat al-ḥaḏf — многоточие —...[2]

Приложение № 3. Коронные буквы употребляются в следующих случаях: 1. В начале каждого слова оглавлений и заголовков, напр. в оглавлении книги Kitāb Al-aγānī как k, так и ' [определенного члена] должны снабжаться короной. 2. В начале самостоятельной фразы, т. е. такого слова, с которого начинается речь, равно как в начале цитаты (tanṣīṣ)

[1] Так на снимке в ОМ; в Isl же приводится обычный нынешний арабский вопросительный знак ؟.

[2] Следуют правила употребления знаков препинания, которые в основном соответствуют практике западных языков, находясь под сильным влиянием французского usus'а.

в прямой речи; после точки, вопросительного знака, воскицательного знака и двоеточия. 3. В начале имени собственного, как простого, так и сложного, будь это сознательное или бессознательное существо, исключая случая, когда имени собственному предшествует одна из частиц, которые связываются [в письме] с следующим словом.[1] В этом случае как частица, так и имя собственное пишутся как обычно, напр. fa-muʒammad.[2] 4. Если имя собственное выражается посредством эпитета (ṣifa), замещающего его, так что обязательное упоминание имени собственного становится ненужным, то первая буква эпитета пишется в виде «коронной буквы», напр.

قرر عاهل مصر الأكبر ..:
يحى الملك !

О мотивах, которыми руководствовалось египетское правительство при введении прописных букв, поветствует специальная брошюра, изданная летом 1931 г., где имеется также текст декрета и образцы нового шрифта.[3] «С того времени как турки отказались от арабского письма, ему стала угрожать опасность исчезновения. Это вызвало движение к реформе его, с тем, чтобы его обновить, не отрывая от культурного прошлого». О тех же мотивах говорил Hafiz Afifi Pacha в своем докладе на 18-м конгрессе ориенталистов в Лейдене.[4] По его словам, «перевод арабского языка на латинизацию наталкивается, благодаря специальному характеру семитских языков, на непреодолимые препятствия. К тому же латинский язык не обладает никакими эквивалентами для большого числа согласных, употребляемых в семитских алфавитах. Более просто, поэтому, стараться заполнить пробелы арабского письма путем проведения серии частичных реформ».

Еще до того, как декрет был опубликован, Jūsif Yaṣṣūb в al-Mašriq'е довольно осторожно высказывался о прописных буквах. «При нынешних условиях будет затруднительно включить их в арабский алфавит, в виду

[1] Имеются в виду однобуквенные частицы вроде fa, wa, bi и т. д.

[2] Авторы декрета не заметили, насколько изложенное противоречит правилу ставить прописную букву в начале названий, имеющих перед собой определенный член, ср. Kitāb Al-aɣānī (выше, п. 1) и Al-malik (ниже, п. 4).

[3] Wizārat al-maʕārif al-ʕumūmīja. Ʒurūf at-tāž wa-ʕalāmāt at-tarqīm wā mawāḏiʕ ʾistiʕmālhā. — Miṣr, Maṭb. malikīja (1931) 17 p. lith. Cp. J. Lecerf||BEOIF 1 (1932) 192; H. Kofler||Isl 5 (1932) 354-6; N.||OM 11 (12. 1931) 617-8.

[4] Afifi-Pacha Hafiz. Les lettres de la Couronne; l'introduction de lettres majuscules et de signes de ponctuation dans l'écriture arabe||Actes du XVIII-e congrès international des orientalistes (Leide, 7. — 12. 9. 1931) 228-9.

того, что буквы связываются друг с другом и из-за различия их формы и размера. Тем более, что эти большие буквы у романских народов не имеют твердой формы, и всякий делает их по вкусу, так что они каждый раз бывают различных размеров и форм, становясь самостоятельными буквами».[1] Обнародование декрета вызвало критику в оппозиционных египетских газетах, как и вне Египта. ʿAbd-al-Qādīr aš-Šihābī «официальный каллиграф палестинского правительства» в письме в яффскую газету «Filastīn» указывает, что он уже в прошлом критиковал прописные буквы, одобренные на конкурсе, как определенно не соответствующие правилам арабской каллиграфии. Он полагает, что египетское правительство, обсуждая вопросы арабского письма, в которых заинтересованы не одни только египтяне, должно было созвать конгресс экспертов изо всех арабских стран, чтобы решить, какие формы [букв] следует избрать. Это тем более было необходимо, что Египет находится в авангарде арабской культуры, и арабские книги и журналы, напечатанные в Египте, распространяются по всему арабскому миру. Египетские типографии, по мнению aš-Šihābī, получат тяжкий урон от введения названных прописных букв, вследствие утраты покупателей на арабском Востоке.[2]

Иную позицию занял орган арабской Академии наук в Дамаске, где в статье Ḥabīb'а Yazāla разбираются доводы pro e contro.[3] Два аргумента обычно выдвигаются против прописных букв: во-первых, находят, что они слишком резко отличаются от обычного арабского шрифта, отчего страдает эстетическая сторона дела; затем высказывается мнение, что новые буквы нерациональны, так как, будучи фактически ненужными, они лишь усложняют и без того трудный арабский набор. Не вдаваясь в критику первого возражения, которым следует заниматься лицам, компетентным в вопросах искусства, Yazāla полагает, что бесполезными назвать прописные буквы никак нельзя. Они, прежде всего, должны служить для выделения имен собственных, в чем уже давно ощущается потребность. Увеличение набора при этом, правда, неизбежно, но в сравнении с существующей наборной кассой, новые буквы окажутся лишь незначительным процентом. Если уж поднять вопрос об упрощении набора, то лучше всего руководствоваться проектом Комиссии по реформе и улучшению арабских букв, существовавшей в 1903 г. при национальной типографии в Булаке.[4]

1 Ma 28 (1.1930) 29—30.
2 Filasṭīn от 13. 10. 1931 [по ОМ 11 (12. 1931) 618].
3 Yazāla Ḥabīb. Ḥurūf at-tāǧ wa ʿalāmāt at-tarqīm || RAA 12(1.—2. 1932) 21—5.
4 См. выше, стр. 130.

Другие предложения, как, напр., проекты несвязанных букв, Yazāla считает заранее обреченными на неудачу, равно как и всякие попытки латинизации.

В Западной Европе египетское нововведение было принято не особенно сочувственно. Руководящий журнал итальянских востоковедов «Oriente Moderno», давая краткий обзор истории введения прописных букв, воздерживался от всяких комментариев.[1] Зато определенно отрицательную оценку получил новый проект в статье Hans'а Kofler в немецком журнале «Islamica».[2] Kofler указывает, что в шрифте ruqʿa, который обычно допускает лигатуры в большом количестве, корона надписывается отдельно, так что писец должен прервать писание или, по окончании слова, вновь возвращаться к началу его. Это обстоятельство может стать большим препятствием к введению и укреплению новых знаков. Общий вывод его неутешителен: «Друг восточных культур..., ровно как и ученый ориенталист найдут в «коронных буквах» лишь некрасивое нарушение этого столь гармонично-декоративного письма и тем более сожалеет о новшестве, что достоинства «коронных букв» весьма сомнительны».

Насколько мало декрет египетского правительства отвечает запросам жизни, видно хотя бы из того, что, несмотря на обязательность его для школ с начала 1931/32 учебного года,[3] новые буквы еще нигде в печати не применялись.[4] Это обстоятельство лучше всего показывает беспочвенность и полный провал дорого стоившей затеи. Вопрос же о латинизации попрежнему стоит в центре внимания арабской общественности. Когда в Каир прибыл упоминавшийся раньше иракский лингвист Anastās al-Karmalī, редакция журнала «al-Hilāl» провела анкету среди трех лингвистов-арабов: названного Karmalī, Muẓammad'а Masʿūd и Muẓammad'а Farīd Waždī, опубликованную в «al-Hilāl» в конце минувшего года.[5] По мнению Anastās'а al-Karmalī отказаться от арабских букв не следует во избежание разрыва с культурным прошлым.[6] Но так как существующая орфография не гарантирует от ошибок в чтении слов, то необходимо ввести знаки для гласных, которые бы писались в ряд с согласными, именно: перечеркнутые

[1] N. Le maiuscole ed i segni d'interpunzione stabiliti per l'arabo dal Governo Egiziano || OM 11 (12. 1931) 617—8.

[2] Kofler Hans. Ein Erlass des ägyptischen Unterrichtsministeriums zur Reform der arabischen Schrift || Isl 5 (1932) 354—62.

[3] См. OM 11 (12. 1931) 617.

[4] По крайней мере среди поступающих в Институт востоковедения АН египетских газет и журналов прописные буквы оказались всего лишь в одном объявлении — клише, да на снимке грамоты — ответа на тронную речь, помещенного в Hi 41 (2. 1933) 439.

[5] Hal janbayī taγjīr al-ẓurūf al-ʿarabīja || Hi 40 (8. 1932) 1385—9.

[6] Ср. выше, стр. 145—7, его мнение в LA 7 (3. 1929.) 251-4.

ا, و и ۓ для кратких a, u, i, напр. ياجليسو = يجلس; тенвин должен писаться в соответствии с произношением, напр. عاليمان = عالماً (но فتى, عصا будут فاتاى, عاصاا). Помимо этого рекомендуется ввести для гласных европейских языков (французских) следующие знаки: опрокинутый wāw для o, напр. بٜر = port; наклонный алиф для e, напр. ب/ر = père; арабскую семерку для французского u, напр. بVر = pur, и даже ٜو для eu: برٜو = preux. Таким образом можно будет «передавать в письме любой гласный из любого языка, а арабский студент будет в состоянии читать любой текст, не будучи вынужденным прибегать к справочникам». — Muẓammad Masġūd отрицательно смотрит на все проекты реформы арабской орфографии, считая, что существующее арабское письмо в комбинации с надстрочными и подстрочными знаками — которые он сравнивает с французскими акцентами — является идеальным, объединяя в себе обычное письмо и стенографию и обладая гибкостью, недоступной европейским языкам. Проект Anastas'ā al-Karmalī Masġūd оценивает как ненужное подражание европейцам, которое будет иметь своим последствием удвоение объема печатных изданий, вызовет необходимость в переносе слов и явится покушением на неизменность текста Корана. Если же последний писать по старому, то возникнут разные орфографии для гражданских и религиозных целей, с последующим отрывом религии от жизни. Предлагаемые al-Karmalī знаки для передачи иностранных гласных также не встречают одобрения Masġūd'а. Нет нужды вводить в арабскую орфографию знаки для чужеязычных гласных, подобно тому как европейцам не приходит в голову завести у себя буквы для передачи специфических арабских согласных. — Muẓammad Farīd Waždī характеризует положение с арабской орфографией как «несчастье». Арабская орфография совершенно не соответствует фактическому произношению; научиться правильно писать исключительно трудно. В результате этого разрыва «слова испортились и правильное произношение их стало невозможным». Существующая система вокализации на практике — помимо коранов — не применяется: печатание огласованных текстов потребовало бы удвоения числа наборщиков и корректоров и повлекло бы за собой массу опечаток. Waždī ссылается на свою статью в газете «al-BalāY», где он протестует против приписываемого ему намерения заменить арабское письмо европейским. Его цель — побудить египетскую общественность заняться реформой арабской орфографии и создать комиссию из специалистов-лингвистов для выработки системы письма, более соответствующей арабскому языку. Под последним Waždī понимает классический язык,

который необходимо сделать более доступным, «чтобы не расширить расстояние между народным языком и ним». В заключение Waždī резко отзывается о своих противниках, называя их шпионами (mutaraṣṣidūn) и особенно негодует на обвинение его в вероотступничестве. «Народы охраняют свою старину до известной границы, а дальше охранение превращается в свою противоположность . . . и если нужда потребует исправление его [старого] и замены другим, следует быстро действовать и взять полезное, а остальное бросить».

Несмотря на кажущиеся противоречия, у трех вышеназванных ученых нет принципиальных расхождений. Все они стоят на почве классического языка и разница между ними лишь в формальном подходе. И тут наиболее последовательным оказывается консервативный Masɛūd. В самом деле, литературный арабский язык, благодаря тому, что он непонятен широким массам населения, объективно стал в руках господствующих классов средством для сохранения монополии на образование; сделать его общедоступным и популярным значило бы лишить его своего raison d'être. Отсюда враждебное отношение к латинизации со стороны правящих кругов арабского мира. И из этого же следует, что если арабы когда-либо станут писать латинскими буквами, то это будет проведено в жизнь теми, кто действительно заинтересован в поднятии культурного уровня широких масс арабского населения и на том языке, который этим массам понятен.[1]

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИНДЕКС ИМЕН

[1] Уже после того как настоящий этюд был набран, появилась статья Ṭāhir'a Aʒmad'a aṭ-Ṭanāʒī: Hal jumkin iṣlāʒ al-ʒurūf al-ɛarabīja? Istiɛrāḍ wa naqd. || Hi 42 (1933 - 4) 829—33. В ней, после краткого обзора истории арабского письма дается оценка трех проектов реформы арабского алфавита. Предложение Aʒmad Luṭfī-Bey'a (выше, стр. 129) автор отвергает, считая что оно губит красоту арабского письма, удлиняет слово и не дает возможности соблюдать многие правила грамматики (напр. пропуск одного из коренных в условном наклонении пустых и недостаточных глаголов). Проект al-Karmalī передавать краткие гласные через перечеркнутые ا, و, ى (выше, стр. 155—6) также подвергается критике, как неэкономный в отношении времени и типографских расходов. Третий проект рекомендовал обозначать фатху через ٮ без точки, кесру через ى с тремя точками под ним, дамму через ڡ с тремя точками над ним, удвоение посредством отвесной черточки над данным согласным. Опровергать этот проект aṭ-Ṭanāʒī не считает нужным. Вывод его: все выдвинутые до сих пор проекты реформы арабского письма — нецелесообразны. Иначе обстоит дело с заменой арабских букв латинскими: сама по себе она была бы полезной, но имела бы результатом забвение всей старой арабской литературы. Поэтому aṭ-Ṭanāʒī и против латинизации.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИНДЕКС ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

II. МАТЕРИАЛЫ И ОБЗОРЫ

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

Ново-арабская литература[1]

Ряд областей арабской литературы и письменности за последние десятилетия изучался настолько усердно, что многое напечатанное о них двадцать пять лет тому назад должно быть теперь дополнено или совершенно переработано. Более или менее систематическое изучение ново-арабской литературы началось только с этого времени; еще важнее то обстоятельство, что сама литература за этот период быстро развивалась и вызвала к жизни немало интересных и важных явлений. Понятно, что при общей характеристике всей духовной жизни мусульманского Востока этой стороне должно быть теперь посвящено больше внимания, чем в первых выпусках «Энциклопедии Ислама».

Конечно, теперь была бы еще совершенно неосуществимой попытка написать настоящую историю ново-арабской литературы; в данный момент возможно только характеризовать в основных чертах состояние разработки и очередные ее задачи.

1. Понятие. Хронологические и географические рамки

Все три слова в понятии «ново-арабская литература» требуют ближайшего определения. Когда мы говорим о древней арабской литературе, мы часто понимаем под этим, как и при средневековых литературах

[1] [Настоящая статья была написана по-немецки летом 1933 г. по просьбе редакции международной «Энциклопедии Ислама» для помещения в дополнительном томе; этим объясняется ее характер и построение На заседании группы востоковедов в сентябрьской сессии Академии Наук СССР мною было сделано сообщение об этой работе, причем некоторыми членами группы было высказано пожелание о напечатании работы и на русском языке. Для меня это представляется тем более желательным, что написанная мною статья значительно превзошла размер, определенный редакцией «Энциклопедии Ислама», и была опубликована без первой и четвертой глав. В дальнейшем я даю не столько перевод, сколько изложение немецкого оригинала с незначительными изменениями].

вообще, всю письменность: почти все истории арабской литературы включают такие отделы, как философия, точные науки и т. д. Было бы методически неправильным и в связи с быстрым развитием типографской продукции в XIX и XX вв. физически невозможным рассматривать все эти области как литературу в тесном смысле. Строго говоря, к новой литературе мы должны относить только такие произведения, которые в силу особенностей своей формы обладают свойством оказывать влияние не только на рассудок, но и на эмоцию, конечно, не исключительно эстетическую. К этим произведениям мы относим такие категории, как поэзию, роман (с новеллой), драму. Однако, в силу специфических условий развития арабских стран за последние два века, необходимо обратить внимание и на некоторые другие категории. Особенно излюбленными в современной арабской письменности являются Essays, большего и меньшего размера, которые иногда достигают высокой степени литературного совершенства. То же самое можно сказать про ораторскую прозу и публицистику. Для понимания современной литературной продукции и ее влияния на арабских читателей очень важна арабская критика, равно как и история литературы; обе категории за последнее время выдвинули серьезных представителей. Эти отделы не всегда можно относить к изящной литературе, но современная арабская без их упоминания окажется неполной. В противоположность этому, вся народная литература, которая во всех странах с арабским языком выражается в обычных, известных фолклористам формах, не может приниматься в расчет при изучении продуктов искусственной литературы. Она имеет не те корни, что эта отраженная в печати литература, и должна рассматриваться в другом окружении.

Выражение «арабская» сохраняет тот же самый смысл, как обыкновенно в старой арабской литературе: под этим словом мы понимаем не только то, что написано арабами, но и то, что написано представителями других народностей на арабском языке. Переводы могут быть причислены к этой литературе, конечно, только в том случае, если они имеют самостоятельное литературное значение;[1] исключаются также произведения арабов на других языках, хотя иногда они представляют большой интерес для суждения о всей идеологии.[2]

Ошибочно предполагать, что вся арабская литература нового периода и современности действительно нова. Наоборот, не в одной поэзии мы

[1] Как перевод Илиады Сулеймāна ал-Бустāнӣ.

[2] Как, например, французские сочинения Агӯба (1795—1832) или Шукрӣ Гāнима (ум. 1929); английские — Амӣна ар-Рейҳāнӣ (род. 1879) или Джебрāна Джебрāна (1883—1931).

встречаем старое содержание и формы; искусственная проза очень часто остается в рамках средневекового стиля. Достаточно взглянуть, например, не только на произведения ʿАбд ал-Ḳāдира ал-Джезā'ирӣ (1808—1883), но и на речи ʿАбд ал-ʿАзӣза ибн Саʿӯда (род. 1880) или многочисленные ḳасӣды в его честь, которые нередко появляются в мекканском официозе «Умм ал-ḳурā». Всю аналогичную продукцию невозможно включать в историю ново-арабской литературы; в ней можно иметь суждение только о том, что действительно ново по содержанию или по форме и композиции.

Для начала ново-арабской литературы мы располагаем твердой датой, которая имеет не только условное значение: первая половина прошлого столетия. После французской экспедиции (1798—1801) и укрепления власти Муḥаммеда ʿАлӣ (1769—1849) Египет вошел в близкие сношения с Европой, которые с той поры никогда уже не прерывались. В этом периоде Сирия, благодаря новым школам, пошла по тому же пути, и с той поры обе страны (особенно Египет) стоят во главе литературного движения. Другие области с населением, говорящим по арабски, присоединились к движению значительно позже: только незадолго перед мировой войной Месопотамия и, несколько слабее, Тунисия были затронуты новыми литературными течениями. Развитие Ирака после войны пошло в этом отношении очень быстро вперед. Что касается других стран (Алжирии, в особенности Марокко, и главнейших областей Аравии), то наши сведения, к сожалению, слишком недостаточны, но, судя по всему доступному материалу, можно заключить, что здесь везде господствует еще средневековая манера, и модернистские течения литературы только очень медленно прокладывают себе путь.

Некоторым своеобразным возмещением можем мы считать то, что ново-арабская литература имеет свои очаги не только в странах с арабским языком.

Во второй половине прошлого столетия Константинополь как столица Турецкой империи привлек немало арабских писателей старшего поколения; во главе их несколько десятков лет стоял оригинальный Аḥмед [Фāрис] аш-Шидйāḳ (1804—1887), редактор известнейшей в свое время газеты «ал-Джавā'иб».

Часто значительную роль играла Европа: нельзя забывать, что в Париже в 1884 г. Джемāль ад-дӣн ал-Афгāнӣ и Муḥаммед ʿАбдо основали «ал-'Урват ал-вуṯḳā», первый орган впоследствии столь важного модернистского течения в исламе. Особенно плодотворным оказалось пере-

несение ново-арабской литературы эмигрантами в Америку: здесь (преимущественно в США) создалась своеобразная школа, которая не без основания известна как «сиро-американская».

Если мы, наряду с этими широкими географическими рамками, упомянем еще особенную быстроту развития ново-арабской литературы, то станет ясно, что написать очерк литературы, который был бы доведен до сегодняшнего дня, соершенно невозможно. Нашей конечной датой является в общем начало 30-х гг.

II. Общий обзор. Факторы развития. Периоды

Было бы нетрудно установить некоторые следы литературного возрождения раньше, чем в начале XIX в., но обыкновенно это только отдельные факты, которые говорят скорее о стремлении возродить старые языковые дисциплины, чем об оживлении литературы. В Сирии, у христианских меньшинств, которые находились в тесной связи с Римом и Константинополем, мы находим собственную литературную школу, которая концентрировалась около маронитского епископа Алеппо Германа Фарх̣а̄та (1670—1732). Совершенно иначе и гораздо сильнее испытывали арабы европейское влияние после французской экспедиции. Какие стороны производили наиболее сильное впечатление на фантазию, можно видеть по описанию первой типографии у ал-Джабартӣ (1756—1825), или первой европейской читальни у будущего ректора ал-Азхара Х̣асана ал-ʽАт̣т̣а̄ра (1766—1834). Уже эти примеры говорят о некоторых факторах, оказывавших свое действие при создании ново-арабской литературы. Возникали новые школы: в Египте — основанные Мух̣аммедом ʽАлӣ, главным образом для изучения медицины и технических наук, но также и переводческого искусства; в Сирии — руководимые разнообразными европейскими и американскими миссиями или созданные по их образцу, как первая «национальная» школа Бут̣руса ал-Буста̄нӣ (1819—1883). Много перемен испытали эти школы в течение XIX в., но теперь арабские страны обладают солидным рядом школ высшего типа, которые прямо или косвенно оказывают большое влияние на развитие новой литературы, как Université St. Joseph или American University в Бейруте, Université Egyptienne в Каире. Дополнением к школам служили образовательные путешествия и экспедиции в Европу. Первой экспедицией такого рода мы можем считать ту, которая была отправлена Мух̣аммедом ʽАлӣ и от которой осталось очень интересное описание, составленное членом ее Рифа̄ʽа ат̣-Т̣ахт̣а̄вӣ (1800—1873),

впоследствии деятельным переводчиком и одним из видных представителей нового направления. В начале XX в. эти поездки с образовательной целью приняли планомерный характер; их значение для всей арабской литературы легко оценить по ежегодным почти диссертациям молодых арабских ученых (главным образом во французских университетах). Кроме типографии, которая в Сирии была известна с начала XVIII в., но не имела большого значения, французская экспедиция познакомила Египет еще с одним, до тех пор неведомым элементом — периодической прессой. Только в 1828 г. возобновленная Мухаммедом ʻАлӣ, она оказала в высшей степени сильное влияние на все развитие новой литературы: некоторые жанры литературы были совершенно переработаны прессой, другие вызваны впервые ею из небытия к жизни. С типографией тесно связана оживленная переводческая работа, первоначально преимущественно в области научной литературы (особенно в Египте), позже чисто художественной. Можно с уверенностью сказать, что насколько произведения Ибн-ал-Муḳаффы или ал-Джāхиẓа не могут быть представлены без деятельности переводчиков аббасидской эпохи, настолько же и ново-арабская литература была бы невозможна без переводчиков XIX в. Благодаря типографии, классическая литература впервые в широком масштабе стала доступной для всех читающих. Серьезное занятие ею на основе новых методов особенно характерно для последних десятилетий. Оно показало, что не все старое бесполезно для органического построения ново-арабской литературы; наоборот, многое должно быть переработано. Библиотеки, которые были основаны по европейскому образцу, облегчают систематическую работу над старыми памятниками. Как периодическая пресса, так и различные кружки и общества — научные, политические и литературные, которые стали постепенно со средины прошлого века возникать во всех странах, имели для литературы очень большое значение. Ораторская проза вырабатывалась особенно здесь. Не так велико было влияние театра. Выросший в 50-х гг. на основе любительских опытов, он только в XX в. стал важным литературным явлением и вызвал к жизни серьезных драматургов и критиков. Переменчивая судьба арабов в XIX—XX в., разнообразные экономические и политические причины придали арабской эмиграции совершенно исключительное значение. Эмиграция как бы сопровождает ново-арабскую литературу с самого ее зарождения до наших дней. Уже после французской экспедиции некоторые арабские семьи должны были покинуть Египет и переселиться во Францию, как Михаил аṣ-Ṣаббāг (1784—1816) или Илья Боḳṭор (1784—1821). Многие из этих эмигрантов были преподавателями арабского языка в выс-

ших школах Европы, как позже Шейх Тантави (1810—1861) в С.-Петербурге. Так как ново-арабская литература тогда еще только зарождалась и не встречала интереса со стороны европейских арабистов, то их деятельность направлялась преимущественно на классические памятники. Однако, когда после 70-х гг. значительно более сильная волна эмиграции (особенно из Сирии) захватила не только Европу, но и обе части Америки, это движение для ново-арабской литературы имело решающее значение: появилось новое поколение писателей, которое еще и до настоящего времени не сошло со сцены.

Благодаря этим разнообразным факторам, вся история ново-арабской литературы тесно связана с историей европейского влияния. Особенно отчетливо при этом выступают два явления: борьба старых и новых идеалов и проблема новой литературной техники. Эта борьба на литературной почве приобретает различные аспекты и проходит различные стадии, испытывая многообразные колебания в разные периоды. Более отчетливо можно выделять три направления: 1) протест против всего нового и стремление замкнуться в старых рамках, оживив их, 2) поверхностное подражание старым образцам и идеям с презрительным отношением ко всякой арабской древности, 3) попытки органической переработки здоровых зерен арабской литературы с привлечением европейских методов и всех достижений духовной культуры. Все три направления продолжают параллельно существовать и до настоящего времени, однако, последнее находит все больше и больше приверженцев.

Политические судьбы арабов в XIX—XX вв., конечно, оказывали сильное влияние на литературу. История этого периода — история постепенного отделения от Турции как политического, так и духовного, а параллельно с этим пробуждения арабского национализма, который в отдельных странах проходит различные этапы. В последнее время мы замечаем даже дальнейшее развитие этого национализма в сторону известного партикуляризма отдельных областей; на литературной почве это направление наиболее сознательно культивируется в Египте (в так называемом движении «тамсӣр ал-āдāб» — египтизация литературы).

Разграничить арабскую литературу XIX в. на точные периоды достаточно трудно. Литературная продукция сама по себе до 80-х гг. скорее незначительна, имена отдельных писателей часто забыты самими арабами. Их произведения важны только для их эпохи, так как они отражают идеи и проблемы только своего времени; теперь они имеют только чисто историческое значение. Эту эпоху можно скорее назвать эпохой просветительства,

чем эпохой литературного творчества. Этот период мы можем продолжить до 80—90-х гг., когда первое поколение «просветителей» и «окциденталистов» покидает сцену. Сирия и Египет работали тогда без тесного контакта: в научной области более создал Египет, в лингвистической и литературной — Сирия. В обеих странах мы встречаем ряд достойных фигур, как Бутрус ал-Бустāнӣ в Сирии, Рифā'а ат-Тахтāвӣ, 'Алӣ Мубāрак (1824—1893) или 'Абдаллāх Фикрӣ (1834—1890) в Египте. Для неарабских стран в этом периоде характерны такие имена как Ахмед аш-Шидйāк. Тогда же была создана периодическая пресса и постепенно выработался журнальный стиль. 60-е гг. произвели сильные изменения в обоих очагах ново-арабской литературы. Дамасские события 1860 г. и автономия Ливана, с одной стороны, открытие Суэцкого канала (1869), позднейшая революция 'Арāбӣ паши (1882) с последовавшей оккупацией Египта, с другой, изменили и пути литературы. Сирийская эмиграция в Египет принимает большие размеры, и к 90-м годам почти вся прогрессивная и влиятельная пресса оказывается в сирийских руках. Этот период продолжается до начала XX в.; наиболее характерными фигурами его являются Мухаммед 'Абдо (1849—1905) и Джирджӣ Зейдāн (1861—1914). Хотя первый сам и не принимал участия в изящной литературе, но его роль была очень важной: с ним мусульмане решительно перешли на путь модернизма, и литературное движение распространилось гораздо сильнее в широких кругах читающей массы. Политические и социологические вопросы находят все больше и больше отражения в литературе: в 80-х гг. появляется такой писатель как 'Абдаллāх Недӣм (1844—1896), в 90-х — 'Абдаррахмāн ал-Кавāкибӣ (1849—1903); на рубеже столетия выделяются — «трибун Египта» Мустафā Кāмиль (1874—1908) и «освободитель женщины» Кāсим Амӣн (1865—1908). В этом же периоде окончательно дифференцируются некоторые жанры литературы (исторические романы Зейдāна), больше внимания привлекают вопросы литературного стиля, а в конце его близко подходит к этой проблеме Мустафā ал-Манфалӯтӣ (1876—1924).

Уже в первых десятилетиях XX в. выступает «сиро-американская» школа — быть может наиболее оригинальная в современной арабской литературе. Под руководством двух выдающихся лидеров Амӣна ар-Рейхāнӣ (род. 1879 г.) и Джебрāна Джебрāна (1883—1931) она концентрировалась особенно в Нью Йорке, около литературного кружка «ар-Рāбита ал-каламиййа», который возглавлял последний, и журнала «ас-Сā'их» (редактор 'Абд ал-Месӣх ал-Хаддāд). Ее главным отличием является смелый отказ от всей старомодной литературы с общепринятым стилем и определенно

выраженная склонность к высоко развитым формам прозаических Essays, равно как стихотворениям в прозе, культивируемым иногда до излишества. Многие из представителей этой школы приобрели почетную известность в арабских странах (даже таких, как Тунисия или ал-Хиджāз); кроме названных, заслуживают упоминания: критик, поэт и драматург Михаил Ну'айма (род. в 1889 г.), поэты Рашӣд Аййӯб (род. 1862 г.), Илья Абӯ Мāды̄ (род. 1889 г.), Несӣб 'Арӣдā и мн. др. Обособленное положение занимает сиро-американская школа в Бразилии, где она имеет скорее местное значение без ощутимого влияния на другие арабские страны; она чувствует преимущественную склонность к поэзии (Илйāс Фархāт, род. 1891 г., Рашӣд Селӣм Хӯрӣ, род. 1887 г., и др.). Интересные попытки Шукрӣ ал-Хӯрӣ (род. 1871 г.) применить сиро-арабский диалект для литературных целей не нашли серьезных подражателей. После войны сиро-американская школа утратила господствующее положение; большинство ее представителей постепенно теряли связь с сильно меняющейся жизнью в арабских странах; только некоторые правильно оценили громадные сдвиги и сумели найти им литературное отображение, главным образом, благодаря возвращению на родину (как, например, ар-Рейхāнӣ и Ну'айма).

Гегемония переходит теперь снова в Египет и концентрируется в школе так называемых египетских модернистов. Первые следы ее мы можем усмотреть около 1907 г. с основанием «народной» партии (Хызб ал-умма) и газеты «ал-Джерӣда» под редакцией Ахмеда Лутфӣ ас-Сеййида, впоследствии переводчика этики Аристотеля и ректора реорганизованного Египетского университета. В 1922 г. возник новый орган этой группы газета «ас-Сийāса» под редакцией Мухаммеда Хусейна Хайкаля (род. в 1888 г.), одного из наиболее популярных современных журналистов. Основным отличием этих литературных модернистов является углубление понятия литературы и серьезные требования к ее представителям. В противоположность сиро-американской школе, они проявляют большой интерес к классической арабской литературе и уделяют особенное внимание критическим и историко-литературным исследованиям. В их произведениях мы впервые встречаем вместо арабского национализма сознательно проводимую идею специфически египетского патриотизма. В изящной литературе для этих кругов особенно характерно культивирование так называемой «египетской новеллы». Благодаря широко распространенной прессе и не малому числу талантливых представителей, эта литературная школа встретила живой отклик и нашла ревностных сторонников, равно как и подражателей, в других арабских

странах. Вторично в истории ново-арабской литературы Египет стоит во главе литературного движения, теперь значительно тверже, чем в конце прошлого столетия.

III. Отдельные жанры

А. Поэзия

Как в древне-арабской, так и в ново-арабской литературе поэзия остается наиболее распространенным и наиболее консервативным жанром литературы. Во всех арабских странах мы встречаем бесчисленное множество поэтов, но история поэзии в XIX—XX вв. представляет в сущности только историю оживления старой поэзии в изменившихся условиях. Известный прогресс можно видеть только в переходе от подражания поэзии эпохи упадка к подражанию ал-Мутанаббӣ, а позже аббасидским и даже доисламским поэтам.

Для Сирии главную роль сыграла здесь деятельность На̄сӣфа ал-Йа̄зыджӣ (1800—1871), строгого консерватора в поэзии, но большого мастера языка. В других кругах отчетливо сказывается европейское влияние, как, например, у жителя Алеппо Франсӣса Марра̄ша (1836—1873), который старался проводить философские и социологические идеи в своих пессимистических стихах. Для Египта период оживления старой поэзии наступил несколько позже, с Маҳмӯдом Са̄мӣ ал-Ба̄рӯдӣ (1839—1904) и Исма̄ʽӣлом Ṣабрӣ (1854—1923); их стихотворения совершенно в стиле аббасидской и старой поэзии, часто с точным указанием перерабатываемых оригиналов. Несколько живее произведения обоих наиболее знаменитых поэтов современного Египта Аҳмеда Шауḳӣ (1868—1932) и Муҳаммеда Х̱а̄фиẓа Ибра̄хима (1871—1932). Первый до войны был типичным придворным поэтом (*ша̄ʽыр ал-амӣр*), большим мастером поэтического языка, но совершенно застывшим в старых формах; после войны его популярность как «эмира поэтов» (*амӣр аш-шуʽара̄'*) еще больше возросла во всех арабских странах. В последние годы он пытался создать арабскую трагедию. Х̱а̄фиẓ Ибра̄хӣм, происходивший из простонародия, чувствовал большую любовь к политическим и социальным темам; в форме он следует старым образцам. Большой талант выказывает третий известный поэт Египта Х̱алӣль Муṭра̄н (род. ок. 1871 г. в Баʽаль-беке в Сирии), главным образом в небольших лирических и повествовательных произведениях, в форме которых (особенно в системе рифмы и метрах) он обнаруживает большую свободу и разнообразие. Из младшего поколения многие писатели имеют печатные диваны, которые часто не лишены

интереса (ʻАббā̄с Махмӯд ал-ʻАккāд, Ибрāхӣм ʻАбд ал-Кāдир ал-Мāзинӣ, Ахмед Михрем, Ахмед Рāмӣ, Мустафā ар-Рāфиʻӣ, Ахмед Несӣм и др.). В последнее время особенной популярностью пользуется Ахмед Зекӣ Абӯ Шāдӣ, но к кому перейдет в Египте гегемония после Шаукӣ и Ибрāхӣма, еще трудно сказать.

Очень оригинальную картину представляет поэзия Ирака в XIX—XX вв. Старая традиция сохранялась здесь в городах, как Багдад или Мосул, и всегда имела своих представителей, как ʻАбд ал-Гаффāр ал-Ахрас (1805—1874) или ʻАбд ал-Бāкы̄ ал-ʻУмарӣ ал-Фāрӯкӣ (1789—1861). Известную роль играл и род ал-Āлӯсӣ. Но кроме этого, в «святых городах» ан-Неджеф и Кербелā продолжала культивироваться в шиитских кругах аббасидская и даже чисто-бедуинская поэзия; эта школа стала известна благодаря изданиям Ахмеда ʻĀрифа аз-Зейна, заслуженного лидера шиитской общины в Сайдā (Сирия). Наиболее известным представителем этой школы был Ибрāхӣм ат-Табāтабā'ӣ (1832—1901). И в Ираке новоарабская поэзия началась с возрождения классической, в особенности благодаря стихотворениям ʻАбд ал-Мухсина ал-Кāзимӣ (род. в 1865), который с конца прошлого столетия живет в Египте и свои «муʻаллаки» посвятил новейшим событиям египетской истории. Поэтами нового направления мы в особенности можем считать двоих – Джемӣля Сыдкӣ аз-Захāвӣ (род. в 1863 г.) и Маʻрӯфа ар-Русāфӣ (род. в 1875 г.). Первый, проникнутый философскими тенденциями, очень свободно обращается с рифмой; он не боится следовать новым метрам и рифмам и даже пишет стихи с размером, но без рифмы (*шиʻр мурсаль*). Второй, оставаясь при старых формах, обладает талантом истинного поэта и в своих лирических произведениях, описаниях и социологических темах достигает высоких степеней совершенства. Оба хорошо известны далеко за пределами своей родины.

Поэзия в других арабских странах имеет главным образом только местное значение, хотя количественно очень богата. Из сирийских поэтов старый Селӣм ʻАнхӯрӣ (род. в 1855 г.) имеет некоторую связь с Египтом и проникнут новыми идеями, ʻЫ̄сā Искендер ал-Маʻлӯф (род. в 1869 г.) является типом поэта-ученого. Из младшего поколения целый ряд пользуется известностью в литературных кругах (Шефӣк Джебрӣ, Халӣль Мердем, Халӣм Даммӯс, Ахмед ʻУбейд, Мухаммед ал-Бизм, Мухаммед аш-Шурейкӣ, Мухаммед Сулейман ал-Ахмед с псевдонимом Бедевӣ ал-Джебель и др.). Ряд поэтов из Америки читаются и печатаются и в других странах, как, например, из США — Рашӣд Аййӯб, Илӣāс Абӯ-Мāды̄, из

Бразилии Рашӣд Селӣм Х̮ӯрӣ, Илйāс Фарх̮āт, Фаузӣ ал-Ма'лӯф (1899—1930). Почти во всех арабских странах встречаются интересные поэты, но они редко известны за пределами своей родины, как, например, в Тунисе Мух̮аммед аш-Шāзилӣ Х̮азнахдāр. Нельзя отрицать, что лирическая поэзия нового времени обнаруживает очень часто большое разнообразие, зрелое искусство и изысканность в технике, но крупные формы еще предстоит создать. Мастерской перевод Илиады Сулеймāна ал-Бустāнӣ (1904) вызвал только некоторые слабые попытки подражания; искусственная поэзия на диалекте (вместо литературного языка), как и раньше, служит почти исключительно целям юмора и сатиры (Ас'ад Рустум в Америке) часто с политической окраской (как 'Омар аз-Зе'енни в Сирии).

Б. Роман и новелла

Оба эти жанра возникли не из арабских корней (как мак̣āмы или рыцарские романы), а под прямым влиянием европейских литератур. Первым явлением, не всегда совершенным с литературной точки зрения, был исторический роман. Возникший в Сирии, в кругу ал-Бустāнӣ, он особенно культивировался его сыном Селӣмом (1848—1884) с определенно выраженными дидактическими целями. Выше стоит появившаяся в 1888 г. хроника Джемӣля ал-Мудаувара (1862—1907) из эпохи Хāрӯна ар-Рашӣда, хотя она преследует скорее антикварные, чем литературные задачи. Своего апогея исторический роман достиг в произведениях широко известного Джирджӣ Зейдāна (1861—1914). С 1891 года до самой его смерти арабская публика почти ежегодно получала новый роман из большой исторической серии. Будучи историком по своим склонностям, он хотел в этих романах преимущественно популяризировать историю и доставить понятное и занимательное чтение. Как чистый «просветитель», он чувствовал мало влечения к специфически литературным проблемам. Его произведения имели очень большой успех и создали эпоху в истории ново-арабской литературы. Отдельные попытки романа нравов или психологического (Са'ӣда ал-Бустāнӣ, Йа'к̣ӯба Ṣарруфа, Фарах̮а Анṭӯна и др.) на рубеже обоих столетий не могли соперничать с этим успехом; многие находятся под прямым влиянием Зейдāна и представляют более или менее удачные подражания. Что возможности развития исторического романа у арабов еще не исчерпаны, показывает произведение египтянина Мух̮аммеда Ферӣда Абӯ Х̮адӣда «Дочь мамлюка» (1926); оно относится к другому типу, чем романы Зейдāна, и в известных отношениях стоит на более высоком уровне.

В противоположность историческому роману, мелкая бытовая новелла выросла в Египте. Конечно, и в Сирии мы можем указать некоторые попытки, но такие образцы, как юношеские произведения Джебрӣна, представляют только пробы, к которым позже он сам не возвращался. И в Египте новелла прокладывала себе путь постепенно. В старшем поколении мы встречаем попытки использовать классическую форму маḳāм для функции социальной критики. Интересное произведение в этом смысле представляет «Рассказ ʿӮсы ибн Хишāма», принадлежащий Муḥаммеду ал-Мувайлиḥӣ (ум. 1930 г.), сыну известного публициста, впоследствии эмигранта Ибрāхӣма ал-Мувайлиḥӣ (1846—1906); другие (ʿĀʾиши Теймӯр, Муḥаммеда Ḥāфиẓа Ибрāхӣма «Ночи Саṭӣḥа») были менее удачны. В маленьких рассказах, частью оригинальных, частью заимствованных, пробовал свои силы известный Луṭфӣ ал-Манфалӯṭӣ, однако они интересны скорее по своему красивому языку и плавному стилю, чем по содержанию и доведенному до крайности романтическому сентиментализму. Основателем египетской новеллы и творцом реалистических картин современной социальной жизни мы можем считать рано умершего Муḥаммеда Теймӯра (1892—1921). Одаренный несомненным литературным талантом, хороший знаток европейских литератур и в высшей степени тонкий наблюдатель, он создавал небольшие рассказы в стиле Мопассана и Чехова под поучительным названием «Что глаза видят». Дальнейший шаг представляют рассказы его брата Маḥмӯда Теймӯра (род. 1894), которые до сих пор составили пять томиков. Написанные в той же реалистической манере, как у брата Муḥаммеда, они обнаруживают большее разнообразие, более глубокий психологический анализ и еще более чистый и простой язык. Произведения обоих Теймӯров оказали сильное влияние на современное поколение писателей: жанр новеллы стал модным в современной литературе. Среди их современников мы можем назвать братьев ʿУбейд (умершего ʿӮсу с двумя сборниками «Иḥсāн хāнум» и «Сурайя», равно как Шиḥāту со сборником «Печальный урок») или Ṭāхира Лāшӣна, сборники которого «Ирония свирели» и в особенности «Рассказывают, что . . .» обнаруживают не малый юмористический дар. Показательно, что и в других арабских странах это направление новеллы нашло ревностных сторонников, часто под египетским влиянием. В Ираке уже по меньшей мере два писателя известны за пределами своей родины: Маḥмӯд Аḥмед (автор большой новеллы «Ḫāлид» и сборника «Авангарды») и Анвар Шāʾуль (сборник «Первая жатва»). Одновременно с Египтом или даже раньше возникла новелла в Америке; особого упоминания заслуживает здесь ʿАбд ал-Месӣḥ Ḥаддāд, с небольшими, чисто фотографического типа, полными

юмора рассказами из арабской жизни в Америке, которые возникли по инициативе Джебрāна; Михаил Ну'айма в своих психологических новеллах уделяет много места глубокому анализу не без влияния русской литературы XIX в.

Если мы можем теперь сказать, что новелла в ново-арабской литературе нашла правильные пути и достигла известного расцвета, то для большой формы романа в противоположность этому приходится отметить только отдельные удачные попытки, но не оформившееся движение. Хорошее начало представляла здесь большая новелла «Зейнаб» (1914) известного теперь журналиста Мухаммеда Хусейна Хайкаля (род. 1888 г.). Содержание ее взято из деревенской жизни Египта; по языку, стилю и всей трактовке она представляла нечто совсем новое и свободное от всего искусственного, однако прошла достаточно незамеченной. В стиле семейной хроники написана большая новелла «Дни» (1927) известного ученого Ṭāхā Хусейна (род. в 1889 г.); она рисует детство слепого египетского мальчика в маленьком городке на Ниле и заслуживает полного внимания не только как живое изображение действительной жизни, но и как мастерское литературное произведение с точки зрения языка, стиля и композиции. Широко задумана трилогия Тауфӣка ал-Хакӣма «Все в одном»; до сих пор появилась средняя часть «Возвращение духа» (1933, написана в 1927 г.); она посвящена египетским событиям в начале 20-х гг. и производит хорошее впечатление по умелости рассказа, искусной композиции и ясному языку. Эти немногие примеры дают право питать надежду, что и роман в ново-арабской литературе скоро займет должное место.

В. Драма

Как роман, так и драма в ново-арабской литературе возникала не из местных корней (как, например, макāмы, теневой театр, религиозные мистерии шиитов).

Ежегодные празднества в европейских школах ввели в моду школьные представления; пьесы сочинялись обыкновенно учителями, их содержание заимствовалось или из библии, или из классической древности, позже из арабской старины. Не только христиане, но и мусульмане пробовали свои силы в этом направлении, как, например, в Сирии Ибрāхӣм ал-Ахдаб (1826—1891) с «Александром Македонским» или «Ибн Зейдӯном в Андалусии». Комедия нравов возникла тоже сравнительно рано под европейским влиянием. Сириец Мāрӯн Наккāш (1817—1855), благодаря своим путе-

шествиям в Италию, познакомился с пьесами Мольера и новым итальянским театром. Вернувшись на родину, он сочинил и поставил в любительских кружках (1847—1852) три комедии в стиле Мольера; содержание двух было заимствовано из современной сирийской жизни, одно из «1001 ночи». Они имели известный успех, но после его ранней смерти попытка осталась без продолжателей, если исключить некоторые менее удачные комедии Ṭаннӯса ал-Ḥурра (около 1860 г.). Двадцать лет спустя (около 1875 г.), уже в Александрии, была организована арабская труппа сирийцем Адӣбом Исḥāḳом (1856—1885) и братом покойного Селӣмом Наḳḳāшем (ум. 1884 г.). В это время репертуар все более и более склонялся к ложно-классической трагедии. Главные представители этого направления принадлежат все к тому же кругу Йāзыджӣ — Бустāнӣ. Одна из первых трагедий такого рода «Мужество и верность» была сочинена в стихах Ḫалӣлем ал-Йāзыджӣ (1856—1889); содержанием послужил один известный эпизод из доисламских легенд. Особенную плодовитость в этом направлении обнаружил племянник старого ал-Йāзыджӣ Неджӣб ал-Ḥаддāд (1867—1899), который оставил после себя до 16 драматических произведений. В большинстве случаев это свободные обработки пьес Корнеля, В. Гюго, Дюма, Шекспира, где не всегда легко узнать первоисточник. Ему же принадлежат некоторые оригинальные трагедии в том же духе, как «Саладин» или «Месть бедуина». До мировой войны его произведения оставались излюбленными пьесами арабского репертуара, хотя с европейской точки зрения они часто очень примитивны и малосценичны. Комедию нравов хотел оживить еще раз египетский писатель Муḥаммед ʽОс̱мāн Джелāль (1829—1898). Кроме трагедий Корнеля и Расина, переведенных им на литературный язык, он предпринял смелую попытку переделать Мольера на египетском диалекте на египетские нравы. Нельзя отрицать, что эта попытка была выполнена с некоторым талантом и искусством, но разговорный диалект на сцене для арабов нечто столь необычное, что его произведения были впервые исполнены только в 1912 г. Благодаря этим обстоятельствам, арабский театр до 20-х гг. питался преимущественно ложно-классическими пьесами, переводными и оригинальными в стиле Неджӣба ал-Ḥаддāда, который вызвал целый ряд менее талантливых продолжателей.

Новый период можно начинать, благодаря успехам уже упоминавшегося Муḥаммеда Теймӯра, с 20-х гг. Изучая с особой любовью театр, он много писал по теории и истории драматического искусства. Кроме монологов для сцены ему принадлежат четыре драматических произведения: две комедии, драма и оперетта. Не считая последней, действие

которой развертывается в Египте XVIII в., все другие имеют своим сюжетом египетскую современность. Особенную живость они приобретают благодаря обычному разговорному языку и основанной на большой наблюдательности сценичности. Они являлись в сущности первыми бытовыми комедиями из современной жизни и были встречены большим успехом. Независимо от Теймӯра, удачная попытка бытовой комедии с интересным психологическим и социологическим анализом принадлежит в Америке Михаилу Нуʻайме в драме «Отцы и дети» (1917), содержание которой взято из современной сирийской жизни. Принципиальное предисловие говорит, насколько серьезно автор относится к вопросам драматического искусства. Такие стремления позволяют ожидать для арабской драмы хорошего будущего. «Египетские драмы» Анṭӯна Йезбека, в особенности «Жертвы» (1925 г., тоже на разговорном диалекте), говорят о постепенном прогрессе в этой области. На рубеже 30-х гг. знаменитый поэт Аḥмед Шауḳӣ попытался еще раз оживить ложно-классическую трагедию; им написано несколько пьес в стихах с сюжетом из египетской и арабской древности (Клеопатра, Камбиз, Маджнӯн, повелительница Андалусии и др.); благодаря звучным стихам на чисто-классическом языке и до сих пор господствующему вкусу, они имели большой успех у арабской публики. В истории арабской драмы едва ли они представляют шаг вперед.

Для драмы, еще более чем для романа, приобретает особую остроту вопрос о языке диалога. Господствующее течение показывает, что литературный язык до сих пор твердо удерживает свои позиции, однако такие попытки, как Муḥаммеда ʻОс̱мана Джелāля или Муḥаммеда Теймӯра говорят о том, что здесь существуют немалые колебания. Нет недостатка и в теоретических обоснованиях необходимости ввести разговорный язык в литературу. Ожесточенная полемика встретила выступление Мāрӯна Гуṣна (род. 1881 г.) в Сирии; это показывает, что вопрос очень актуален, но еще далек от своего разрешения. Характерно, что новеллист Маḥмӯд Теймӯр, который в ранних изданиях своих произведений охотно пользовался разговорным языком, в поздних все более склоняется к литературному, хотя теоретически он сам признает возможность «египетско-арабского» языка в будущем. У романиста Тауфӣḳа ал-Ḥакӣма мы встречаем искусное сочетание: разговорный язык в диалоге, литературный в ремарках автора и в описаниях. Практика показывает, что для настоящего момента такой компромисс представляет, быть может, лучшее решение проблемы.

Г. Другие жанры

Специфические условия развития новой арабской литературы вызывают необходимость говорить о таких жанрах, которые обыкновенно не находят себе места при суждениях о так называемой «изящной» литературе. Особенное значение приобретает здесь периодическая пресса: она была очень важной школой не только для читателей, но и для писателей. Журнальные статьи постепенно вырабатывали раньше совершенно неизвестный публицистический стиль и являлись иногда стимулирующими и другие жанры. Они оказывали влияние на ораторскую прозу (политическую и другую); из них возникали критические и историко-литературные исследования, равно как разнообразные, очень излюбленные Essays, стоящие часто на границе стихотворений в прозе. Развитие этого публицистического стиля совершалось очень быстро. Если первая половина XIX в. не создала еще ничего замечательного, то деятельность ал-Бустāнӣ с его многочисленными периодическими органами оказала уже очень большое влияние. Из этой школы вышли такие разнородные журналисты, как пламенный оратор Адӣб Исхāқ (1856—1885) и более академически настроенный и пишущий Неджӣб ал-Хаддāд (1867—1899). Эмиграция в Европу оказывала свое влияние и вызвала много оригинальных фигур, как Ахмед аш-Шидйāқ или его противник Ризқаллāх Хассӯн (ум. около 1880 г.) и издатель классических произведений заслуженный Рошейд ад-Даҳдāҳ (1813—1889). Для Египта 80-е гг. знаменуют поворотный пункт. Восстание ʻАрāбӣ выдвинуло ʻАбдаллāха Недӣма, который в своих многочисленных, часто сатирически окрашенных, социально-политических органах нередко пользовался разговорным языком, так же, как и переселившийся во Францию Йаʻқӯб Санӯʻ (1839—1912), известный под именем «Шейха в очках». Эти же годы вызвали консолидацию школы Мухаммеда ʻАбдо, которая для Египта имела эпохальное значение. Из нее вышел и Саʻд Заглӱль (1859—1927), самый знаменитый политический оратор современного Египта, с которым в начале XX в. мог состязаться только основатель национальной партии Мустафā Кāмиль (1874—1908). Непосредственные продолжатели Мухаммеда ʻАбдо занимались почти исключительно специфически мусульманскими сюжетами, как экзегез и апологетика, не оказывая прямого влияния на литературное движение; это можно сказать даже о наиболее известном из них, консервативном Мухаммеде Рашӣде Ридā и о модернистски настроенном Мухаммеде Ферӣде Ваджди (род. в 1875 г.). Большее признание, как публицист, приобрел редактор «ал-Муаййада»

ʿАлӣ Йӯсуф (1863—1913); руководящую роль в известных кругах сохраняет друзский эмир Шекӣб Арслāн, который долгое время живет в Европе. Традицию сирийской школы в публицистике продолжал в Египте долголетний редактор «ал-Муктатафа» Йаʿкӯб Саррӯф (1852—1927) и много путешествовавший Сулеймāн ал-Бустāнӣ (1856—1925), известный переводчик Илиады; его книга о Турции дает лучшую картину социальных соотношений среди арабов до войны. Прямую противоположность его академическому стилю представляют статьи, Essays и стихи Валӣ ад-дӣн Йекуна (1873—1921), горячего сторонника турецко-арабского сближения, который в огненных словах и живых картинах рисовал свою ссылку в Турции во времена ʿАбд ал-Хамӣда и все противоречия мусульманского мира. Один из младших учеников Мухаммеда ʿАбдо—Лутфӣ ал-Манфалӯтӣ занял выдающееся положение своими попытками создать новый стиль. Он имел большой и заслуженный успех; в какой мере его многочисленные обработки европейских произведений служат правильному пониманию оригинала — другой вопрос. Особенную любовь к Essays и стихотворениям в прозе обнаруживает сиро-американская школа. Основателем обоих жанров здесь мы можем считать широко известного в арабском мире Амӣна ар-Рейхāнӣ. Он был первым, кто поднял их на большую высоту и создал широкую популярность; до сих пор он чувствует к ним влечение и даже в его позднейших книгах можно заметить следы этого. Почти исключительно этим двум категориям посвятил себя Джебрāн; даже его книги обыкновенно представляют сборники таких стихотворений в прозе или Essays, объединенных определенной темой или идеей. В позднейшей сиро-американской школе мы встречаем несколько большее разнообразие (как, например, у Михаила Нуʿаймы), однако Essays и стихотворения в прозе остаются попрежнему излюбленной формой. Эти Essays, конечно, с измененным содержанием, в значительной мере свойственны и школе египетских модернистов. Они указывают на особый интерес к вопросам историко-литературного, философского и социального характера; не безынтересно отметить, что почти все книги виднейших представителей этой школы (напр., Мансӯра Фехмӣ, род. в 1886 г., ал-ʿАккāда, Хайкаля, ал-Мāзинӣ, Селāме Мӯсы, род. в 1888 г. и др.), составились из статей в журналах и газетах. Это говорит о большой жизненности данной формы и еще раз указывает на сильное влияние периодической прессы в новой литературе.

При особых условиях арабской жизни в XIX в. вполне понятно, что женская литература заслуживает серьезного внимания. Писательницы выступают на литературную сцену позже (в особенности среди мусульман),

всегда остаются в значительном меньшинстве и очень часто действуют лишь в определенной сфере литературы. Нередко появляются и писатели, которые уделяют преимущественное внимание всем вопросам, связанным с женским движением. Первые писательницы появились тоже в Сирии, в нам известных кругах. Это были Варда ал-Йа̄зыджӣ (1838—1924), популярная в сирийско-египетских кругах, главным образом, как поэтесса, и Марьяна Марра̄ш (1848—1922), первая женщина, которая решилась выступить в периодической прессе. В мусульманских кругах то же значение, как первые две, имела ʿА̄'иша Теймӯр (1840—1902), которая писала не только стихи и новеллы в стиле мақа̄м, но и различные статьи по социологическим вопросам и женскому движению. Следующее поколение имеет особенно большие заслуги в создании специальной женской прессы. Главные представительницы этого направления происходили из Сирии, как А. Аве̄рӣно̄ (род. около 1872 г.), Лабӣба Ха̄шим (род. 1882 г.), которая читала лекции в египетском университете по педагогике, или ʿАфӣфа Керем (1883—1924), журналистка и писательница, действовавшая в Нью-Иорке. Теоретические основы женского движения в мусульманских странах были обстоятельно формулированы Қа̄симом Амӣном (1865—1908) в двух книгах «Освобождение женщины» (1899) и «Новая женщина» (1901), вызвавших горячую полемику. Его посмертные «Афоризмы» показывают, что женский вопрос был для него делом жизни. Его преемницей мы можем считать одну из виднейших представительниц женской литературы Мелек Х̱ыфнӣ На̄ṣыф (1886—1918), дочь известного ученого и поэта Мух̱аммеда Х̱ыфнӣ На̄ṣыф (1856—1919); она много писала по педагогическим вопросам, с особенным вниманием относясь к женскому движению. По своим воззрениям она была настроена несколько консервативнее, чем Қа̄сим Амӣн. Близко с ней связана наиболее популярная современная писательница Мейй (Марьям Зийа̄де, род. около 1895 г.). В 20-х гг. она развила особенно продуктивную деятельность, главным образом в форме Essays и стихотворений в прозе. Темы ее разнообразны, хотя и не всегда освещены глубоко. Особый интерес она обнаруживает к историко-литературным вопросам и ей принадлежат удачные характеристики некоторых ее предшественниц. Насколько широко распространяется женское движение, показывает Сирия, где несколько лет тому назад выступила Наẓӣра Зейн аддӣн, из друзской семьи. Ее книги (1928, 1929) встретили живой отклик; посвящены они тем же сюжетам, что произведения Қа̄сима Амӣна. И в Сирии нет недостатка в писателях, специализирующихся по женской литературе, как Джирджӣ Ниқӯла̄ Ба̄з (род. в 1882), одно время редактор специального женского журнала. Из других известных

теперь в Сирии писательниц можно назвать еще Сельму Са̄’иг (род. в 1889 г.), которая популярна не только своей педагогической деятельностью, но новеллами и Essays, или Неджлю Абӣ-л-Ляма‘, основательницу журнала «Заря» (1920—1924), живущую теперь в Канаде, и др.

Особого упоминания в заключение заслуживает то обстоятельство, что в последние десятилетия большой интерес у арабов вызывает история литературы. Еще раньше многие представители старшего поколения были хорошо известны изданиями классических произведений или работами о них, как Аҳмед Теймӯр (1871—1930) или Аҳмед Зекӣ (ум. 1934 г.); теперь почти все представители египетских модернистов пробуют свои силы в критико-литературных этюдах. Во главе серьезной работы стоит бесспорно Т̣а̄ха̄ Ҳусейн (род. в 1889 г.); к нему примыкают некоторые профессора египетского университета, как Аҳмед Дейф, Аҳмед Амӣн и другие молодые ученые — Зекӣ Муба̄рек, Ка̄миль Кӣля̄нӣ и т. д. Важные библиографические работы выполнены Йӯсуфом Илйа̄ном Серкӣсом (ум. в 1932 г.), Хайр ад-дӣном аз-Зуруклӣ и др. В Сирии такие работы издавна пользовались особым вниманием (как, например, у Искандера Абка̄рийӯса, ум. в 1885 г., и др.); теперь, наряду со старшим поколением, как Ант̣ӯн ас̣-С̣а̄лиҳа̄нӣ (род. в 1847 г.), Люис Шейхо̄ (1859—1928), Муҳаммед Курд ‘Алӣ (род. в 1876 г.), Филип Т̣арра̄зӣ (род. в 1865 г.), Қоста̄кӣ ал-Ҳымс̣ӣ (род. в 1858 г.) и др., выступает и младшее, как Шефӣқ Джебрӣ или Фу’а̄д ал-Буста̄нӣ со своей очень интересной и хорошо выполненной серией историко-литературных пособий. И в Ираке наряду с заслуженным редактором журнала «Арабский язык» Анаста̄сом ал-Кармелӣ (род. в 1866 г.) мы видим свежие силы: Муҳаммеда Бахджет ал-Асарӣ, Рафаила ал-Бут̣т̣ӣ и др. В Тунисии работает хорошо известный Ҳасан Хуснӣ ‘Абд ал-Вахха̄б, в Америке — сириец по происхождению Филип Ҳыттӣ и т. д. Многие историко-литературные работы стоят на уровне европейской науки; Восток и Запад и здесь нельзя уже отделить один от другого. И здесь, как вообще в ново-арабской литературе, мы подходим близко к тому времени, когда «арабский» не будет противопоставляться «европейскому»; все перейдет в единую общечеловеческую культуру и литературу, которые в отдельных своих частях будут отличаться только языком.

IV. История изучения

Франция была первой страной, которая познакомилась с арабской литературой XIX в. При возвращении египетской экспедиции много арабов переселились сюда, и французские ученые могли оценить их продукцию,

как, например, торжественные оды Михаила аç-Çаббāга (1784—1816), которые переводились и на немецкий язык. Когда отправленная Мухаммедом ʿАлӣ экспедиция для образования молодых людей прибыла в Париж, она возбудила большой интерес; о ней появилось несколько статей (A. Jomard, 1828), а описание путешествия аṭ-Ṭахṭāвӣ было частично переведено (A. Caussin de Perceval, 1833, F. Fresnel, 1843); H. L. Fleischer в 1828 г. лично познакомился с аṭ-Ṭахṭāвӣ в Париже, и это не осталось без влияния на его дальнейшие работы. Основание типографии в Булаке было особо отмечено французскими учеными (A. Perron, 1842, X. Bianchi, 1843); первая газета вскоре после ее выхода подробно реферировалась (J. T. Reinaud, 1831). Особенное внимание в Европе возбудило возрождение литературы в Сирии; уже Lamartine во время своего путешествия на Восток (1832—1833) заметил молодого ал-Йāзыджӣ как поэта. Произведения сирийской прессы нашли живой отклик у ориенталистов Франции (J. T. Reinaud, G. Dugat) и Германии (H. L. Fleischer); Fleischer даже в своих университетских курсах нередко толковал «современные арабские журналы» и «современную арабскую письменность», что нашло отражение в его школе (A. F. Mehren, H. Thorbecke). Новую вспышку интереса вызвала судьба эмира ʿАбд ал-Ḳāдира (G. Dugat, H. Fleischer) и, говоря по существу, в средине XIX в. арабскую современную литературу знали лучше, чем впоследствии. Благодаря путешествиям и личным связям, живую струю вносили A. Kremer (особенно в его «Aegypten») и I. Goldziher (в различных статьях, частью опубликованных по-венгерски); K. Vollers, долго живший в Египте, дал несколько удачных характеристик и сообщил новые материалы. Состояние наших знаний о ново-арабской литературе к началу XIX в. лучше всего рисует «История арабской литературы» C. Brockelmann'а, и соответствующие статьи в «Энциклопедии Ислама» (с 1908 г.).

Первым специалистом в этой области мы можем считать M. Hartmann'а. В многочисленных и очень разбросанных статьях, с начала 80-х гг. до своей смерти (1919), он собрал громадную массу материалов и наметил некоторые основные линии (особенно в «Die arabische Frage» и «Reisebriefe aus Syrien»). Его преемником в этой специальности явился G. Kampffmeyer. Кроме новых материалов (например, об арабских поэтах из Сирии, с 1925 г.) и рефератов о новых явлениях в современной литературе, он создал важное пособие в своем «Index» (1928). Его крупной заслугой является ознакомление с русской литературой по вопросу. Эта литература, оживившаяся с 1909 г. не без влияния M. Hartmann'а, представлена разбросанными

статьями (преимущественно на русском языке); благодаря частичным переводам и рефератам G. Kampffmeyer'а она доступна теперь и европейским читателям. Особенное место занимает в ней хрестоматия ново-арабской литературы К. Оде-Васильевой, под редакцией И. Ю. Крачковского (1928); являясь первым большим собранием соответствующих произведений, она осталась не без влияния на изучение ново-арабской литературы в Европе, Америке и арабских странах. В настоящее время это изучение идет особенно интенсивно в Германии (R. Hartmann, E. Littmann, R. Paret, O. Rescher, A. Schaade, J. Schacht, R. Strothmann, G. Widmer). В Англии, если исключить некоторые ранние работы (как E. Palmer'а, 1881, или D. S. Margoliouth'а в XX в.), первым специалистом явился H. A. R. Gibb, «Studies» которого (с 1928 г.) заслуживают самого серьезного внимания. Италианцы, которые раньше мало обращали внимания на ново-арабскую литературу (Santillana, 1911), создали в «Oriente Moderno» (с 1921 г.) один из наилучше информированных органов для изучения современной духовной жизни Востока. Здесь часто можно встретить сообщения о новейших явлениях в литературе, иногда важные монографии и переводы (M. Guidi, Mayy, C. и M. Nallino, E. Rossi). Французы только в последнее время вновь присоединились к этому движению в области систематических студий современной литературы. В «Journal Asiatique», «Revue du Monde Musulman», «Revue des Etudes Islamiques» часто встречаются сообщения о литературных явлениях (особенно в области периодической прессы); систематическое изучение было поставлено с 1929 г. Institut français de Damas, в изданиях которого помещены важные монографии J. Lecerf, E. Saussey и др. В последнее время и Америка стала проявлять больше интереса к арабской современной литературе. Некоторые американские газеты и журналы и раньше время от времени помещали статьи о представителях сиро-американской школы (особенно А. Рейҳāнӣ и Дж. Джебрāне); все они обыкновенно мало доступны. Более систематично эти студии начал M. Sprengling, который опубликовал несколько переводов и статей. Один из его учеников Charles C. Adams дал солидную монографию о египетском модернизме (1933), которая в отдельных частях имеет фундаментальное значение и для истории литературы.

Без привлечения арабских работ за истекшую треть века теперь невозможно серьезное изучение ново-арабской литературы. За несколько лет до войны мы получили почти одновременно три одинаково важных работы Шейх̮ō, Ṭаррāзӣ и Зейдāна. Несмотря на вполне понятные недостатки, они являются необходимым пособием для всех серьезно

занимающихся новой литературой. После войны Йӯсуф Серкӣс присоединил к ним очень полезный библиографический справочник, конечно, не без пробелов. Из заслуженной Imprimerie Catholique в Бейруте вышла двухтомная хрестоматия современной литературы Р. Нахле (1930); хотя она предназначена для арабской средней школы, но не лишена интереса и для научных целей. У арабов нет теперь недостатка и в монографиях; они даже более распространены, чем в европейском востоковедении, и некоторые из них очень важны (как очерк истории новеллы Теймӯра; монографии Майй о Мелек Хыфнӣ Нāсыф; книжки Ф. ал-Бустāнӣ о Н. ал-Йāзыджӣ, Б. ал-Бустāнӣ, Вали ад-дӣн Йекуне; очерки Р. Буттӣ о поэтах Ирака, роде ал-Āлӯсӣ и т. д.). В такой же мере некоторые критические этюды современных «модернистов» совершенно необходимы при изучении писателей XIX—XX вв. О серьезном интересе арабского общества к изучению новой литературы говорит то обстоятельство, что даже в учебниках этому сюжету нередко уделяется самостоятельная глава.

Из всего сказанного нетрудно сделать общие выводы о современном состоянии исследования ново-арабской литературы. В материалах (главным образом печатных) для всех периодов и областей теперь недостатка нет. Однако, не существует ни одной библиотеки (ни на Востоке, ни на Западе), которая объединяла бы все эти материалы. Отсутствует также надежный общий обзор всего наличного материала в стиле «Истории арабской литературы» C. Brockelmann'a; такая работа была бы теперь возможна только при сотрудничестве ученых, живущих в Европе и в арабских странах. Наиболее благодарной задачей являются теперь монографии об отдельных произведениях и авторах или жанрах, направлениях, периодах и областях; для общей истории ново-арабской литературы время еще не настало.

V. Библиография

1. Состояние и задачи изучения. И. Крачковский, درس الاداب العربية الحديثة, RAAD, X, 1930, 17—28.

2. Общие очерки. H.A.R. Gibb, Studies in contemporary Arabic Literature. I. The Nineteenth Century, BSOS, IV, 1928, 745—760; II. Manfalūṭī and the «New Style», ibid. V, 1929, 311—322; III. Egyptian Modernists, ibid., 445—466; IV. The Egyptian Novel, ibid. VII, 1933, 1—22 (лучший общий обзор); W. Braune, Beiträge zur Geschichte des neuarabischen Schrifttums. Die Übersetzer — Die Erweckung des alten Schrifttums — Die Modernisierung der Sprache, MSOS, XXXVI, Abt. II, 1933, 117—140; И. Крачковский, Возникновение и развитие ново-арабской литературы, Восток, I, 1922, 67—73 (немецкий перевод, WI, XI, 1928, 189—199); он же, Предисловие к «Образцам ново-арабской литературы» К. В. Оде-Васильевой, I, 1928, I—XXV (немецкий перевод, MSOS, XXXI, Abt. II, 1928, 180—199); он же, Der historische Roman in der neueren arabischen Literatur, WI, XII, 1930, 51—87 (русский оригинал вышел в 1911 г. и сильно устарел); M. Hartmann, Die Zeitungen und Zeitschriften in arabischer Sprache, Spécimen d'une Encyclopédie Musulmane, Leide 1899, 11—15; он же Djarīda. 1. Die arabische Presse. EI, I, 1062—1065; C. Prüfer, Drama (arabic), Encyclopaedia of Religion and Ethiks, IV, 1911, 876—878; И. Крачковский, Арабская поэзия, Восток, IV, 1924, 97—112; он же, Современные арабские поэты в переводе на Идо, ЗКВ III, 1928, 209—213 (немецк. перевод, MSOS, XXXI, Abt. II, 1928, 165—169); A. Schaade Moderne Regungen in der 'irāḳischen Kunstdichtung der Gegenwart, OLZ, 1926, 865—872; И. Крачковский, Арабская литература в Америке, Известия ЛГУ, I, 1928, 1—27 (то же по-немецки, MO, XXI, 1927, 193—213); M. Taimur, Die neue Entwicklung der erzählenden Literatur in den Gegenwart, WI, XIII, 1931, 46—54; Л. Некора, Литература современного Египта Новый мир, 1933, книга 9, 227—234; T. Khemiri and G. Kampffmeyer, Leaders in contemporary Arabic literature. A book of reference. Part I, WI, IX, 1930, 1—40 + ٣٦; Charles C. Adams Islam and Modernism in Egypt. A Study of the modern reform Movement inaugurated by Muḥammad 'Abduh, London 1933 (необходимо при изучении египетской литературы последних десятилетий); J. Lecerf, Littérature dialectale et renaissance arabe moderne. Bulletin d'Etudes Orientales, II, Damas 1932, 179—258.

3. Био-библиографические материалы. C. Brockelman, GAL, II, 1902, 469—511; он же, Geschichte der arabischen Literatur,[2] Leipzig (C. F. Amelang) 1909, 241—258; Cl. Huart, Littérature arabe,[2] Paris 1912, 404—437; L. Cheikho, La littérature arabe au XIX siècle[2], (по-арабски), I—II, Beyrouth, 1924—1926; он же, تاريخ الآداب العربية في الربع الاول من القرن العشرين, Бейрут 1926; Ф. Ṭаррāзӣ, تاريخ الصحافة العربية, 1—11, Бейрут 1913; Дж. Зейдан, تاريخ آداب اللغة العربية, IV, Каир 1914; он же, مختصر في تاريخ آداب اللغة العربية, Каир 1924, 267—294; он же, تراجم مشاهير الشرق, I[2], Каир 1910, II[3], Каир 1922; G. Kampffmeyer, Arabische Dichter der Gegenwart, MSOS, XXVIII, Abt. II, 1925, 249—279, XXIX, Abt. II, 1926, 173—206, XXXI, Abt. II, 1928, 100—165, XXXIII, Abt. II, 1930, 179—199 (с очень важным библиографическим обзором всей немецкой литературы, 249—253); он же, Die Anfänge einer Geschichte der neueren arabischen Literatur, MSOS, XXXI, Abt. II, 1928, 170—179 (библиографический обзор новейших работ); он же, Index zur neueren arabischen Literatur, ibid. 200—205 (указатель имен к работам, напечатанным или упомянутым в MSOS XXVIII—XXXI, WI XI и GAL); E. van Dyck, اكتفاء القنوع بما هو مطبوع, Каир 1896; J. E. Sarkis, Dictionnaire encyclopédique de bibliographie arabe (по-арабски), Каир 1928—1930; Х̱. аз-Зуруклӣ, الاعلام — قاموس تراجم لاشهر الرجال والنساء من العرب والمستعربين في الجاهلية والاسلام والعصر الحاضر, I—III, Каир 1927—1928; А. ал-Искендерӣ и Шейх Муṣṭафā 'Инāнӣ, الوسيط في الادب العربي وتاريخه, Каир 1924, 317—354; المجمل في تاريخ الادب العربي, Каир 1929, 225—270.

4. Сборники текстов. К. В. Оде-Васильева, Образцы ново-арабской литературы (1880—1925). I. Текст. II. Словарь. Ленинград 1928—1929; Р. Нах̱ле, المختارات, I—II,

Бейрут 1930—1931; G. Kampffmeyer, Arabische Dichter der Gegenwart (см. выше); T. Khemiri and G. Kampffmeyer, Leaders in contemporary Arabic Literature (см. выше); некоторые отрывки также у Л. Шейхо (см. выше) и Зейдāна, تراجم مشاهير الشرق (см. выше), равно как в некоторых изданных на Востоке учебниках.

5. Переводы. Ferdinand de Martino et Abdel Khalek bey Saroit, Anthologie de l'amour arabe, Paris 1902, 325—369 (Les contemporains, переводы некоторых стихотворений 'Аббāса ибн 'Алӣ ал-Меккӣ, Ḥасана Ḥусни, Маḥмӯда Сāмӣ ал-Бāрӯдӣ, Исмā'ӣла Ṣабрӣ, Ḥыфнӣ Нāṣыфа и Аḥмеда Шауḳӣ. Некоторые из них переведены отсюда на немецкий язык Hans Bethe, Arabische Nächte, Leipzig 1920, 97—100); Trowbridge Hall, Egypt in Silhouette, New York 1928, 208—278 (Egypt's Literature — некоторые новеллы и стихотворения М. ал-Манфалӯṭӣ, Муḥаммеда Теймӯра, ал-'Аḳḳāда, А. Шауḳӣ, А. Рāмӣ и Ḥ. Ибрāхӣма в переводе А. Рāмӣ); J. Schacht, Der Islam mit Ausschluss des Qor'ans, Tübingen 1931, 176—188 (отрывки из сочинений М. 'Абдо, 'Алӣ 'Абд ар-Рāзиḳа и Ṭ. Ḥусейна). Кроме того существуют переводы на различные языки отдельных произведений М. 'Абдо, Ḳ. Амӣна, Дж. Джебрāна, М. 'О. Джелāля, Дж. Зейдāна, М. Ḥ. Нāṣыф, М. Ну'аймы, А. ар-Рейḥāнӣ, М. Теймӯра, Ш. ал-Ḫӯрӣ, Ṭ. Ḥусейна, А. Шауḳӣ и др.

31 I—18 II 1934 г.

К. БЕРТЕЛЬС

К вопросу о латинизации персидской письменности

(По поводу книги M. Fātiḥ. Rāh-i pīshraft. Tīhrān, 1310, 43 стр.)

Разговоры о латинизации, как известно, ведутся в Персии уже несколько лет. Правительство даже запрашивало мнение некоторых из западноевропейских иранистов (в частности Денисон Росса) по этому вопросу. Тем не менее, результатов все эти разговоры пока не дали никаких, и о практических мероприятиях в этом направлении ничего не слышно. Однако некоторые круги персидского общества, повидимому, предать это дело забвению не склонны. Об этом свидетельствует брошюра М. Фатиха «Путь к прогрессу», недавно нами здесь полученная. Хотя сам по себе вопрос о латинизации персидской письменности нами может рассматриваться только с теоретической стороны, с которой, кстати сказать, особых трудностей не возникает, но так как брошюра эта содержит некоторое количество довольно интересных фактов, то я считаю нелишним посвятить ее разбору небольшую заметку.

Брошюра эта начинается с изречений разных мыслителей о значении письма, причем в довольно пестрой смене выступают Платон, Аристотель, Хамза Исфаханский, ал-Бируни, Фархад-мирза, Мальком-хан и Таги-задэ. Затем следует отдел, посвященный недостаткам арабского шрифта в применении его к персидской письменности. Нам, проведшим энергичную борьбу с арабским шрифтом по всем восточным республикам Союза, где он ранее употреблялся, о недостатках этих приходилось говорить много раз и потому на этой части особенно долго останавливаться не стоит. Приведу только вкратце те основные пункты, на которые разбито обвинение М. Фатиха.

1. Неудобства, проистекающие от необходимости связывать между собой буквы. Автор, между прочим, дает интересную справку, что для четкого насха в печати требуется 700—900 форм, а для такого же нас-

та'лика даже до 1500. Таким образом, введение латинизации составляет громадную экономию и значительно удешевляет печатание.

2. Отсутствие знаков для обозначения гласных.

3. Изменение формы буквы в зависимости от места ее в слове. Автор указывает, что хотя всего в арабском алфавите только 32 знака, но из-за этих изменений общее количество их все же достигает 87 знаков.

4. Сходство ряда букв между собой.

5. Обилие подстрочных и надстрочных точек.

6. Неправильная извилистая форма букв, делающая их крайне неудобными в печати.

7. Движение письма справа налево.

8. Необходимость дополнительной вокализации (iʿrāb).

9. Трудности при печатании.

10. Обилие букв, служащих для обозначения (в персидском) одной и той же фонемы.

11. Применение букв, которые фактически никакой фонеме не соответствуют.

12. Возможность неправильного чтения, что создает громадные затруднения при переводе научной и технической литературы, в которой новые термины читателем, с ними незнакомым, правильно прочитаны быть не могут.

13. Затруднения при составлении словарей, так как из начертания слова произношение его видно далеко не всегда.

14. Трудность распространения персидского языка. Этому пункту автор придает особое значение, так как из-за трудности преподавания персидской письменности крайне замедляется процесс иранизации крестьянства Азербайджана, Хузистана, луров и курдов.

15. Бесполезная трата времени на изучение шрифта. Здесь интересны следующие цифры. В персидских школах на изучение шрифта тратится от 3 до 4 лет, при следующем количестве недельных часов: первый класс 20, второй 14, третий 10, четвертый 9, пятый и шестой по 6.

Цифры эти, действительно, весьма красноречивы.

16. Затруднения при внедрении грамоты в широкие массы. При затрачиваемом количестве часов нужно 30—40 тыс. учителей для обучения грамоте 2—3 млн. чел. за 2—3 года.

Латинский шрифт, по мнению автора, даст возможность сократить число учителей в 10 раз. Откровенно говоря, к этому вопросу хотелось бы подходить не в плане сокращения числа учителей, а в плане расширения числа обучаемых.

Этим список заканчивается. Нельзя сказать, чтобы он был очень строго выдержан, так как некоторые пункты являются повторением в несколько измененном виде одной и той же мысли, но в общем крупнейшие недостатки все же отмечены и притом обоснованы достаточно убедительно. Характерен п. 14, ясно показывающий, от лица какого класса выступает автор брошюры.

Далее следует самый проект латиницы, выработанный около трех лет тому назад. Он представляется в следующем виде:

Гласные: a (фатха), e (кесра), o (замма), u, i, â (долгие).

Согласные (в порядке арабского алфавита) b, p, t, j (ج), ç (چ), h, x (خ), d, z (ذ—ز—ض—ظ), r, ĵ (ژ), s, c (ش), f, q (ق и غ), k, g, l, m, n, v, y.

Хамза и айн в средине слова обозначаются апострофом (’).

Проект этот в основном безусловно не плох и вызывает только несколько небольших возражений в части системы согласных.

Составители, видимо, тщательно старались избежать надстрочных и подстрочных знаков, что в основном вполне правильно, но все же почти ни в одном алфавите практически не осуществимо. Раз эти знаки все-таки ввести пришлось, то, пользуясь ими более рационально, можно было бы лучше осуществить основное задание составителей—дать такую латиницу, в которой применение отдельных знаков было бы оправдано существующим их применением в том или ином из европейских алфавитов. С этой точки зрения серьезные возражения вызывает введение буквы c для передачи ش. Так как подстрочный знак в ç применен, то было бы гораздо удобнее пойти по пути турецкой латиницы и НТА и обозначить ش через ş, а c использовать вместо ç для обозначения چ, довольно часто в персидском встречающегося (применение c в таком значении было бы оправдано итальянским).

С такими изменениями латиница эта была бы практически вполне приемлема. Однако здесь необходимо отметить одно весьма существенное обстоятельство. М. Фатих весьма торжественно указывает, что этот алфавит — алфавит фонетический и «пишется так, как читается» (стр. 12). Это не вполне соответствует действительности. Алфавит этот не столько фонетический, сколько просто механическая замена знаков арабского шрифта знаками латинскими. Понятно, что поэтому всех существующих хотя бы в тегеранском говоре фонем он не отражает и точным отражением произношения, конечно, не будет, как не бывает им ни один алфавит, созданный для практических целей, а не для точной научной транскрипции. Как на пример, можно сослаться на следующие факты. При механической замене

фатхи на а мы получим начертания saxt, baxt и рядом с этим tan, man, cams. Едва ли какой-нибудь тегеранец произносит а в первых двух словах так же, как в словах второй группы.

Далее, при такой же замене заммы на о, получаем начертания obur, morur, orus. Однако во всех этих словах на деле происходит ассимиляция двух u и звучат они, конечно, как ubur, murur, urus и т. д. Наконец, едва ли можно считать, что начертания vaqt, naqc, saqf точно передадут произношение этих слов, где в первых двух случаях происходит оглушение звонкого спиранта q (غ), а в последнем обычно выпадает глухое f.

Однако все это на практике вовсе не страшно, так как, понятно, ставить себе задачей отражение всех звуков языка ни один алфавит (практический) не может. Оговорить здесь это нужно было только потому, чтобы рассеять опасное заблуждение автора и показать, что создание одной таблицы алфавита без разработки орфографии еще вопроса латинизации не разрешает.

После нескольких кратких замечаний по поводу таблицы автор переходит к тем возражениям, которые в настоящее время выставляются противниками латинизации. Эта часть представляет для нас значительный интерес, так как именно она яснее всего показывает, какими доводами оперируют в настоящее время враги латинизации на зарубежном Востоке, и поэтому коснуться их здесь вкратце не мешает.

Они сводятся к следующим пунктам.

1. Связь арабского шрифта с исламом. Введение латиницы, яко бы, ослабляет мусульманское правоверие. Это замечание, может быть, по существу и не лишено известного значения, но только, конечно, не в той форме, в которой оно выставляется. Все же замечания Фатиха об отсутствии связи между религией и шрифтом вполне резонны и не нуждаются в долгом обсуждении.

2. Связь шрифта с национальной идеей. Введение латиницы, будто бы, вредно отзовется на национальной независимости Персии. Автор рассказывает, что один из его друзей предложил для сохранения национальной идеи в полной чистоте заменить арабский шрифт не латинским, а письмом Авесты. Правда, автор оговаривается, что он не знает, может быть, это была только шутка. К сожалению, нужно полагать, что это не была шутка, так как аналогичное предложение и не в шутку, а вполне серьезно, уже было сделано в печатном виде известным персидским поэтом националистом Пур-и Даудом.[1]

[1] Poure-Davoud. Pouran-dokht-nāmeh. The Poems of... Bombay, 1928, стр. 18—19.

Если припомнить, что и некоторые деятели кемалистской Турции еще несколько лет тому назад помышляли об использовании орхонского алфавита для турецкой письменности, то, несмотря на всю абсурдность таких предложений, станет ясно, что националистически настроенная буржуазия в своем преклонении перед «великим прошлым» очень часто не может достаточно четко ощутить всю нелепость своих планов. Фатих прекрасно демонстрирует таким «хранителям заветов старины», что на всем протяжении истории Персия никогда не имела не заимствованного у кого-нибудь алфавита, в чем, однако, она не отличается от большинства европейских народов.

3. Изменение алфавита, яко бы, грозит гибелью истории и литературе Персии. Это возражение автор считает наиболее серьезным, но его доводы очень хорошо доказывают, что именно латинизация-то и поможет сохранить старую литературу, которая сейчас находится под серьезной угрозой. Фатих считает, что в настоящее время печатных персидских книг существует не более 3—4 тыс. Неизданных рукописей, по его мнению, тысяч восемь. С другой стороны, культурное развитие требует тысяч и тысяч новых книг. Что же лучше, перепечатать эти 3—4 тыс. латиницей или обречь все развитие на неизбежную задержку. К тому же печатать латиницей настолько удешевляет печать, что издание всей еще неизданной классической литературы станет вполне возможным. Таким образом и тут латиница дает только выгоды. Эти замечания в основном правильны, хотя нельзя не признать, что автор, во-первых, несколько преуменьшает число существующих печатных книг и рукописей, а, во-вторых, немножко слишком легко относится к вопросу об издании старых памятников, которые все-таки далеко не всегда можно будет без ущерба для дела перевести на латиницу.

4. Почему латинский, а не какой-нибудь другой шрифт? Ответ на этот вопрос настолько самоочевиден, что останавливаться на нем не стоит.

5. Возражение вызывает введение одного и того же знака для ряда различных арабских букв (s, z), имеющих, однако, одинаковое (в персидском) произношение. Основной ответ Фатиха совершенно правилен — нужно забыть о том, что эти слова были арабскими. Сейчас они такие же персидские слова, как и всякие другие. Подкрепляется это замечание длинной цитатой из брошюры известного Таги-задэ «Muqaddima-jı ta'līm-i 'umūmī jā jakī az sar-faslhā-ji tamaddun».

Один из доводов этой брошюры очень интересен. Слово تبریز, написанное с точками, допускает 147 чтений, без точек 768. Будучи написано

латиницей Tabriz, оно допускает возможность возвести его только к 8 различными начертаниям арабского шрифта, конечно, если допустить, что оно арабского происхождения. Выгода вполне очевидна.

6. Введение латиницы повлечет умножение заимствований из европейских языков. Автор отвечает, что и без всякой латиницы исторический процесс все равно уже вызывает увеличение числа интернациональных слов.

7. Почему у европейцев, пользующихся латиницей, алфавиты так несовершенны. Ответом служит справка об исторической орфографии многих европейских языков.

8. Почему японцы не реформируют своего алфавита. Автор весьма резонно показывает, какие значительные трудности в данном случае стоят перед Японией. Уже один факт существования сотен тысяч печатных книг на старом шрифте—крупнейшее препятствие. Ссылка на Японию — эту мечту националистической буржуазии всего персидского Востока — в данном случае весьма любопытна.

9. Уничтожение арабского шрифта погубит каллиграфию.

10. Арабский шрифт позволяет экономить время и бумагу. Эти два последние возражения настолько очевидно несостоятельны, что на них останавливаться, пожалуй, не стоит.

Далее следует весьма интересный **пятилетний** план проведения реформы алфавита, который заслуживает того, чтобы привести его здесь целиком.

1-й год

1. В начальных школах новый шрифт изучается с 1-го класса параллельно со старым, но пишут только по-новому.

2. Во всей стране открываются бесплатные курсы по латинизации для всех грамотных.

3. Министерство народного просвещения отпускает известную сумму на печатание новым шрифтом некоторого количества книг, которые должны продаваться дешевле старопечатных книг.

4. Все военные и гражданские чины в течение года должны изучить новый шрифт и сдать по нему экзамен.

5. Отдел внутренних известий в газетах печатается латиницей.

6. Учебники для 5-го—6-го классов средней школы печатаются новым шрифтом.

7. Подготовляется к печати легкая начальная книга (очевидно, букварь) на новом шрифте.

2-й год

1. В первых двух классах начальной школы преподавание ведется только на новом шрифте.

2. Государственные учреждения ведут переписку только на новом шрифте, но направляемые к ним со стороны частных лиц бумаги могут быть написаны и арабским шрифтом.

3. Открываются (дополнительные) курсы по латинизации.

4. В газетах латиницей печатаются передовые, внутренние и внешние известия.

5. Отпускаются средства на печатание старых книг новым шрифтом.

6. Печатаются учебники для 3—4 классов средней школы.

3-й год

1. В трех первых классах начальной школы преподавание ведется только на новом шрифте.

2. Направляемые в министерства бумаги принимаются только на новом шрифте, за исключением двух министерств — финансов и юстиции.

3. Суммы, отпускаемые на печатание старых книг, утраиваются по сравнению с первым годом.

4. Газеты целиком переходят на новый шрифт.

5. Учреждаются курсы для неграмотных.

6. Печатаются учебники для 1-го—2-го классов средней школы.

4-й год

1. Латиница применяется уже в четырех первых классах начальной школы.

2. Министерство финансов тоже принимает бумаги только на новом шрифте.

3. Суммы, отпускаемые на печатание старых книг, учетверяются.

4. Количество курсов увеличивается.

5-й год

1. Начальная и средняя школы целиком переходят на новый шрифт.

2. Все министерства принимают бумаги только на новом шрифте.

3. Отпуск средств на печатание старых книг увеличивается в пять раз.

4. Количество курсов увеличивается еще больше.

Заключает брошюру краткая характеристика важнейших типов противников нового алфавита, которых автор делит на следующие категории:

1. Наиболее многочисленная группа—люди, привыкшие к арабскому шрифту и не желающие менять его просто в силу известной косности и лени.

2. Второй разряд—каллиграфы, питающиеся арабским шрифтом и потому опасающиеся, что уничтожение его лишит их единственного источника дохода.

3. Третья группа — наиболее зловредная из всех — люди, считающие, что весь смысл образования и грамотности только в том и заключается, чтобы уметь отличить, где поставить с а д и где с и н. Люди эти, по мнению автора, считают литературу своей непосредственной собственностью и не желают, чтобы она стала всеобщим достоянием.

4. Четвертая немногочисленная группа — грамотные, не знакомые ни с какими из языков, применяющих латиницу, и потому страшащиеся ее, как чего-то нового и очень трудного.

5. Наконец, пятая группа — иностранцы, изучившие арабский шрифт и извлекающие из своих знаний доход.

Автор оговаривает, что ориенталистов он при этом в виду не имеет и не сомневается в их искреннем сочувствии нуждам Персии. Он говорит о тех, кто хотел бы, чтобы Восток навсегда остался в состоянии средневековья и помогал бы им обогащаться за его счет.

В общем, нельзя не признать, что важнейшие категории противников латинизации намечены вполне правильно; только, по вполне понятным причинам, автор не рискнул (или не сумел) достаточно четко определить их настоящее лицо. Даже из его крайне суммарно намеченной характеристики становится однако вполне ясно, что он имеет в виду преимущественно феодальную аристократию и европейских империалистов — те две группы, для которых, конечно, латинизация ни в какой мере не приемлема, как идущая вразрез с их жизненными интересами.

Брошюра составлена неплохо и безусловно может оказаться полезной для пропаганды идеи латинизации персидской письменности. Она является ярким доказательством того факта, что национальная буржуазия ясно сознает всю пользу латинизации для ее личных интересов и понимает, что без достаточно широкого распространения грамотности невозможно подготовить те кадры, которые необходимы для создания своей собственной национальной промышленности.

Особенно интересным моментом надо считать попытку проведения строгого плана в деле латинизации и недопущения стихийного введения ее в жизнь. Очевидно, с одной стороны, опыт турецких соседей, с другой — та громадная работа, которая проделана в этом направлении в СССР, не остались без результата для Персии и персидскими общественными деятелями учитываются.

24 IV 1933.

В. А. КРАЧКОВСКАЯ

Новые материалы для мусульманской эпиграфики и палеографии

Памятники мусульманского искусства и письменности, как известно, неразрывно связаны с арабской эпиграфикой, несколько слабее с персидской. Получив прочную базу в долголетних трудах M. van Berchem'а, который нашел себе достойных преемников, эпиграфика не только служит точкой опоры при изучении истории и самих памятников, но и содействует успешному изучению разновидностей и истории арабского шрифта. Знание основных формул и их последовательности помогает чтению надписей, но это иногда невозможно без знания шрифта, часто необычайно сложного и вычурного. Эпиграфика исследует главным образом текстуальное содержание надписей всякого рода, не только на памятниках движимых и недвижимых, но и на скалах, с учетом исторических и социальных моментов. Еще шире диапазон для палеографического изучения надписей: от монументальных до мельчайших предметов, со включением рукописей и документов.

В настоящее время существует большое количество монографий, исследований и сводов по арабской эпиграфике на различных языках. Они далеко не полны, касаются либо отдельных стран, либо отдельных памятников; для ряда стран, в том числе и нашей, никаких сводов до сих пор нет, многие тексты не зафиксированы и тем не только тормозят нормальное развитие науки, но и сами находятся под угрозой бесследного для нее исчезновения. В целях объединения материала, разрозненного в различных издания и хранилищах, а также быстрейшего учета и фиксирования еще неизданного и до сих пор неизвестного, в Каире возникла идея многотомного хронологического свода арабских надписей всего мусульманско-арабского мира.[1] О первых трех томах этой чрезвычайно важной работы печатается

[1] Ét. Combe, J. Sauvaget et G. Wiet. Répertoire Chronologique d'Épigraphie Arabe, t. I, Le Caire, 1931, 4⁰, XII + 312 стр.; t. II, Le Caire, 1932, 4⁰, VIII + 276 стр.; t. III. Le Caire, 1932, 4⁰, 223 стр.

отзыв в «Библиографии Востока». В настоящее время вышел четвертый том,[1] в печати находится пятый.

Те широкие горизонты, которые открывают эпиграфика и палеография, конечно могли только повысить темпы и увлечь новых исследователей, и за последнее время мы встречаем все новые и новые солидные специальные труды как для мусульманского Запада (Lévi Provençal,[2] Revilla Vielva[3]), так и для ближнего Востока. В данной заметке мы подробнее остановимся на нескольких новейших изданиях, посвященных эпиграфике и палеографии Египта и Палестины.

Египет, где давно велась отдельными лицами подготовительная работа, был как-раз первой из стран арабской культуры, которая получила сводное издание арабских эпиграфических текстов, собранных на его территории.[4] Это ценное достижение, поддержанное после M. van Berchem его продолжателем в лице G. Wiet,[5] не могло остаться без влияния на развитие и ход научных работ, сопредельных и связанных с эпиграфикой областей.

С момента вступления G. Wiet в должность директора Арабского музея в Каире началась энергичная и планомерная каталогизация его обширных собраний. Работа была разделена между сотрудниками, и в настоящее время уже выпущено несколько больших томов фундаментального каталога (Catalogue général du Musée Arabe du Caire). К сожалению, мы не имеем всех томов, но нельзя сомневаться, что каждый из них, помимо своей основной темы, должен в той или иной мере коснуться эпиграфики. Мы можем поэтому остановиться лишь на известных нам двух томах этой серии, а именно — каталоге арабских надгробий[6] и бронзы.[7]

[1] Op. cit., t. IV, Le Caire, 1933, 4⁰, VIII + 208 стр.

[2] E. Lévi Provençal. Inscriptions arabes d'Espagne. Leiden — Paris, 1931. О содержании этой важной работы можно узнать из рецензии Joseph Schacht, Orientalistische Literaturzeitung, 1933, № 10, 627—629.

[3] Ramón Revilla Vielva. La colección de epígrafes y epitafios árabes del Museo Arqueológico Nacional, Revista de Archivos, Bibliotecos y Museos, o. o. Madrid, 1924, стр. 1—16, с 8 рис. на двух табл. — Он же. Patio árabe del Museo Arqueológico Nacional. Catálogo descriptivo. Madrid, 1932, 8⁰, 172 стр. + 26 табл. в тексте.

[4] M. van Berchem. Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Première partie. Égypte, t. I (Mémoires publiés par les membres de la Mission Archéologique Française au Caire, t. XIX). Le Caire, 1894.

[5] G. Wiet. Matériaux pour un Corpus Inscriptionum Arabicarum. Première partie. Égypte, t. II, fasc. 1—2. Le Caire, 1929—1930 (Mémoires publiés par les membres de l'Institut Français d'Archéologie Orientale, t. LII). Рецензия на эту работу печатается в «Библиографии Востока».

[6] Hassan Hawary et Hussein Rached. Stèles funéraires, vol. I, Le Caire, 1932, 4⁰ maj. VIII + 248 стр. + LXV табл.

[7] Gaston Wiet. Objets en cuivre. Le Caire, 1932, 4⁰ maj. VIII + 315 стр. + LXXVI табл. Кроме указанных здесь и в предшествующем примечании томов, вышли в той же серии: Ga-

Первый том каталога арабских надгробий (Stèles funéraires) представляет собой увесистую книгу большого 4°. Он состоит из коротенького предисловия на французском языке G. Wiet, который редактировал рукопись и печатный текст издания (стр. III), небольшого введения на арабском языке самих издателей (стр. V—VIII), собственно каталога (стр. 1—235), указателей (стр. 237—248) и таблиц (I—LXV). Авторы каталога, Hassan Hawary и Hussein Rached — арабы по происхождению, состоят сотрудниками Арабского музея. Первому из них, H. Hawary, принадлежит честь открытия и издания двух самых ранних арабских надгробий 31 и 71 г. х.[1]

Различные исследователи неоднократно пользовались материалами огромного фонда надгробий Арабского музея. О них напоминает G. Wiet в предисловии.[2] Для издания каталога потребовалась прежде всего колоссальная подготовительная работа по составлению подробного инвентаря надгробий, причем каждый памятник получил отдельный инвентарный номер. Уже это представило огромный шаг вперед, так как до 1926 г. коллекция была рассеяна без особой системы по кладовым и подвалам музея и почти 200 стел было выставлено. Как показывает список в предисловии, из общей суммы около 3000 надгробий с кладбищ Старого Каира и Ассуана, под одним номером, в зависимости от поступления из разных источников, значилась до полной инвентаризации порой тысяча экземпляров (стр. VI).

Введение знакомит читателя прежде всего с целью издания — дать специалистам авторитетное пособие. Поэтому все внимание было устремлено на правильность чтения, которое в большинстве случаев может считаться окончательным. Для настоящего тома были отобраны 400 лучших, датированных и характернейших образцов в смысле шрифта. Они расположены в хронологическом порядке, чтобы облегчить палеографам изучение эволюции шрифта, начиная с 31 по 240 г. х., одна-две для каждого года, а при одинаковой дате — в алфавитном порядке собственных имен.

ston Wiet. Lampes et bouteilles en verre émaillé. Le Caire, 1929, 4° maj. VII + 193 стр. + XCII табл. — Jean David Weill. Les bois à épigraphes jusqu'à l'époque mamlouke. Le Caire, 1931. — Edmond Pauty. Les bois sculptés jusqu'à l'époque ayyoubide. Le Caire, 1931. — Pierre Olmer. Filtres de gargoulettes. Le Caire, 1932.

[1] См. Hassan Mohammed el-Hawary. The Most Ancient Islamic Monument Known, dated A. H. 31 (A. D. 652). From the time of the third Calif 'Uthman. JRAS, April 1930, 321—333, табл. III—V с.). — Его же. The Second Oldest Islamic Monument Known, dated A. H. 71 (A. D. 691). From the time of the Omayyad Calif 'Abd-el-Malik ibn Marwān. JRAS, April 1932, 289—293, с 1 табл. См. также арабские журналы: Лугат ал-'араб, т. VII, № 8, август 1929, 611—612; ал-Хилāль, VIII, 1930; то же апрель 1932, 856—860.

[2] См. также В. А. Крачковская. Арабские надгробия Музея палеографии Академии Наук СССР. Труды Музея палеографии, т. III, Ленинград, 1929, стр. 1 сл., 67 сл.

Издатели сделали ряд интересных наблюдений относительно двух основных типов письма стел, а также их подразделений. Более ранний, углубленный, первый образчик которого относится к 31 г. х. (№ 1), проще, высекался или процарапывался сперва довольно примитивно острым орудием вроде гвоздя, к концу II в. х. совершенствуется, приобретает бо́льшую стройность и упорядоченность, а на вершинах появляется клинообразное украшение слева.

Рельефный шрифт (стр. VII) возникает позднее. В монументальном искусстве первый образец известен на колонне Нилометра 97 г. х., но первое надгробие такого шрифта в музее относится к 203 г. х. (№ 39, табл. XII). Он менее распространен; причина этого зависит, по мнению авторов, от большей трудности работы, состоящей в удалении фона вокруг выделенных, заранее прорисованных букв. Этот метод отразился на характере шрифта, а именно, в одной разновидности делали больше украшений, чтобы сэкономить труд, а в другой, при твердых вулканических породах, применяли простой рельеф и удаляли меньше поверхности.

Авторы останавливаются далее на нисбах, которые в массе случаев племенные, от первых арабских насельников Египта; меньшую часть составляют нисбы по месту рождения, уже после 200 г. х. Уделено внимание также особо отмеченной при каждом номере орнаментике стел, которая представляет собой древнейшие датированные образцы арабского орнамента (стр. VIII); характерным признаком его авторы считают широкие листья и глубокую резьбу.

В каталоге для каждого экземпляра указаны следующие сведения: общий порядковый номер (от 1 до 400), инвентарный номер, ссылка на соответствующую таблицу, если экземпляр изображен, материал, размеры, число строк, полное имя умершего в латинской транскрипции, полная дата (день, месяц, год), определение шрифта, арабский текст с разделением на строки и библиография. Переводы текстов исключены принципиально, с одной стороны — потому что издание предназначается для специалистов, с другой — потому что все эти тексты включены в «Répertoire Chronologique d'Epigraphie Arabe» и там снабжены французским переводом.

Несколько указателей облегчают пользование каталогом. Первый из них, указатель имен, в латинской транскрипции (стр. 237—242), расчленен по отдельным составным частям сложного имени; в конце его есть несколько (около 30) неразобранных арабских имен в арабской транскрипции. Во втором указателе — коранических цитат — для каждой данной суры и стиха перечислены номера тех стел, где они встретились. Последний указатель

представляет конкорданс в порядке номеров инвентаря. Он необходим, когда надо отыскать в каталоге плиту, выбранную на таблице, так как в последних порядковый номер каталога отсутствует. Таблицы великолепно исполнены фототипией; по ним можно совершенно свободно изучать оригинальный текст, шрифт и орнамент. На каждой помещено в среднем три, но не менее двух и не более шести изображений.

Каталог прекрасно задуман и безупречно исполнен; без сомнения, он будет встречен с большим энтузиазмом, открывая самые широкие возможности для всестороннего изучения ценнейшего материала. Египетские надгробия довольно рано были завезены в разные коллекции и музеи Европы. И у нас, в Институте документа, книги, письма Академии Наук, на выставке истории письма древнего мира и раннего средневековья есть девять таких надгробий из собрания Н. П. Лихачева и одно, привезенное А. О. Мухлинским.[1] Мы можем гордиться, что наши экземпляры[2] не уступают отборным каирским. При издании их был затронут ряд вопросов ранней арабской палеографии. Не имея возможности остановиться на всех, мы коснемся здесь только двух. Одним из них был вопрос, с какого времени применялся в египетских надгробиях рельефный шрифт.[3] Благодаря новому каталогу и просмотру огромного материала, как мы и предвидели,[4] рамки расширились, пока только в отношении начала, которое с 242 г. х. отодвинулось на 40 лет назад, к 203 г. х., как видно по мраморной стеле каталога № 39, inv. № 2721/87. Насколько изменятся наши представления о времени его исчезновения из употребления, покажут следующие тома каталога.

Плита 203 г. х. важна не только в хронологическом отношении. На ней, как в фокусе, концентрируются капитальнейшие вопросы арабского шрифта: 1) вопрос о применении растительных украшений в буквах, связанный с происхождением почерка куфи и его разделением на «простой» и «цветущий» (coufique fleuri); 2) вопрос о появлении в куфи поднятых вверх окончаний букв. Оба вопроса тоже обсуждались при издании нашей коллекции.[5] Там был высказан взгляд, основанный на исследовании датированных памятников, что некоторые надгробия II—III в. х. уже «содержат элементы „цветущего куфи“ и служат образцами известной стадии его»,[6] для которой

[1] Из Института востоковедения АН (б. Азиатского музея).

[2] Изданы в цитированной выше работе В. А. Крачковской.

[3] Ibid., 79—80.

[4] Ibid., 76, 80.

[5] Ibid., 76 сл., 80 сл., 99 сл.

[6] Ibid., 82.

предложено обозначение «пальметообразный куфи».[1] Шрифт каирской стелы 203 г. х., табл. XII, полностью подтверждает эти наблюдения. На ней ясно видимы, при точно установленном чтении, конечные буквы с поднятыми над строкой окончаниями: в конце 1-й строки — рā, в конце 3-й, 11-й и на 13-й — йā, в конце 10-й — вāв; кроме этого, на вершине хā صرا стр. 2-я — вертикальная полупальметка, но особенно интересна полупальметка рā 1-й строки. Этот прием «удлинения вверх» в монументальных надписях Египта известен пока только с третьей четверти III в. х. (мечеть Ибн Ṭӯлӯна 276—278 г. х.), а для надгробий по нашей плите с 270 г. х.,[2] притом в углубленном шрифте. Теперь мы можем констатировать не только применение его в рельефном раннем куфи ʻаббасидского периода, но получаем дату его применения в 203 г. х., на три четверти века ранее и сразу с теми растительными деталями, которые входят в определение «цветущего куфи».

Эти короткие замечания дают возможность убедиться, какую важную роль в изучении арабской палеографии придется сыграть каталогу надгробий, который может служить прекрасным пособием.

При всей красоте шрифта и высоком совершенстве репродукции, просмотр таблиц каталога надгробий неспециалисту может быть покажется однообразным. Зато второй каталог, «Catalogue des Objets en cuivre et en bronze à inscriptions historiques», который посвящен предметам из бронзы и меди, может порадовать всякого, настолько прекрасны и разнообразны объекты его изучения. В руках талантливого автора этого издания, G. Wiet, громадный материал, собранный в течение 4 лет, расположен очень наглядно, удобно, с кажущейся легкостью. Легкость эта очень обманчивая: глубокая эрудиция, методичность, изобретательность и бесконечное трудолюбие вложены в эту работу.

По существу, каталог бронзы дает гораздо больше того, что он обещает по названию. Основную часть его составляет полный и обстоятельный каталог бронзовых и медных предметов Арабского музея в Каире (стр. 1—156), частью изображенных на таблицах; затем идет приложение (стр. 163—269) — хронологический список всех предметов из меди и бронзы с историческими надписями других собраний, официальных и частных, в разных частях света, сведения о которых мог получить автор. Благодаря дружному отклику, он касается в общей сложности с египетским фондом

[1] Ibid., 83. К вопросу см. также рецензию G. Bergsträsser на цитируемую работу В. Крачковской в Orientalistische Literaturzeitung, 1931, № 5, 462,1.

[2] Ibid., 58, 99—100.

565 экземпляров (предисловие, стр. 1) — цифра колоссальная, если напомнить, что почти каждый экземпляр датирован.

Перейдя к рассмотрению собственно каталога, мы увидим, что и он гораздо содержательнее, чем можно было бы предполагать. Возьмем наудачу несколько номеров. Каталог начинается (стр. 1 сл.) описанием люстры № 92, табл. XII, 764 г. х. из мадрасы султана Малик На̄ṣира Ḫасана. Кроме обычных для каталога указаний размеров, происхождения и библиографии, дано сжатое, точное описание, со всеми необходимыми данными, надпись люстры с арабским текстом и французским переводом, детальный, авторитетнейший анализ текста с полезными комментариями, разбор титулатуры со всеми вариантами и параллелями (стр. 2—4); приложены: список всех известных автору датированных люстр, в количестве 35 (стр. 4—6), список медных и бронзовых предметов с именем того же султана и библиография (стр. 6—7). Следующий предмет в каталоге — подсвечник № 128 (табл. XXX, стр. 7—9) описан по той же системе, с приложением списка датированных подсвечников из различных собраний. Здесь несколько удивляет одно обстоятельство. Как известно, подсвечники входят в обычный инвентарь мечетей; но в списке, среди 59 подсвечников, находится всего один экземпляр из Йа̄шилӣ Джа̄миʿ в Пергаме, хотя думается, что и в других мечетях могли бы найтись датированные экземпляры. Для вазы № 130 (табл. XXVI, стр. 12—14) составлен список датированных ваз. При большом описании чрезвычайно сложного, прекрасного и много раз воспроизводившегося столика из маристана (госпиталя) султана Ḳала̄уна (стр. 14—28) находятся: 1) список 70 подписных предметов, 2) список 81 датированных предметов, 3) список предметов с именем султана Малик На̄ṣир Муḫаммада, так как в надписях столика упомянуто его имя и титулатура. При описании подсвечника № 1657 (табл. XXVII, стр. 47—49) дан список 12 предметов по признаку упоминания в надписи места работы, так как на данном каирском подсвечнике оно указано (Миṣр, гравер Муḫаммад, сын Ḫасана ал-Мауṣилӣ, 668 г. х.).

Одним из интереснейших номеров католога является описание так называемой «магической» чаши № 2567 (стр. 52 сл.). Этот, сам по себе незначительный объект, грубой работы, не содержит никаких исторических данных, имен и дат, но дает повод составить прежде всего список 41 чаши, из которых многие датированы V—VII вв. х. и имеют султанские имена. Изучение этого списка (стр. 52—54) приводит автора к неоспоримому выводу: чаши не подлинные, потому что расходятся даты и титула с именами владельцев. Анализ содержания надписей чаш и их рисунков раскрывает

те условия, которые придавали им и металлическим зеркалам магическое значение в глазах суеверных клиентов при гаданиях, заклинаниях и предсказаниях. Действие их направлялось главным образом на помощь при несчастных случаях, достижение заветных целей и лечение множества болезней, список чего очень разнообразен и любопытен (стр. 55—57); из предусмотрительности, составители надписей иногда, не довольствуясь перечислением болезней и конкретных фактов (автором собраны арабские термины этого рода), добавляли общие формулы, вроде «...для всего ото всякого рода» или даже мудрую оговорку «...кроме болезни смертельной». Одним из важных назначений заклинательных чаш было установление умышленных отравлений мышьяком, чему помогал особый химический состав употреблявшегося сплава (стр. 58). И в дальнейшем, для каждой категории предметов автор постарался дать исчерпывающие сведения.

Мы не можем останавливаться на всех деталях этого интересного и важного, тщательно проработанного каталога, но не сомневаемся, что с момента его появления ни одно описание и издание мусульманской бронзы и меди без него немыслимо, настолько полно, детально, авторитетно и разносторонне этот материал в нем трактован. Эпиграфика играет доминирующую роль и лишь редко чтение не установлено, но всегда оговорено и часто сопровождается факсимиле, для облегчения проверки и дальнейшей работы. Если центр тяжести каталога несомненно составляет эпиграфика, то таблицы могут дать обильную жатву не только для искусствоведа, но и для исследователя шрифта.

Исчерпывающих данных о материале автор, несмотря на затраченные на собирание четыре года, все же не мог иметь. Самой слабой частью являются наши собрания. Отсюда цитируется два предмета из Музея Мистецтв ВУАН в Киеве,[1] часть бронзового подсвечника[2] и несколько раз знаменитый гератский котелок из собрания Бобринского[3] в Эрмитаже, с неполной библиографией: честь опубликования последнего приписана исключительно M. van Berchem'y,[4] без упоминания русских авторов Н. И. Веселовского[5]

[1] Стр. 272, 273, 304.

[2] См. №№ 288 и 300, стр. 222, 225, 275, 304.

[3] См. стр. 19, 23, 65, Appendice, № 17.

[4] Arabische Inschriften (Die Ausstellung von Meisterwerken muhammedanischer Kunst in München 1910, herausg. von F. Sarre und F. R. Martin), т. I, стр. 3, прим. 2, где автор упоминает публикацию Н. И. Веселовского.

[5] См. Гератский бронзовый котелок 559 года хиджры (1163 г. н. э.) из собрания графа А. А. Бобринского, СПб., 1910, стр. 5 сл., табл. I—IV, VI—VII.

и К. А. Иностранцева,[1] хотя на работу Н. И. Веселовского ссылался и G. Migeon.[2] Для полного знакомства с материалом наших собраний за границей основным препятствием служит преимущественно русский язык, если вопрос касается печатных изданий, но не всегда. Еще больше вредит делу отсутствие авторитетных специальных каталогов и монографий, потребность в которых давно назрела. За работу над эпиграфикой меди и бронзы в Эрмитаже принимались неоднократно. Ею занимался усердно, между прочим, историк Востока К. А. Иностранцев и рано скончавшийся талантливый арабист И. П. Кузьмин, обширные рукописные материалы которого остались не разысканными. Составление каталога эрмитажной коллекции, с привлечением и использованием ее эпиграфических и указанных рукописных материалов, должно значительно восполнить существующий пробел в сведениях о ней и послужить на пользу как специалистам, так и для популяризации.

С совершенно другой областью арабской письменности знакомит нас работа A. Grohmann'а «Aperçu de papyrologie arabe».[3] Она представляет обработку четырех лекций о современном состоянии папирологии, прочитанных автором в Географическом обществе в Каире. Объекты ее изучения не только своеобразны по своему содержанию, но и с материальной стороны. Древний способ употребления папируса как материала для письма известен в Египте со времен Среднего царства (конец III — начало II тысячелетия до нашей эры); после греков и коптов, он был воспринят и арабами.

В гл. I автор прежде всего излагает (стр. 24 сл.) историю открытия с 1824 г. первых арабских и греко-арабских папирусов в Египте, которые составляют современный фонд в различных коллекциях и музеях. Со времени первой научной статьи Silvestre de Sacy (1825 г.) арабская папирология насчитывает немало фундаментальных работ. Прекрасный специалист, через руки которого прошли сотни папирусов, A. Grohmann постепенно излагает методы их подготовительной обработки, очень сложные при их хрупкости, часто очень плохой сохранности, которая усугублялась иногда умышленно разобщением частей отдельных папирусов с коммерческими целями (стр. 25—26), что значительно ухудшало процесс чтения. Папирусы представляют собой чрезвычайно важные исторические документы

[1] К. Иностранцев. Протокол заседания 22 XI 1907 г., ЗВО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. XVI—XVIII. — Его же. Бронзовый котелок 559 года Гиджры. Изв. И. Арх. Ком., вып. 60, стр. 48—62 = отд. отт. СПб., 1915, стр. 1—16.

[2] Gaston Migeon. Arts plastiques et industriels (Manuel d'art musulman 2°), т. II, Paris, 1927, стр. 41, прим. 1.

[3] Отд. отт. из Études de Papyrologie, t. I, Le Caire, 1932, 8°, стр. 23—95, с IX табл.

(стр. 27 сл.), самого разнообразного характера и содержания, и вскрывают состояние администрации, финансов, торговли, судопроизводства, частного быта и вопросы труда; они обнимают различные стороны жизни арабов в Египте с I в. хиджры, их отношения к местной и центральной власти в лице наместников и халифов. Здесь история находит себе драгоценные источники, частью пополняющие или подтверждающие (см. эпизод о назначении правителем Египта 'Омара ибн Миҳра̄на, стр. 47 сл.), частью далеко превосходящие по своей точности и подробности историко-географическую литературу арабов. Эти положения автор иллюстрирует целым рядом текстов по папирусам (гл. II); первый исторический документ относится к 22 г. х. и представляет расписку за овец для солдат арабского полководца 'Абдаллаха ибн Джа̄бира, взятых в счет налога (стр. 41 сл.).

При всем разнообразии вопросов и тем, которые затрагивают папирусы, в известных частях стиль их стереотипен, употребляются определенные формулы (стр. 34) и выражения, даже сокращения; последние поддаются чтению труднее всего. Формально самой важной частью папируса был «протокол», в котором упоминались имена халифа, губернатора и другие должностные лица, а также дата эмиссии; эта часть служила гарантией подлинности папируса (стр. 34 сл., 52 сл.). Понятно, что подобные данные для ранней истории мусульманского Египта чрезвычайно ценны.

В третьей главе находится очень интересный очерк администрации Египта, составленный на основании арабских папирусов. В конце исследования помещены указатели сокращений цитированной автором литературы (стр. 91—92) и цитированных папирусов (стр. 93—95). Из девяти приложенных таблиц (I—IX) часть посвящена папирусам и вопросам их обработки, часть документам на других материалах (ткань, кость, черепки, дерево).

Работа A. Grohmann'а прекрасно резюмирует современные достижения арабской папирологии, позволяет войти в сущность занимающих ее вопросов и оценить в полной мере значение арабских папирусов для науки. Для нас эта работа важна еще с одной стороны: она напоминает нам один долг. В круг деятельности русской арабистики специальное изучение арабских папирусов до сих пор не входило. Академик В. Р. Розен, однако, в 1888 г. сделал два доклада о новейших результатах исследования коллекции папирусов эрцг. Райнера (8 IV и 20 XII 1888);[1] в его бумагах оста-

[1] ЗВО, т. III, 1888, вып. I, V; ibid., 1889, вып. IV, X; Список трудов барона Виктора Романовича Розена в Приложениях к XVIII тому ЗВО, стр. 46, Памяти барона Виктора Романовича Розена. СПб., 1909.

лась неоконченная статья о папирусах той же венской коллекции.[1] Н. А. Медников прочел часть арабского заговора и рецепта на оборотной стороне папируса с коптской дарственной записью VIII в. н. э., изданной Б. А. Тураевым.[2] При издании греческих папирусов коллекции Н. П. Лихачева, П. В. Ернштедт опубликовал части арабского протокола на некоторых из них и фрагмент арабского письма с греческой пометкой получателя.[3]

Этим, насколько нам известно, исчерпывается все, напечатанное у нас об арабских папирусах. Между тем, в нашем Союзе имеются неизданные папирусы из собрания Н. П. Лихачева в Институте документа, книги, письма в Ленинграде и из собрания В. С. Голенищева в Москве. Потребность в их издании давно назрела; одному из наших арабистов предстоит трудная, ответственная, но и заманчивая задача овладеть этим новым материалом, для чего необходимо вооружиться основательным запасом знаний, как то: языка, истории, источников, арабской палеографии... и терпением. К работе необходимо приступить теперь же, иначе настанет время, когда за нее, к нашему стыду, примутся иностранные ученые.

Арабские папирусы, как видно из предыдущего, могут служить для изучения ранних скорописных и деловых почерков Египта. В круг изучения следующей работы входят образцы каллиграфии и книжных украшений. Книжка молодого исследователя Aḥmed Mousa «Zur Geschichte der islâmischen Buchmalerei in Aegypten»[4] была представлена как диссертация на степень доктора, которую он получил в Берлинском университете. Автор с ранних лет знакомился с историей искусств и архитектуры, изучал технологию и химию красок. В настоящей работе (стр. 1) он поставил себе целью «дать ясную картину состояния книжной и миниатюрной живописи в Египте». Свое исследование он строит только на неопубликованных рукописях Bibliothèque Égyptienne в Каире, которая обладает громадным собранием, не принимая специально в расчет их красоту, а исторические взаимоотношения. Он желает познакомить интересующихся с неизвестными художниками, для чего составляет список мастеров каллиграфии и ими основанных школ, а также с вопросами техники из этой области. Затем он изла-

[1] И. Ю. Крачковский. Опись бумаг барона В. Р. Розена, поступивших в Азиатский музей Российской Академии Наук. Изв. Росс. Акад. Наук, Петроград, 1918,1330—1331, № 20.

[2] Б. А. Тураев. Описание памятников в русских музеях и собраниях. VII. Музей древностей при имп. Казанском университете, ЗВО, т. XV, 1902—1903, СПб., 1904, 099, табл. IV, 1—2.

[3] Papyri russischer und georgischer Sammlungen herausgegeben von Gregor Zereteli. IV. Die Kome-Aphrodito-Papyri der Sammlung Lichačov bearbeitet von Peter Jernstedt, Tiflis, 1927, № 10, стр. 39, 43; № 12, стр. 48; № 14, стр. 51—52, 92—93.

[4] Cairo, 1931, 122 стр. 8° + XLV табл.

гает (стр. 2) принятую им систему измерения листов и рисунков, перечисляет свои источники для определения датировки, систему транскрипции имен, приспособленную к египетскому произношению (стр. 2—3).

Введение (стр. 7—12) содержит беглый очерк возникновения и распространения мусульманской культуры; затем собственно изложение начинается (стр. 13—20) обзором культурного развития Египта по периодам, с попыткой выделить важнейшие исторические события. Им подчеркнуты два момента (стр. 15), повлиявшие на развитие мусульманско-египетского искусства: изменения политических отношений и предписания ислама; из последних он особенно оттеняет влияние ислама на изобразительное искусство, сильнее выраженное в I—II вв. х. и базировавшееся на нескольких приписываемых Мухаммеду преданиях (стр. 15—16). Вопрос потерял прежнюю остроту в последующие века. С возникновением переводной литературы на арабском языке появляются миниатюры пояснительного характера (стр. 16—17); в связь с ними автор ставит орнаментирование книг культового назначения. Из смежных цивилизаций, вполне основательно, наибольшую долю влияния он признает за сиро-византийской и сасанидской, но «несмотря на соприкосновение с чужими цивилизациями, арабское искусство не утратило ничего из своего первоначального характера».[1] Подтверждением этого взгляда, достаточно спорного с нашей точки зрения, он считает термин «арабеска (Arabeske) ... который во всех языках имеет особое (ausgeprägte) значение».[2]

Всю историю арабского искусства в Египте А. Муса делит на пять периодов. В первом, включая начало династии ʿаббасидов, по его мнению, строительное искусство и тесно с ним связанная книжная живопись (кораны для мечетей, стр. 17—19) отставали; второй, в правление ʿаббасидов — период «художественной деятельности и образования»; третий, при ṭӯлӯнидах — дальнейший художественный подъем, при ясном преобладании месопотамского влияния (стр. 19); четвертый (287—360 г. х) — мало плодотворный, из-за военных предприятий в Сирии и Палестине; пятый (360—960 г. х) — постепенное развитие всех искусств. На страницах 19—20 автор бегло характеризует особенности ṭӯлӯнидской, фāṭимидской и мамлюкской книжной орнаментики и письма.

[1] Стр. 17: «... hat die arabische Kunst nichts von ihrem ursprünglichen Charakter eingebüsst».

[2] О сложности термина «арабеска», видоизменении арабесок в зависимости от времени и места вообще, характере ранне-египетской арабески в частности см., например, E. Herzfeld, Arabeske, E. I., т. I, 382—383.

В следующей небольшой главе описаны рисовальные и письменные принадлежности, в виде маленького словаря с комментариями (стр. 21—24), что несомненно полезно. В главе об арабских письменах (стр. 25—30) перечислены различные подразделения почерков, в сущности апокрифичные и ничем автором не доказанные, с названиями по большей части географического происхождения. Специальные химико-технологические познания автора нашли здесь применение при описании рецептов и красок, заимствованных из арабских источников. Может быть правильнее было бы их присоединить к главе о письменных и рисовальных принадлежностях.

Главный интерес книжки сосредоточен в описании и критике иллюстраций (стр. 31—81), списке каллиграфов IX—XV в. н. э. (стр. 82—99) и биографическом комментарии к нему (стр. 100—110). Иллюстрации исполнены на меловой бумаге, многие вполне хорошо, некоторые слабее по качеству репродукции. Они имеют двойную нумерацию: вверху идет латинская, которая соответствует фактическому количеству изображений (I—XLV), внизу арабскими цифрами в скобках, от 1 до 68, но с пропуском некоторых номеров, которые исключены по незначительности или совпадению с представленными; все изображенные в объяснениях к рисункам отмечены звездочкой (стр. 31,1). Первые одиннадцать номеров списка и соответствующие им таблицы I—VI посвящены описанию и изображению письменных приборов, деревянных и металлических, из Арабского музея в Каире. При выборе собственно книжных иллюстраций и украшений внимание было направлено преимущественно на датированные рукописи разнообразного содержания, чтобы проследить по ним последовательность развития их в Египте. Тут представлены научные сочинения и трактаты, иллюстрированные техническими чертежами (табл. VII, VIII, XV, XVI), географические с картами (табл. IX—X), ветеринарный лечебник (табл. XIII), руководство по верховой езде (т. XIV), образцы раннего коранического куфи (табл. XVII—XIX) и более поздних коранов, молитвенников и унванов. Комментарии автора к рисункам довольно разнообразны; они содержат некоторые хронологические и биографические сведения о каллиграфах и художниках, анализ орнамента и определения почерков.

Работа Aḥmed Mousa задумана несомненно оригинально и вводит в обращение свежий материал. Он свободно пользуется арабскими и европейскими источниками. Вместе с издателями арабских надгробий Hassan Hawary и Hussein Rached, автор принадлежит к молодому поколению арабов-искусствоведов, знакомых с европейским научным методом, европейскими языками и литературой. Тем не менее, в исследовании не вполне четко рас-

пределен материал и недостаточно обоснованы некоторые положения. Неблагоприятно отражается также полная изолированность исследования от параллельного материала, т. е. книжных украшений и каллиграфии других стран ислама; такое сопоставление необходимо тем более, что многие из перечисленных каллиграфов были неегипетского происхождения и могли быть носителями неегипетских каллиграфских традиций. Было бы полезно также учесть соотношение между оформлением рукописей и архитектурно-декоративными вкусами и течениями; слабое исключение сделано по отношению ко времени султана Ка̄’ит Бея (стр. 76, 78, 79).

К своим задачам и материалу в некоторых случаях автор подходит может быть слишком просто. Остановимся на одном примере — рис. 31, табл. XIX, с изображением страницы куфического корана. В объяснении к этому рисунку, стр. 47, после даты 566/1170 г., находится имя каллиграфа Bakr ibn Aḥmed ibn ʿObeid Allâh. Эту страницу автор довольно подробно изучает в своей «критике рисунков» (стр. 61), но не замечает после куньи нисбы каллиграфа الغزنوي. Между тем, в статье B. Moritz «Arabische Schrift»[1] изображены два листа корана, написанного Абу Бекром из Газны в 566 г. х.,[2] т. е. дата и имя одинаковы как в издании Aḥm. Mouṣa, так и у B. Moritz, но у последнего добавлено происхождение писца. Что в обоих случаях мы имеем дело не только с одним каллиграфом по имени,[3] но и с одним и тем же экземпляром корана, можно легко убедиться сличением всех трех листов и доказать палеографическим анализом. Характерный шрифт текста сур у Aḥm. Mousa одинаков с нижним листом у B. Moritz; есть и другие совпадения в орнаментации, на которых мы не будем останавливаться. Как нисба, так и публикация B. Moritz’а ускользнули от Aḥmed Mousa. Факт сам по себе нежелательный, но не редко случающийся. Гораздо хуже, что автор, принимая этот рисунок за бесспорно египетский, видит в нем признак первого подъема мусульманской книжной живописи в Египте и таким образом идет далее по ложному пути.

По поводу рис. 55, табл. XXXIV, стр. 54 и 72—73, некоторая поспешность вовлекла автора, как нам кажется, в заблуждение. Приписку писца об окончании переписки в рамада̄не 814 г. х. при султане На̄ṣире Фарадже, очень своеобразным шрифтом, Aḥmed Mousa очень критикует, обвиняет каллиграфа в неряшливости и непонимании красоты. Одним из поводов для этого служит незаполненное пространство большого листа вокруг

[1] E. I., т. I, табл. V.

[2] По словам B. Moritz, ibid., стр. 406, коран написан в Персии.

[3] У B. Moritz листы не подписные.

сравнительно небольшого квадрата с записью в простой рамке. Но правильна ли такая строгая оценка? Действительно ли ʻАбдурраҳман ибн aç-Çа'иг был лишен вкуса и не мог рисовать? Мы не можем убедиться в этом, пока не перевернем страницу с подписью. А если бы смогли, то вероятно увидели бы на обороте (recto) унван или текст, заключенный в широкую рамку с медальонами и цветочным бордюром, которые просвечивают сквозь лист на изображении. Орнамент, правда, мог быть исполнен другим художником; такие случаи известны, и тогда можно предположить, что подписной лист остался незаконченным. Эти вопросы требуют, конечно, пересмотра по оригиналу, но оба примера показывают, что к выводам Aḥmed Mousa надо относиться осторожно.

Список известных каллиграфов (стр. 82—99) несомненно полезен, как и комментарий к нему (стр. 100—110); он составлен на основании некоторых арабских источников и географов, перечисленных в библиографическом указателе. Таблицы расширяют наши сведения об орнаменте и почерках; к сожалению, автор, приводя различные названия последних, не объясняет их различия между собой, чем несколько ослабляет ценность интересного материала.

Книга Aḥmed Mousa может, конечно, быть использована как пособие для изучения арабской палеографии, но с оговорками и выбором. Потребность в учебных пособиях такого рода у нас есть. До сих пор при занятиях над арабскими почерками приходилось пользоваться немногими иностранными изданиями, как, например, W. Wright,[1] E. Tisserant,[2] B. Moritz,[3] изданиями папирусов и др. Но эти публикации отчасти громоздки или слишком редки, экземпляров слишком мало, чтобы ими можно было обслужить даже небольшую группу лиц. Арабскую палеографию теперь начинают вводить в программу нашей высшей школы, а пособий для преподавания нет. Между тем мы имеем все данные для их создания: наш арабский рукописный фонд достаточно обширен, и из него можно подобрать образцы для альбома, часто датированные и подписные. Такой альбом мог бы одновременно служить как своего рода путеводитель или краткий каталог и употребляться как хрестоматия.

Выше речь шла об изданиях различных памятников арабской письменности, одни из которых возникли и хранятся в Каире, другие находятся

[1] Facsimiles of Manuscripts and Inscriptions. Paleographical Society. Oriental Series, 1875—1883.

[2] Specimina codicum orientalium. Bonn, 1914.

[3] Arabic Paleography. A Collection of Arabic Texts, publ. of the Khedivial Library. Cairo, No 16, 1903.

там, но не египетского происхождения, третьи — египетского происхождения, но сохраняются в различных странах. Соседняя с Египтом Палестина, связанная с ним географически и исторически, естественно должна обладать родственными памятниками культуры, археологии и искусства. Может быть ярче всего сродство это сказалось в эпиграфике тех периодов, когда Палестина находилась в политической зависимости от Египта. С вопросами эпиграфики тесно соприкасается мусульманская геральдика, которая в лице Dr. L. A. Mayer (Jerusalem) нашла ревностного исследователя.

Лучший современный знаток мусульманской геральдики, L. A. Mayer давно известен как прекрасный эпиграфист. Ему принадлежит целый ряд отдельных исследований по эпиграфике Палестины. В «Journal of the Palestine Oriental Society» им издана последовательно серия арабских надписей в Газзе.[1] В 1931 г. он начал издавать новую серию, под заглавием «Satura epigraphica arabica», которая захватывает надписи из других местностей Палестины, неизданные или изданные неудачно и неполно.[2] Хронологически большинство этих надписей относится к VII—VIII в. х., т. е. XIII—XV в. н. э., когда в Египте правили мамлюки и вели борьбу в Палестине и Сирии с монголами, ассасинами и крестоносцами.

Параллельно с изданием палестинских надписей этого периода, L. A. Mayer изучал геральдические знаки, которые встречаются и в монументальных текстах, и на предметах. В 1925 г. он исследует геральдические знаки на керамике из раскопок в Баальбеке.[3] В том же году появляются две его статьи: «Das Schriftwappen der Mamlukensultane»,[4] где он рассматривает специально мамлюкские гербы с надписью на самом щите, и «Le blason de l'émir Salâr» — о гербе, давно известном из литературного источника, но точно установленном только автором по изображению в строительной надписи Салāра в Хевроне.[5] В январе 1926 г. L. A. Mayer устраивает в Иерусалиме специальную выставку мусульманской геральдики. Впервые делается попытка разделить такие экспонаты по географическому признаку и по материалу. Большинство выставленных экземпляров было найдено в Палестине и относилось к мамлюкскому периоду (1250—1517 г. н. э.),

[1] Arabic Inscriptions of Gaza, JPOS, vol. III, 69—78, vol. V, 64 ff., vol. IX, 219—225, vol. X, 59—63, vol. XI (?), 144—151.

[2] Отд. отт. из The Quarterly of the Department of the Antiquities in Palestine, vol. I, No 1, 37—43, vol. II, 127 ff., vol. III, No 1, 24—25.

[3] См. Friedrich Sarre. Keramik und andere Kleinfunde der islamischen Zeit von Baalbek. Berlin und Leipzig, 1925, 7, прим. 1. Ср. рецензию В. Крачковской в ЗКВ, т. III, Ленинград, 1928, 204.

[4] Отд. отт. из Jahrbuch der asiatischen Kunst, 1925, 183—187, с 4 рис. на табл. 104.

[5] Отд. отт. из JPOS, vol. V, 1925, 58—60.

меньшая часть была из Сирии и Египта. Кроме предметов, на выставке были рисунки, фотографии и отдельно две полки с литературой: 1) посвященной специально мусульманской геральдике, 2) содержащей сведения о мусульманской геральдике.[1]

Между тем, с 1923 г. L. A. Mayer подготовлял издание большой монографии мусульманской геральдики, которая вышла из печати в январе 1933 г. Как видно из предисловия к изданию (стр. V), целью монографии «Saracenic Heraldry»[2] является составление по возможности полного, строго документированного геральдического реестра мусульманских султанов, эмиров и рыцарей, предназначаемого преимущественно для музейных деятелей и коллекционеров. Поэтому в издание были включены переводы и объяснения, которые автор считает излишними для арабистов.

Чрезвычайно интересное и содержательное введение (стр. 1—43) начинается с определения понятия «сарацинский герб». Автор сознательно отказался от эпитета «арабский», который не годится для эмиров неарабского происхождения, а эпитет «мусульманский» не точен, так как в этот том вошла геральдика не всех мусульманских династий. Он остановился на эпитете «сарацинский», вызывающем идею о мусульманах Сирии, Палестины и Египта в эпоху крестовых походов, в соответствии с материалом данной книги (стр. 1). Затем идет целый ряд сравнительно небольших отделов введения, где сарацинская геральдика рассмотрена всесторонне.

Изучение начинается с источников; из них арабские (стр. 1—2, 28,1–2) дают мало для исследователя, а европейские давали часто неправильное толкование, и самыми ценными остаются оригиналы и надписи, сопровождающие их в архитектуре, прикладном искусстве, нумизматике и рукописях. Постепенно рассмотрен институт геральдики (стр. 3—4) и его отличие от европейской геральдики, соотношение между занимаемой должностью и эмблемой (стр. 4—7), значение отдельных эмблем и их терминология (стр. 4 сл.), пожизненное сохранение принятого герба (стр. 7), «говорящие» эмблемы (armes parlantes, стр. 7—10), изображения животных (стр. 9—10), должностные знаки (стр. 10—26). Из последних особенно любопытны две эмблемы: письменный прибор (пенал, стр. 12—13) и геральдическая лилия.

Чрезвычайно долго целый ряд ученых держался мнения, что первая из этих эмблем изображает группу иероглифических знаков, которые читали «Ra neb teta», пока в 1918 г. ʿAbd al-Ḥamīd Muṣṭafā·Pasha не разо-

[1] Guide to the Exhibition of Moslem Heraldry in Palestine. Jerusalem, 1926 (with a Preface by John Garstang), 8⁰, 7 стр.

[2] Oxford. 4⁰, XV + 302 стр + LXXI табл.

брал и доказал ее действительное значение. На стр. 12 изображены все известные варианты этой эмблемы. Вокруг второй эмблемы — геральдической лилии (стр. 22—24) велась упорно дискуссия, 1) по поводу истории французского национального герба (fleur de lis) и 2) о времени появления геральдической лилии на Востоке. Из мусульман она впервые установлена в гербе атабека Нӯр ад-дӣна Маҳмӯда ибн Зангӣ (549—569/1154—1178 г.). Автор, повидимому, весьма основательно указывает, что только со времени Людовика VII (1137—1180 г.) во Франции геральдическая лилия имеет три отдельных листка, схваченные в середине рукой; на Востоке же все ранние формы fleur de lis как декоративного, так и геральдического характера — с тремя отдельными листьями: на египетском цилиндре Рамзеса (стр. 24,1), в декорации стен Самарры (стр. 24,2) и в керамике Фусṭāṭа. Наоборот, ранне-европейская форма, с соединенными листами, на Востоке появляется только во второй половине XIV в.

Не менее существенны и прочие части введения, начинающиеся с «грамматики геральдики». Тут обсуждаются относящиеся к гербу арабские термины (ранк и др.), роль щита в мусульманском гербе (стр. 27), цвета, простые эмблемы и сложные гербы, сопоставленные в особых таблицах (стр. 8 и 30), щиты с надписями, которым посвящен большой экскурс, сложная проблема наследственности герба, женская геральдика и подделки.

Обширный геральдический реестр составляет большую часть тома (стр. 45—267). Он расположен в алфавитном порядке собственных имен носителей гербов и содержит следующие сведения: где возможно, краткую биографию данного лица, описание герба со ссылкой на номер схематической таблицы, описание предмета, откуда заимствован герб, ссылку на таблицу, если герб изображен, арабский текст с именем данного лица, английский перевод текста, библиографию, ссылки и комментарии. Критический аппарат состоит из ряда подробных указателей: списка коллекционеров (музеи и частные лица, стр. 269 — 270), обширной европейской библиографии (стр. 271—282) и указателя имен (стр. 283—302).

Таблицы без красок, но великолепно исполнены на меловой бумаге (I—LXXI), со многими отдельными рисунками. Вся техническая сторона издания чрезвычайно высока. Ссылки на таблицы, упомянутые в тексте, находятся просто, но найти в тексте описание по номеру рисунка на таблице довольно сложно: для этого надо сперва в списке таблиц и рисунков (стр. XI—XV) найти ссылку на указатель имен (стр. 283—302), а по нему уже искать нужные страницы реестра. Из наших коллекций в обзор вошло очень немного: одна рукопись б. Азиатского музея, ныне ИВАН (на

стр. 169, табл. XIV) и две лампы Гос. Эрмитажа из собраний Базилевского и Штиглица (стр. 203 и 262).

Капитальная монография L. A. Mayer, с ее колоссальным эпиграфическим материалом, продумана основательно, освещает предмет авторитетно и всесторонне, вводит много неизданного, нового и вполне могла бы удовлетворить Max van Berchem'a, который возлагал большие надежды на систематическое изучение мусульманской геральдики.[1] Для музееведов и эпиграфистов соответствующих специальностей работа L. A. Mayer будет ценнейшей настольной книгой.

Заканчивая настоящее обозрение, мы видим, что мусульманская эпиграфика, палеография и геральдика Египта и Палестины, при посредстве высококомпетентных специалистов, обогатились ценнейшими изданиями и исследованиями, роль которых в науке будет несомненно велика и поможет ее дальнейшему успешному развитию.

---

[1] Notes d'archéologie arabe, III, Journal Asiatique, 10 série, t. III, 76.

ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АССОЦИАЦИЙ ПРИ ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

АССОЦИАЦИЯ АРАБИСТОВ

Для координирования научной работы по изучению арабских стран и взаимного осведомления о новейших исследованиях по всем отраслям арабистики, при Арабском кабинете Института востоковедения (ИВ) организована ассоциация арабистов г. Ленинграда. Ассоциация стремится привлечь к своим работам всех лиц, ведущих в Ленинграде научно-исследовательскую, научно-популяризаторскую и преподавательскую работу по всем вопросам, относящимся к арабскому Востоку. Наряду с этим будет также обращено внимание на изучение арабов СССР (в Таджикистане), на историю арабистики, равно как и на всякие проблемы, так или иначе связанные с арабскими странами или арабскими материалами (арабские исторические источники).

На состоявшемся 11 января с. г. учредительском собрании было избрано правление из пяти лиц в составе акад. И. Ю. Крачковского (председатель), А. Искандерова (секретарь), А. Шами (от ЛВИ), В. Сухотиной (от ГАИМК), и Н. Юшманова (от ИЯМ и ЛИЛИ). Был заслушан доклад акад. Крачковского о развитии советской арабистики за 15 лет после Октябрьской революции. Он же сделал сообщение о готовящемся переводе «Книги длинных историй» арабского классика Абӯ Ҳанӣфы ад-Дӣнавӣрӣ (ум. в 895 г.). Изданный в 1888 г. Гиргасом, с дополнительным томом, напечатанным в 1912 г. И. Ю. Крачковским, этот труд является важным источником по истории Сасанидов, завоевания арабами Сирии, Ирака и Средней Азии, а также по раннему периоду халифата. В работах по переводу предполагается участие членов ассоциации под общим руководством акад. Крачковского.

АССОЦИАЦИЯ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ

Задачей Ассоциации монголоведения, организованной при Институте востоковедения, является научно-исследовательская деятельность в области изучения истории, экономики, языков, литератур и других отраслей культуры монгольских народов, а также научно-популяризаторская работа по указанным вопросам.

Вместе с тем Ассоциация монголоведения ставит пред собой научно-организационные задачи, как-то: систематический учет лиц, ведущих в СССР и за границей монголоведную работу и учет тех вопросов, над которыми работают данные работники; мобилизацию внимания монголоведов на разработке актуальных проблем монголоведения и организацию коллективной разработки их; организацию совещаний и конференций по вопросам монголоведения с приглашением на них представителей монголоведения соответствующих учреждений СССР; организацию докладов, научных совещаний, циклов научных лекций и консультаций по вопросам монголоведения; обсуждение планов востоковедных научных учреждений в части монголоведения и ряд других вопросов.

В члены Ассоциации принимаются монголисты СССР, ведущие самостоятельную монголоведческую работу, обязанные в течение года дать не менее одной монголоведческой работы, печатной или доклада. Из среды членов Ассоциации избрано правление в количестве 5 человек и 2 кандидатов, составленное в настоящее

время из представителей Института востоковедения Академии Наук СССР, Института языка и мышления Академии Наук СССР, Ленинградского Восточного института им. т. Енукидзе и Ленинградского Института философии, истории и лингвистики.

По утверждении устава Ассоциации в конце 1933 г. была проведена предварительная организационная работа и в первом полугодии текущего года намечены следующие доклады:

А. П. Свечникова «Проблемы сельского хозяйства Монгольской народной республики»;

А. В. Бурдукова «Сарт-калмыки — национальное меньшинство Киргизской АССР»;

А. Д. Калинникова «Крестьянские движения XVIII—XIX вв. в Монголии»;

М. И. Амагаева «Национальное освободительное движение 1911 г. в Монголии и проф. А. И. Иванова «Новейшие данные о гуннах».

В целях содействия популяризации среди широких масс молодых монгольских революционных писателей, Ассоциация предполагает издать совместно с издательством «Иностранный рабочий» сборник стихотворений Дамдинсуруна и др.

Количество членов Ассоциации в настоящее время достигает 25 чел., главным образом работников Ленинграда и Москвы, однако в дальнейшем Ассоциация надеется охватить своей деятельностью также и национальные республики, как, напр., Бурят-Монгольскую АССР, Калмыцкую авт. обл., всегда поддерживавших тесную научную связь с Академией Наук.

Во главе Ассоциации находится член-корреспондент Академии Наук Н. Н. Поппе, секретарем Ассоциации состоит В. А. Казакевич.

АССОЦИАЦИЯ ЯПОНОВЕДЕНИЯ

Ассоциация японоведения организована в декабре 1932 года при японском кабинете Института Востоковедения Академии Наук СССР, объединяет 29 человек ленинградских японоведов и возглавляется правлением (председатель проф. Н. И. Конрад, секретарь Д. М. Скляров).

Ассоциация делится на две секции: научно-исследовательскую и культурно-просветительную. По линии научно-исследовательской, в Ассоциации проф. Конрадом был прочитан ряд лекций из цикла «История революционного движения в Японии» и сделаны следующие доклады:

1) «Монархическая концепция в Японии», докладчики: проф. Н. И. Конрад, проф. Н. А. Невский, Ю. К. Шуцкий, Е. М. Колпакчи, Е. М. Жуков, Я. Б. Радуль, А. Ф. Петров.

2) «О текущем положении в Японии по данным текущей периодической прессы» выступали В. С. Животова, И. Е. Цейтлин, В. В. Нароков, Л. П. Кореян.

3) «1-ое Мая в Японии», выступали Е. М. Жуков, О. П. Соловьева, Н. И. Фельдман, А. Е. Глускина.

4) «Финансовое положение Японии,» докладчики В. М. Штейн и Л. П. Кореян.

5) «Забастовка типографии Кедо Инсатцу и ее отражение в романе Токунага», докладчик Н. И. Фельдман.

6) «Современная Японии (по личным впечатлениям)», докладчики тов. Ангара и тов. Воронин.

По линии культурно-просветительной членами ассоциации был прочитан ряд докладов о положении на Дальнем Востоке и о современной Японии, главным образом в частях Красной армии.

Кроме того, члены ассоциации сделали ряд крупных переводов японских произведений по просьбе различных организаций.

В ближайшее время Ассоциацией намечаются следующие работы: в ноябре месяце в Ассоциации, приезжающей в Ленинград по приглашению Института Востоковедения, тов. Хидзиката прочтет ряд докладов по истории пролетарского культурного движения (литературного и театрального) в Японии.

Кроме того до января 1935 г. предполагается заслушать доклад на тему: «Система транскрибирования японской письменности», докладчики проф. Н. А. Невский и А. А. Холодович, а также доклад на тему «Религия на службе японского империализма», докладчик Я. Б. Радуль.

ИММАНУЭЛЬ ЛЁВ

В январе с. г. исполнилось 80 лет известному венгерскому ориенталисту Immanuel Löw (род. в 1854 г. в Сегедине). Перу L. принадлежит ряд исследований по еврейско-сирийской лексикографии, главным образом по ботанической и зоологической терминологии. Главные

его труды: «Aramäische Pflanzennamen» (1881), «Die Flora der Juden» (4 тома, 1924—1934); в стадии подготовки большой труд о названиях животных.

Я. В.

ИНСТИТУТ ВОСТОЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЙРУТЕ

Католическое общество св. Иосифа в Бейруте с 1932/33 учебного года учредило Институт восточной культуры, имеющий задачей изучение языковых дисциплин, литературы, истории и археологии Ближнего Востока. В истекшем году велись занятия по следующим предметам: 1) Багдад — центр аббасидской литературы — Afrām al-Bustānī; 2) История Сирии в греко-римскую эпоху — René Mouterde; 3) Христианское искусство в Сирии — Jean Lasouse; 4) Погребальные церемонии и обычаи в Финикии — Morice Šihāb; 5) Положение армян с древнейших времен до арабского завоевания — Jean Maṣīrjān; 6) Язык литургии и места богослужения в древне-восточных церквах — Jean Maṣīrjān.

Я. В.

● Издание известной «Энциклопедии Ислама» выходящей на трех языках в Лейдене с 1908 г., подходит к концу. Основная серия уже закончена выпуском на букву Z, до серии, начатой в 1924 г. с буквы S, остается несколько выпусков (на буквы N — R). Редакция приступила к подготовке дополнительного тома, который должен начаться печатанием в текущем году. По просьбе редакции И. Ю. Крачковским написана статья о ново-арабской литературе, которая должна послужить продолжением статьи C. Brockelmann'а об арабской литературе, помещенной в т. 1 «Энциклопедии».

● В Лейдене (Голландия) вышли два выпуска конкорданса и индексов к мусульманскому преданию (сунне). Издание рассчитано на десять лет, каждый год будет выходить два выпуска по 10 печ. листов in folio. В работе, которая была начата в 1916 г., принимало участие около 40 ученых Запада и Востока. Издание выходит под главной редакцией лейденского профессора A. J. Wensinck'а (редактора «Энциклопедии Ислама») и печатается в известной типографии Брилля. Для общего наблюдения за изданием организован международный комитет из 14 ученых различных стран; в состав его входит И. Ю. Крачковский, который по просьбе редакции просматривает одну корректуру издания.

● В географическом журнале «Petermann's Mitteilungen» (1933, № 11—12, 304) сообщается об открытии в Болгарии в мечети г. Шумлы еще одной рукописи известного географического сочинения ал-Идрӣсӣ. Рукопись сохранила полностью все карты. Упоминая про другие известные в Европе экземпляры этого сочинения, автор заметки не называет рукописи Публичной библиотеки в Ленинграде. Это объясняется, по всей вероятности, тем обстоятельством, что рукопись, которая привлекалась к исследованию некоторыми западными учеными (K. Miller, O. J. Tallgren), до сих пор не имеет систематического описания.

● Для подготовляемой в Эривани «Советской армянской энциклопедии» И. Ю. Крачковским написано несколько статей об арабских писателях и деятелях армянского происхождения Абкāриӯс, Абӯ Çāлих ал-Арменӣ, Бедр ал-Джемāлӣ).

● И. Ю. Крачковский по просьбе проф. G. Widmer'а (Берн — Швецария) просмотрел и исправил некоторые переводы стихотворений современного багдадского поэта Джемӣля Çыдкӣ аз-Захāвӣ, подготовленные Widmer'ом для исследования о последнем.

● А. П. Ковалевский (Харьков, Украинский институт педагогики) закончил доклад «Просветительная политика в низшей и средней школе Египта» на основании программ и планов, полученных Институтом от египетского Министерства нар. просвещения.

● Он же подготовил описание 4 арабских рукописей Харьковской университетской библиотеки, по преданию принадлежавших когда-то Б. А. Дорну (Дорн, как известно, состоял профессором восточных языков в Харьковском университете в 1827—1835 г.).

НЕКРОЛОГИ

В августе прошлого года умер известный семитолог Gotthelf **Bergsträsser** (род. 5 апреля 1886 г.). В. был одним из наиболее выдающихся востоковедов нашего времени. С 1915—1918 г. он был ординарным профессором в Константинополе, с 1919 г. в Кенигсберге, Бреславле и Гейдельберге, а с 1926 г. занимал кафедру семитских языков и филологии в Мюнхене.

В эти же годы он несколько раз по предложению египетского правительства читал лекции по корановедению в Каирском университете. В. избрал своей специальностью сравнительное языковедение в области семитских языков и те дисциплины, которые объединяются под именем исламистики. По всем вопросам, которыми он занимался, он оставил исследования, поражающие своей глубиной и точностью метода. В его «Sprachatlas von Syrien und Palästina» (1915) впервые применены к семитским диалектам современные приемы лингвистической географии. Эта его работа уже нашла себе продолжение в статьях Cantineau о хауранских диалектах. Те же современные методы и техника работы характеризуют два прекрасных исследования по новоарамейским диалектам двух ливанских деревушек, последним остаткам языка, некогда господствовавшего по всей Передней Азии вплоть до Египта [«Neuaramäische Märchen und andere Texte aus Ma'lūla» (1915), «Phonogramme im neuaramäischen Dialekt von Ma'lūla» (1933)]. В. был, вероятно, единственным европейцем, который не только описал этот диалект, но и свободно владел им. Наряду с этим широкую известность ему доставило его исследование по народно-арабскому языку Дамаска [«Zum arabischen Dialekt von Damaskus» (1924)], дающее описание его фонетики, по точности не имеющее себе равного в области семитистики. Много аналогичных материалов, собранных им во время своей первой научной командировки в Дамаск, еще ждут своей обработки и издания. Его «Einführung in die semitischen Sprachen» (1928) дает образцовую характеристику всех семитских языков и диалектов, начиная с языка древнего Аккада и кончая говорами современных бедуинов и евреев Палестины. И не удивительно, что именно ему было поручено подготовить в 1917 г. новое издание известной грамматики Гезениуса, издание, которое фактически является вполне оригинальным и самостоятельным научным трудом. Несколько работ В., трактующие вопрос о древнейших арабских переводах с греческого [«Hunain ibn Ishaq und seine Schule» (1913), «Pseudogaleni in Hippocratis...» (1914)] отличаются той же щепетильной добросовестностью исследования. В последние годы главный свой интерес В. направил в сторону Корана. За его «Geschichte der Korantexts» (1926), представляющей собой коренную переработку классического труда «дедушки семитологии» Nöldeke, должна была последовать история традиционной передачи коранского текста. К несчастью бессмысленный случай в горах перервал его жизнь, жизнь, много давшую науке, но далеко еще не исчерпанную по своим возможностям.

Я. В.

11 января с. г. умер английский арабист-иранист **Guy Le Strange** (род. в 1854 г.) Главнейшие его труды: «Baghdad during the Abbasid Caliphate» (1900), «Mesopotamia and Persia under the Mongols» (1903), «The Land of the Eastern Caliphate» (1905), «Embassy to Tamerlane» (1928).

Я. В.

Цена 9 руб.

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится: 1) Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 1, В.О., Менделеевская линия, 53, тел. 5-92-62; 2) Московским отделением Издательства Академии Наук, Москва, ул. Горького, 20.